

**ТАТЬЯНА
БУДЕНКОВА**

**ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ВДОВЫ ВАМПИРА
2016**

Как из бедной девушки стать богатой вдовой. Как умный мужчина может воспользоваться обстоятельствами страшными, тяжелыми, но выдержать и нажить хорошее состояние, однако попасть в "медовую ловушку" и какую цену ему пришлось за это заплатить. Можно ли прийти с того света в баньку помыться? Как жениться на дочери богатого человека, и не пожалеть об этом. Всё эти события происходят в одном провинциальном городке в прошлом веке.

Буденкова Татьяна Петровна

Жизнь и приключения вдовы вампира

Основные действующие лица:

1. Вдова вампира — Наталья Акимовна
2. Её батюшка, отставной писарь — Аким Евсеевич
3. Их приживалка — Настя
4. Несостоявшийся жених Натальи Акимовны — пимокат, Егор Петрович
5. Муж и сам вампир — Кузьма Федотыч
6. Соседка и роковая женщина Акима Евсеича — Марья Алексевна
7. Городской голова — Пётр Алексеевич
8. Сын городского головы — Алексей Петрович
9. Граф Немиров Михаил Михайлович — знатный вельможа и его дядя Михаил

Николаевич, а ещё: околоточный надзиратель — Павел Никодимович Абиняков, его супруга — Анна Алексеевна Абинякова, городской, врач, приходской батюшка, трое кладбищенских жильцов, а также другие, случайно причастные к происходящим событиям, жители и гости города Бирючинск.

Смерть вампира

Городок Бирючинск расположился на высоком берегу реки Бирюки. Деревянные тротуары под окнами крепких бревенчатых домов приводили в центр города. Там зажиточные горожане строили свои жилища из красного кирпича с балкончиками и коваными перильцами возле входных двухстворчатых дверей, каждую створку которых покрывала великолепная резьба. Центральная площадь, выложенная булыжником, отшлифованным и обкатанным экипажами и просто телегами бирючан, никакого освещения не имела, и потому с наступлением сумерек редкий прохожий решался её пересечь. В такое время лай бездомных псов, проникающий сквозь оконные рамы, наводил ужас на дворовых девок и серьёзных матрон. Зато днём тишину городка нарушали лишь лёгкий ветерок, шелестевший кустами сирени, да серьёзный шмель, спешивший куда-то по своим делам.

Наталья Акимовна — единственная дочь вышедшего в отставку городского писаря. На то время был писарь вдов, часто болел, производил впечатление человека нерешительного и состояния не нажил. Спалось ему плохо, потому что постоянно думал: как выдать дочь замуж так, чтоб и её от тягот бедности уберечь, и самому на старости лет без куска хлеба не остаться. Кавалер Натальи Акимовны, имел небольшую пимокатню, в которой пара нанятых подручных валяла шерсть да изготавливала на всю округу валенки. Предмет необходимый в снежные и морозные зимы Бирючинска. Сам пимокат, Егор Петрович, закупал шерсть, сбывал готовый товар, следил, чтобы валенки работники валяли добротные, шерсть не приворовывали, так что забот у него хватало. А вот доход он имел весьма скромный, потому как бирючане народ бережливый и отменно скатанные валенки, подшивая по необходимости пятки, носили по три, а то и четыре зимы подряд. Жил пимокат в небольшом собственном домике на противоположной от дома писаря стороне улицы, вдвоём с матушкой. Других претендентов на бедную хоть и привлекательную девушку, не было. И ничего бы отставному писарю не осталось, как отдать дочь замуж пусть уж и за пимоката. Однако судьба распорядилась по-другому. Да так, что весь Бирючинск содрогнулся.

Надо сказать, что кроме Натальи Акимовны жила в доме писаря ещё одна девушка — Настя. Прибилась как-то зимним вечером, мол, пустите переночевать, да так и осталась, потому как была сиротой и родственникам в тягость. Работящая и скромная, постепенно взяла на себя все домашние хлопоты: полы помыть, борщ сварить...

В один из теплых летних дней Аким Евсеевич обратился к дочери с необычной речью: — Натальюшка, понимаешь дело-то какое, сам Кузьма Федотыч прислал за мной посыльного с запиской, в которой говорится, что ему срочно нужно переписать кое-какие бумаги, и для этого он приглашает меня к себе домой.

— Кто же, батюшка, лучше вас в городе это сделать может? Вот он и обратился к вам.

Однако Аким Евсеевич рассудил, что это была бы, куда лучшая партия для Натали, чем пимокат. Ведь Злыднин Кузьма Федотыч действительный статский советник, человек состоятельный, вдовец, детей Бог не дал, хоть и молодыми брал жён. И, заботясь о судьбе дочери, решил писарь взять её с собой.

— Надобно, Натали, нам этому человеку угодить, — пояснял он дочери, — работу выполнить скоро и аккуратно. Моё зрение уже не такое острое, могу чего недоглядеть.

Поэтому будешь меня сопровождать, тексты читать, да следить, чтоб я случайно ошибку при письме не допустил.

С этой поездки всё и началось. Работа была в самом разгаре, когда в кабинет заглянул хозяин.

Из-под красного бархатного халата, шитого золотыми драконами, но уже немного замусоленного на животе, выглядывал воротничок белой рубашки. На голове красовались остатки волос неопределённого цвета, торчали над ушами и легким пушком виднелись над блестящей макушкой. Крючковатый нос, в молодости имевший хищный профиль, еще не совсем утратил свои очертания. Веки опущены, из-за чего невозможно уловить взгляд, чтоб понять настроение владельца. Губы и щеки розовые, как у юноши, но старость уже оставила свой росчерк на этом странном лице. Свет горевших свечей отразился от золотого шитья халата, и упал на лицо Кузьмы Федотыча. Он поднял веки, взглянул на работающих. Наталья вздрогнула, блестящие черные глаза, в которых плясали блики золотых драконов, смотрели на неё так, что мороз пробежал по коже. Она запнулась, отец, не поднимая головы от работы, попенял, чтоб не отвлекалась и продолжала диктовать. Ей подумалось, что эти глаза и это располневшее, стареющее тело, живут разной, независимой друг от друга, жизнью.

Видимо поняв, что девушка не в силах сосредоточиться под его взглядом, он вышел из комнаты, так ничего и не сказав.

Закончив работу, отец, как было условлено, позвонил в колокольчик. Вошел слуга и, молча, поставил на стол небольшую шкатулку. Аким Евсеевич удивленно взглянул, слуга пояснил, что хозяин уехал, а в шкатулке оговоренная оплата и подарок для Натальи Акимовны. После чего раскланялся и открыл дверь, предлагая отцу с дочерью выйти.

Дома из шкатулки кроме скромной суммы денег достали моток красной атласной ленты, сколотой, чтоб не разматывалась, булавкой.

Уже на следующий день жизнь для Натальи Акимовны стала меняться. Перед обедом в дом посыльный принес записку. От кого она Настя сказать не могла, поскольку читать не умела. Но за обедом батюшка был необычайно оживлён и всё время спрашивал:

— А не купить ли нам тебе новое платье?

— Да на какие же деньги, батюшка?

— А на те, что про чёрный день отложены. Может статься, тогда такой день и не наступит.

— Вы сказали бы, не томили, к худу или к добру все ваши намёки?

— Какое же это худо, когда молодой девице родитель новое платье собирается купить? Давеча Кузьма Федотыч посыльного с писулькой прислал, где прямо сказано, что работой нашей очень доволен, — Аким Евсеевич сделал многозначительную паузу, и продолжил:

— Ещё он попенял мне, что негоже молодой девице по чужим домам хаживать. Надобно поручить её мужу, там уж его рука — владыка. И приглашает нас отобедать с ним в субботу на будущей неделе, так что платье купить мы ещё успеем.

Сердце Натали сжалось в дурном предчувствии.

— Но ведь пимокату обещались...

— Кузьма Федотыч нечета пимокату. Подумай о своей будущности, да и меня, старика, пожалей.

Далее всё покатилося как по маслу. Не успела Натали оглянуться, как стояла перед алтарём. В белом платье из шёлкового атласа, украшенного бисером, в перчатках из

тончайших брюссельских кружев на белых, будто мраморных, руках. Чёрные кудрявые волосы, уложенные в причёску, закрывала газовая фата, спускаясь белой дымкой по точёным плечам и темнея ближе к полу, куда слабо доставал свет церковных свечей. Заплаканная, это уж как полагается невесте. Левая рука безвольно держала перевитую золотой лентой свечу, воск плавился и стекал на руку, был ли он горячим, она не ощущала.

В городе обсудили наряд невесты да то, как это удалось писарю так удачно сбыть дочь с рук, и стали ждать дальнейшего развития событий. А что они непременно последуют, горожане не сомневались. Кузьма Федотыч уже трижды был вдовцом, и каждый раз этому предшествовала какая-нибудь странная, даже пугающая история.

И правда. Сколько не приходил тесть в дом зятя, никак не мог увидеться с дочерью. Всё находились разные отговорки. То она долго вечеровала и теперь спит, то куда-то отлучилась и никто в доме не может её найти... А тут ещё горожане шепчутся: сколько бедная Натальюшка протянет, более или мене последней жены Кузьмы Федотыча? Та была кровь с молоком, а эта тоненькая, с виду на фарфоровую статуэтку похожа, где уж ей?

Однажды, когда городок уже спал, Аким Евсеевич услышал, как в дверь кто-то скребётся. В доме он был один, единственную живую душу, которая могла бы находиться вместе с ним, Настю, отпустил вместе с дочерью. Аким Евсеевич долго не мог решиться открыть, а когда за дверями расслышал дрожащий женский голос, сердце его ёкнуло, и он отворил дверь. На пороге стояла Настя. Она бесшумной тенью метнулась в сени, оглянулась, приложила палец к губам и проскользнула дальше.

Настю пробирала дрожь, но было видно, что не от холода, а от сильного душевного волнения. Она рассказала, что сбежала из дома Кузьмы Федотыча украдкой и должна незамедлительно вернуться назад, пока её отсутствия не хватились. Настя слёзно просила писаря забрать дочь обратно, иначе Натальюшка, как она жалеючи её называла, не выдержит тех мытарств, что ей приходится терпеть.

— Что же такого особенного там происходит? — спросил писарь. Не в силах даже присесть, он так и стоял, повернувшись спиной к дверям, в длинной ночной рубахе до пят и ночном колпаке.

— Наталью Акимовну, кровинушку вашу, держит Кузьма Федотыч долгими днями взаперти, так что даже по нужде ей выхода нет. Ставни закрыты, она, бедняжка, света белого не видит. А тут истопили баню, волоса-то у неё, голубушки, длинные да кудрявые, самой не справиться, вот и разрешил мне Кузьма Федотыч помочь вымыть ей голову. Свечу оставил только одну, и ту в предбаннике, я думала из экономии, скуп он, моченьки нет, так вот, даже при этом скудном свете рассмотрела я, что все её тело покрыто синяками, да ссадинами. Сам Кузьма Федотыч у дверей дожидался, и разговаривать нам запретил, только мы и без слов друг друга поняли. Вышла я, а Кузьма Федотыч вошёл, я под окно, ночь холодная, на мне одна мокрая рубашонка, но стою, слушаю, а из бани стоны, да всхлипы Натальи Акимовны слышатся. Потом голос супруга её: "Ты что, — говорит, — думала, будешь моё добро проедать, да своим белым телом надо мной верховодить? Не тут-то было. Польстилась на моё добро, значит, купил я тебя как телушку, или собачонку на потеху, так вот и утешай, да ублажай", — и опять стоны, да всхлипы, а у меня аж мороз по коже. Что хотите делайте, но не дайте дочери своей погибнуть. Замучает её душегубец, как замучил трех других своих жён.

Договорив всё это, Настя бесшумно выскользнула за дверь.

Тут уж писарю не до сна стало. Кое-как дождался утра, да на двор зятя. Опять же

осторожно надо, чтоб не заподозрил чего, а то выгонит Настю, случись что и не узнать. От этих мыслей Аким Евсеевич похолодел даже, и решил терпеть, виду не давать, но свидание с дочерью вытребовать.

На настоятельные требования свидеться с дочерью, по которой скучает, наконец, получил согласие. Видать, и сам Кузьма Федотыч понимал, что когда никогда придётся позволить отцу встретиться с дочерью.

За обедом, на котором и состоялась эта встреча, Натали сидела не поднимая головы, а когда муж указал, что следует положить конец капризам и кушать что бог послал, она молча взяла вилку и нож, но руки так дрожали, что слышно было звон этих столовых предметов о край тарелки. Кузьма Федотыч вспыхнул от негодования и даже вскочил со стула. Натали подняла на него глаза, из которых неудержимо катились слёзы. Откуда только взялась смекалка у писаря, но боясь, что зять будет вымещать своё недовольство на дочери, он предложил первое, что пришло ему в голову:

— Кузьма Федотыч, известное дело, девица перешла в статус замужней дамы, вот нервы и не выдержали, вы бы пригласили лекаря, пусть какую-нибудь успокоительную микстуру пропишет.

— Баловство всё это, одни растраты, однако, чтоб угодить вам, и чтоб помнили мою доброту, — он крикнул слугу и велел послать за лекарем, который обычно лечил его подагру. Да велел предупредить, чтоб тот особенно не рассчитывал, оплата визита и лекарства не должна быть очень высока.

Аким Евсеич ещё прибывал в доме зятя, когда приехал доктор. Осмотрев молодую пациентку в присутствии мужа и следуя его наставлениям, выписал успокоительную микстуру, сказав, что двадцать капель этого средства сделают сон Натальи Акимовны более долгим и глубоким. Муж одобрительно кивнул, мало ли ему приходится отлучаться из дома, пусть себе спит. Тем более что за микстуру, будучи предупреждён слугой, врач взял недорого. Передав лекарство, доктор предупредил, что безопасное с виду, так как не имеет ни цвета, ни запаха, оно неимоверно усиливает свои свойства при соединении с алкоголем.

Кузьма Федотыч, только хмыкнул:

— Где ж это видано, чтоб молодая жена да к рюмке доступ имела, так что тут опасаться нечего.

Вернувшись домой Аким Евсеевич не находил себе места, осознав в какие руки отдал свою дочь. Стараясь успокоить себя, рассуждал, что это все капризы, нелюбовь к уже немолодому мужу, однако вспоминал ночной визит Настеньки, и сердце опять заходило болью. Но случилось такое, чего даже в страшном сне привидеться Акиму Евсеичу не могло. События, не только для Акима Евсеича, но и для всех горожан, грянули неожиданные, как гром среди ясного неба.

Оставленную доктором микстуру Наталья Акимовна, боясь издевательств над ней в сонном состоянии, не принимала, а сливала в припрятанный пузырёк. Теперь, притворяясь полусонной, могла иногда избегать общения с мужем.

В один из вечеров, когда всё её тело ломало от побоев и ссадин, она придумала план, как ей хоть на одну ночь снискать покоя душе и телу. Перед тем, как лечь в супружескую постель Кузьма Федотыч выпивал обыкновенно бокал красного вина, который незадолго до этого в спальню приносил слуга и ставил на столик у кровати. Когда бокал с вином уже стоял на столе, а Кузьма Федотыч ещё не пожаловали, Натали достала пузырёк с

накопившимся снадобьем и весь вылила в вино.

Наконец, дверь спальни открылась. Кузьма Федотыч, всё в том же красном бархатном халате, прошел и сел на край постели. Протянул руку, взял бокал, с наслаждением выпил вино, немного молча посидев, поднялся, снял халат, не спеша уложил его на спинку стоявшего рядом кресла. Потом откинул край одеяла, сунул руку поглубже и Наталья Акимовна почувствовала уже привычный щипок. Рука, от плеча и до самого локтя, покрылась синяками от таких нежностей. Устроился под одеялом, ткнул жену кулаком в бок, она вытянулась в струнку, ожидая продолжения супружеских ласк. Но в этот раз все было по-другому. Кузьма Федотыч покрутил головой, потёр глаза и сказав что-то вроде: "Умаялся, сердешный", — отошел ко сну.

Какое-то время Наталья Акимовна боялась даже дыханием разбудить мужа, но постепенно, всё более усиливающийся храп дал понять, что бояться нечего. Уже светало, когда Натали услышала, как истопник в соседней комнате растапливает печь, теплая задняя стена которой, украшенная блеклыми изразцами, как раз выходила в супружескую спальню. Она тихонько вылезла из-под одеяла, всё еще опасаясь, что Кузьма Федотыч проснётся, но он даже не шелохнулся. Накинула на плечи платок с кистями, постояла немного у теплой печной стены и, наконец, насмелившись, потрогала мужа за руку, та оказалась холодной как лёд, хоть комната давно наполнилась теплом. Наталья трясущимися руками приподняла край одеяла и потрогала ноги Кузьмы Федотыча, они были так же холодны, как и руки. Ещё какое-то мгновение постояла в нерешительности, потом вытащила заколку из волос, разметав их по плечам, и кинулась из спальни. Волнение её было столь неподдельно, что ни у кого из слуг и сомнения не возникло, что произошло нечто неожиданное и ужасное. Когда слуга, который обычно приносил бокал вина вошёл в комнату, то Кузьма Федотыч по-прежнему храпел, возлежа на подушках. Он аккуратно поправил голову хозяина и тот затих. Подошло время обеда, но хозяин, который поднимался обычно вслед за истопником, лежал всё также неподвижно и даже дыхание не улавливалось. Наталья Акимовна, сидевшая всё это время рядом в кресле, на спинку которого Кузьма Федотыч вечером уложил свой халат, решила отправить прислугу за доктором.

Не успел слуга трёх шагов от дома отойти, как увидел, что навстречу мчится карета врача, он замахал руками, закричал, привлекая к себе внимание. Оказалось, доктор торопиться к состоятельной роженице и опоздать ему никак нельзя. Но выслушав сбивчивую речь слуги, доктор предположил, что Кузьма Федотыч — человек уже в возрасте, обременённый подагрой и другими болезнями, выпив с вечера бокал, другой вина, провёл бурную ночь с молодой женой, так что к утру вполне мог испустить дух. А значит, визит может быть недолгим и хорошо оплачиваемым. С этим убеждением доктор вошёл в спальню супругов. Представшая его взору картина, утвердила доктора в его предположении. Он попросил зеркальце, поднёс к приоткрытому рту Кузьмы Федотыча, немного подождал, потом потрогал руки, ноги, что-то ещё рассматривал в лице пациента. Наталья Акимовна этого уже не видела, ей стало дурно. Накапав для неё всё тех же капель, которые, вероятно, постоянно возил с собой для слабонервных дам, он объявил во всеуслышание о безвременной кончине Кузьмы Федотыча. Слуга, тут же поняв, что теперь у него вместо хозяина хозяйка, подобострастно спросил: сколько доктору выдать за визит.

— Ах, я ничего в этом не понимаю, и не до этого мне теперь. Пусть доктор сам назначит цену, а уж вы озаботьтесь расчётом, — обрадованный таким поворотом дел, врач поехал далее, принимать роды, а по пути рассказывать, как глубоко переживает свое горе

молодая вдова.

Когда же врач приехал в дом роженицы с такой вестью, то слуги чуть хозяйские роды не прокараулили, шушукаясь по углам. А сказал он следующее: по дороге, хоть и спешил очень, но пришлось заехать в дом Кузьмы Федотыча, поскольку под копыта его лошади кинулся полураздетый, испуганный слуга, утверждая, что Кузьма Федотыч преставился.

— Заехал я буквально на минутку... ведь к вам же торопился, — рассказывал он встретившему его хозяину, — но там и минуты было достаточно опытному врачу, чтобы понять, моя миссия окончена, теперь священник нужен.

— Что же приключилось с уважаемым Кузьмой Федотычем?

— Э... возлежал он на постели смятой молодой женой, сама она была в таких расстроенных чувствах, что внешность свою прибрать как следует не успела, из чего можно заключить, что предавался Кузьма Федотыч с молодой и... очень красивой женой, любовным утехам. А перед этим выпил полный бокал красного вина, который и стоял пустой рядом на тумбочке, и слуга подтвердил, что Кузьма Федотыч еже вечерне, прежде чем в супружескую постель лечь выпивал бокал, другой. Дух свой он испустил прямо у этого слуги на руках, когда испуганная состоянием мужа, Наталья Акимовна выскочила из супружеской спальни, призывая слуг. Говорят, тогда Кузьма Федотыч ещё похрапывал.

— Спал что ли? — шёпотом поинтересовался хозяин.

— Да нет. Хрипел, вероятно, в предсмертной агонии. Поправил слуга подушку под головой хозяина, а тот всхрапнул, ну прохрипел последний раз, и затих. Если учесть его подагру и некоторые другие хвори, что встречаются у людей его возраста, то станет ясно: не выдержало сердце уважаемого Кузьмы Федотыча.

Врач удалился к роженице, а подслушавший этот разговор слуга, выскользнул из-за шторы и пошёл рассказывать всем и каждому, набивая себе цену, требуя хранить врачебную тайну личной жизни Кузьмы Федотыча, самолично услышанную им из приватной беседы между врачом и хозяином. А когда в дом Кузьмы Федотыча подъехала бричка с батюшкой, а потом уж и гробовщик пожаловал, то и вовсе в подлинности рассказанного никаких сомнений не осталось. А там и слуги Кузьмы Федотыча подтвердили, им тоже хотелось внимания горожан, а тут такой повод.

А тем временем, гробовщик производивший обмер, вдруг замер и даже в лице изменился. Наталья Акимовна тоже слышала характерный звук вкупе с определённым запахом, муж никогда не стеснялся при ней этой, как он говорил, естественной потребности. Но останавливаться на полдороге было никак не возможно, и она, побледнев ещё более, пояснила:

— Беда случилась уже почти сутки как, а по незнанию, слуга истопил печь, от жары тело дорогого супруга начинает портиться, — и закрыла лицо белым кружевным платком, — вот и запах пошел.

— Это мы поправим, — прогудел батюшка, добавляя ладан в кадило, — однако если сутки миновали, и теперь идут вторые, то не далее как завтра во втором часу будем выносить, — и посмотрел на Наталью Акимовну, за подтверждением, та только слабо кивнула, мол, вам виднее.

Похороны произошли с соблюдением всяческих христианских правил. Но были детали, которые внимательные жители Бирючинска не могли не заметить.

Тесть, хоть и был подобающе грустен и одет во всё чёрное, однако по лицу его было

видно, что он не особенно печалится по зятю, это горожане понимали. Но более всего жителей городка удивляла молодая вдова, которая так убивалась по преставившемуся мужу, что никто не мог взять в толк: с чего бы? Только она подходила к гробу, силы тут же оставляли её и доктору приходилось приводить в чувство бедную Натали. Однако потом кто-то высказал мнение, что молодым людям свойственно бояться покойников, и Натали не столько по Кузьме Федотычу убивается, как пугается его мёртвого тела. Это было понятно всем.

Проводить Кузьму Федотыча в последний путь пришли чуть не полгорода. Во-первых, поминки обещали быть сытными, во-вторых, события приняли неожиданный оборот. Горожане гадали, больше или меньше, чем её предшественницы протянет четвёртая жена, вышло — упокоился хозяин!

А когда на кладбище гроб опустили в могилу, только комья земли по крышке гроба стучать перестали, и даже обрывать могилку не успели, кинулась Наталья Акимовна чуть ли ни под лезвия лопат и давай причитать так громко, что некоторые близко стоявшие отхлынули. И как тут было не удивляться горожанам? Однако далее следовали обильные поминки, а на сытый желудок приходят совсем другие мысли. И жители, уже более благодушно настроенные, решили, что видимо с этой женой Кузьма Федотыч обращался несколько мягче, чем с прежними.

Глубокий траур

Однако события, развернувшиеся далее, столь поразительные и пугающие, заставили горожан по вечерам задвигать все запоры, закрывать все замки и плотнее занавешивать шторы на окнах. А те, чьи окна имели ставни, не ленились закрывать их засветло.

Случилось это ближе к ночи на вторые сутки после погребения Кузьмы Федотыча.

Оставшись одна в супружеской спальне, молодая вдова никак не могла решиться лечь в постель, в которой так недавно возлежал Кузьма Федотыч. Свет лампадки отбрасывал от предметов тени до ужаса похожие на очертания дорогого супруга в домашнем халате. Из тёмных углов мерещились пугающие шорохи. Она прислушалась: и уловила вполне отчётливый звук, который шёл от окна.

— Господи, страхи, всё это страхи... — Её взгляд упал на стержень, который закреплял закрытые ставни с внутренней стороны дома. А стержень вдруг стал почти бесшумно выдвигаться назад так, будто кто-то выталкивал его снаружи. Страх сковал её тело, лишил голоса. Наталье Акимовне уже чудился призрак Кузьмы Федотыча, когда стержень выпал, громко брякнув об пол, и ставня распахнулась. В слабом свете лампадки, что горела перед образами, да ещё всю светившей полной луны, она увидела... пимоката, который пытался влезть в комнату через окно. Цепляясь одной рукой за раму, другой, прикладывая палец к губам, как бы просил о тишине. Тихо охнув, вдова обомлела и рухнула в кресло. При этом халат, который по-прежнему лежал на спинке, то есть там, где его оставил хозяин, вдруг зашуршал в ночной тишине и свалился на пол. Пережитый страх и волнение на какое-то время парализовали её волю. Пимокат прикрыл окно, затеплил на столе свечу и присел возле её ног.

— Не пугайтесь, Наталья Акимовна. Зла я вам не причиню, поскольку понимаю, что оставили вы меня не по своей воле. Но теперь вы свободны и состоятельны. Я соглашался вас взять в жены бедную, поэтому думаю, вы не решите, будто я к вам из корыстных побуждений. Но судьба повернулась так, что теперь возле вас будет крутиться много всяких хлыщей и проходимцев, желающих устроить свою жизнь.

— Что вы, Егор Петрович, об этом ли мне сейчас пристало думать? — еле выговорила вдова, постепенно приходя в себя.

— Я вас и не тороплю. Но, вы должны полагать, какой опасности подвергаетесь. Опять же, предлагаю вам свою помощь, в каком бы виде она не потребовалась.

— Пока вы меня подвергаете серьезной опасности. Муж лишь вторую ночь на погосте, а у вдовы посторонний мужчина в спальне. Уходите немедленно... И не беспокойтесь, я буду помнить о вас, а далее — как судьба рассудит. Поторопитесь, пока не перебудили слуг в доме.

Однако шум уже разбудил их, слышались голоса, шаги...

Времени не оставалось, пимокат распахнул оконные створки, Наталья Акимовна, опасаясь, что его узнают, быстро накинула пимокату на плечи халат мужа. Когда он уже стоял на подоконнике, дверь в спальню распахнули слуги, сквозняк задул свечу, последний её всполох отразился от золотых драконов халата. На мгновение вдове показалось, что это сам Кузьма Федотыч, страшно вскрикнув, она без чувств упала в кресло.

А в это время, уставший от хлопот и волнений Аким Евсеич, вернулся домой. На дворе давно наступили сумерки. Пора бы и в постель. Он разделся, ополоснул лицо, руки... и только вознамерился ночной колпак на голову надеть, как в дверь забарабанили с такой силой, будто грешная душа от чёрта спасалась. И не открыл бы Аким Евсеич дверь, в его ли силах с нечистью бороться? Да Аннушка — прислужница, а заодно и кухарка, которую он нанял взамен Настеньки, тут как тут:

— Кого Бог послал на ночь глядя?

— Истопник это от Натальи Акимовны. Дело спешное. — А голос испуганный, кричит мужик, явно совладать со страхом не может.

— Точно истопник. Я его по голосу узнала. — И хрясь задвижку в сторону.

Аким Евсеич так и стоял с колпаком в руках.

— Батюшка, Аким Евсеич, непусти дочь свою в погибель! — А у самого дыхание перехватило, далее говорить не может. Анна кружку воды подала, он залпом осушил её:

— Наталья Акимовна без чувств лежит. Уж и не знаю — жива ли?

— Говори толком — что стряслось?

— Кузьма Федотыч с того света приходил. Видать желал Наталью Акимовну утащить за собой. Да слуги шум услышали, кинулись, отбили её, голубушку.

— С чего ты взял, что это зять мой упокоившийся был? Может вор на добро позарился, зная, что хозяин помер и Натали одна?

Мужик перекрестился:

— Как Бог свят, своими глазами видел его, вампира злостного, поймать пытался, да он только лапами своего красного бархатного халата махнул, да шитые на этом халате золотые драконы блеснули в свете лампадки, и был таков через окно. А халат этот хозяин при жизни каждый вечер надевал. Уж мне-то это доподлинно известно.

— Так ведь ставни...

— Уж ежели его крышка гроба и сыра земля не удержала, то ставни и вовсе нипочём.

Растерявшийся на некоторое время от неожиданности Аким Евсеич, окончательно придя в себя, и не очень доверяя выпученным глазам и трясущимся рукам истопника, решил, что истопник мог и помянуть лишку, а в подпитии чего не примерещится? Из дома дочери Аким Евсеич всего ничего как ушел. Всё было чинно, покойно.

— Значит так, коли Наталья Акимовна без чувств, отправляйся за доктором. А я к ней прямым ходом.

— Нет уж, батюшка, Аким Евсеич, на улицах темень, хоть глаз коли. Да восставший из гроба Кузьма Федотыч променад делает. Я с вами пойду. Всё не так боязно!

— Куда ж это ты пойдешь? На кой ляд Наталье Акимовне такой слуга, который из трусости ей врача пригласить отказывается? До половины дороги нам вместе идти. А там проулком каких три дома — ходу-то всего ничего. Да и крест нательный на тебе — защита.

— Оно конечно, крест всегда защита, однако коли так, то я уж на всякий случай... — он покрутил головой, увидел кочергу возле печи, — ещё и её вот прихвачу.

В доме Натальи Акимовны не спали. Напуганные слуги шушукались по углам. Наталья Акимовна без чувств лежала на кровати, возле неё хлопотала Настенька.

— Гляньте, гляньте, Аким Евсеич, я ей ворот расслабила, чтоб дыханье облегчить... — на шею бедной Натали выделялось бордовое пятно.

— Вот! Вот! Мне думается это след от укуса ужасного вампира. Ведь восстать из гроба только вампир может.

Наталья Акимовна никак не приходила в себя. А доктор всё не ехал. Аким Евсеич, хоть и был воцерковленным христианином, но поверить, что зять из гроба восстал — затруднялся. Тогда кто бы это мог быть? Однако беспокойство о здоровье дочери взяло верх над всеми другими мыслями. Наконец в прихожей послышались голоса, и в дверях спальни появился врач. Бегло осмотрев бесчувственное тело, обратился к Акиму Евсеичу:

— Не единожды работая с мертвыми телами в анатомическом зале, ответственно вам заявляю, что вылезти из могилы ни одно тело не может. — При этом он слегка похлопывал Натали по щекам и приставлял к носу флакончик с какой-то солью. Но Натали оставалась без чувств. — Однако следует осмотреть Наталью Акимовну более тщательно, поэтому прошу вас, Аким Евсеич, удалиться и пригласить мне в помощь Настеньку.

Аким Евсеич ожидал в кресле у дверей спальни. Кровоподтек на шее дочери рисовал в его сознании страшные картины. Но будучи человеком здравомыслящим, он отметал их одну за другой. Только покойнее от этого не делалось. И когда стало совсем невтерпёж, в дверях показался врач. Он потирал лоб рукой, и вид имел озабоченный.

— Должен сказать, что на шее Натальи Акимовны... э-э-э... действительно видны... э... укусы. Я рассмотрел следы зубов, хотя, слава Богу, кожу вампир не прокусил. Тьфу ты, чертовщина какая-то! Быть такого не может!

— Но оно есть! — встряла в разговор Настенька. — Полный дом слуг Кузьму Федотыча видел. А уж слуги-то своего хозяина завсегда узнают! Да и кто на смелится, в его халат вырядиться? И откуда его взять?

— Настенька, иди ты, иди к Натальюшке! Не оставляй её без присмотра. — Голова Акима Евсеича пошла кругом. Уж слишком много всяких событий одно хлеще другого за короткое время произошло.

Когда Натали пришла в себя, то увидела, что уже день. Возле её постели врач и отец. Оба с состраданием смотрят на неё. Настенька подала ей мятный чай, а немного погодя Натали услышала от отца рассказ о ночном происшествии, известным ему со слов слуг. Закончил он рассказ следующим образом:

— ... и когда дверь в вашу спальню отворили, то увидели вас бездыханно лежащую в кресле и фигуру, в красном бархатном халате, на котором как живые блеснули драконы. А халат этот, насколько я помню, при жизни принадлежал моему зятю и очень он его любил. Фигура растворилась за окном так, что никто её рассмотреть не успел. Вас уложили в постель и послали за мной и за доктором. При осмотре доктор обнаружил ужасные вещи. Всё ваше тело покрыто ссадинами и синяками, кровоподтёк на шее, возле артерии, ещё бы немного опоздали слуги, и могло случиться непоправимое.

Натали лежала, не поднимая на батюшку глаз, лицо её было блее мела. Доктор, решив, что молодая женщина не в себе от страха, решил успокоить:

— Не пугайтесь, я как учёный, во всякую нечисть, вроде оборотней и вампиров, не верю. И, поскольку он не успел прокусить вам шею, могу с уверенностью сказать, что в данный момент вашей жизни ничего не угрожает.

— Кто он? — еле выдавила из себя бедная Натали.

— Как мы полагаем, ваш супруг, превратившийся в вампира, или, может быть, и бывший им до смерти и, возможно, выпивший кровь из трех своих прежних жён, — говоря

это, врач имел крайне озадаченный вид. А в голосе проскальзывало явное недоумение.

В этот момент в дверях появился слуга и доложил, что пожаловала супруга околоточного надзирателя Анна Алексеевна Абинякова. Она пренебреженно желала видеть хозяйку, а выглядит надзирательша очень взволнованной.

Едва успев переступить порог, и увидев лежащую в постели вдову, а рядом доктора и отца, Анна Алексеевна тут же заговорила:

— Я так и полагала, так и полагала! Не к добру всё это, ох, не к добру! А он только отмахнулся, говорит, на его участке по пьяному делу каких только "чудес" не вытворяют.

— Кто он? И о каком чуде вы изволите говорить? — удивился писарь.

— Сегодня ночью мой муж, околоточный надзиратель Павел Никодимович Абиняков возвращался домой с работы. Участок его за рекой, как раз там, где расположено кладбище. Уже на подходе к реке, он увидел несущуюся вдоль моста закрытую повозку на рессорном ходу. Когда та проезжала мимо, то из своей профессиональной наблюдательности, муж успел заметить, что внутри сидит человек в чем-то красном с золотыми отблесками. Для остротки, муж окликнул: "Стой, кто такие?" Кучер было придержал лошадей, но из повозки раздался крик: "Кузьма Федотыч на кладбище возвращается!" — после чего возничий добавил лошадям прыти, и повозка скрылась из вида.

Как только, поминутно обмахиваясь платочком и глубоко вздыхая, госпожа Абинякова покинула дом, доктор и писарь удалились в другую комнату, обсудить случившееся.

— Хоть мне и удалось привести в чувства Наталью Акимовну, но она всё ещё очень слаба. Я дал ей успокоительных капель, пусть поспит. Для неё сейчас сон — лучшее лекарство. А вам, Аким Евсеич, доложу, — доктор отвел писаря в сторону и заговорил полущёпотом, чтобы кто из челяди не услышал: — Вся левая рука вашей дочери от локтя до плеча в кровоподтеках. Ну а следы зубов на шее... Получается, её щипали, а может и кусали... Но Кузьма Федотыч разве мог?

Аким Евсеич замахал руками:

— Чур, вас, чур! Что вы такое говорите? Может где о косяк ударились?

— Тогда ей надо было только и делать, что ходить и о косяки биться. А уж укусы...

— Но Кузьма Федотыч... упокоился... — развел руки в стороны писарь.

— Вот и я говорю... — согласился с ним врач.

И оба, переглянувшись, замолчали.

— Я, право, в растерянности. Не знаю, что и думать? — Почему-то шёпотом спросил писарь.

— Мне, как человеку просвещенному... м-м-м... сама мысль, что Кузьма Федотыч из гроба восстал — претит! Но... есть очевидцы — слуги. И следы на теле вашей дочери... М... да. — В раздумье врач потёр себе лоб, склонил голову набок, разглядывая принесённый слугой поднос с вином и закуской.

Выпив по бокалу подогретого красного бордо и закусив нарезанной холодной телятиной, Аким Евсеич и доктор почувствовали непреодолимую тягу ко сну. Аким Евсеич решил остаться ночевать в доме зятя, а доктор направился домой. Проводив доктора, Аким Евсеич задержался в прихожей перед зеркалом:

— Да, с этим надо что-то делать... — Оглядев на себе поношенный костюм, купленный ещё в те времена, когда служил писарем, Аким Евсеич невольно сравнил его со щегольской одеждой доктора.

— Может в церкви заупокойную службу заказать?

Аким Евсеич оглянулся, чуть с боку стоял истопник, который помогал доктору одеться, да потом закрывал за ним дверь. На швейцара Кузьма Федотыч скупился.

— Иди-ка ты, дружок, спать. Я тут сам разберусь, что мне заказывать. — Посмотрел на себя в зеркало ещё раз, и решил: — А вот завтра и займусь. Нечего своим видом дочь компрометировать. А Натали, я думаю, теперь уж никто кусать и щипать не будет, — вспомнил ночной рассказ Настеньки, прибежавшей в его дом еще, когда Кузьма Федотыч жив был. Спал эту ночь Аким Евсеич на диване в кабинете зятя.

Преображение умного мужчины

Раньше Акиму Евсеичу не приходилось столь часто общаться то с доктором, то с надзирательшей, да и некоторыми другими состоятельными горожанами тоже. И он перестал замечать, что ткань его сюртука давно выношена, отчего сюртук местами вытянулся, потерял форму и оттого сам он в такой одежде никакого вида не имеет. Да и средства прежде остерегался тратить на новый гардероб, берёт про чёрный день. Аким Евсеич попытался привести свой внешний вид в приличное состояние, но даже самая тщательная чистка ничего не изменила. Опять же стрижка и бритье требовали рук хорошего цирюльника.

"Однако, я не толст, не сутул, не лыс, роста не маленького, хоть и не высок, конечно. Бумаги читаю без монокля. Некоторые в мои годы только женятся. А те деньги, что держал про чёрный день, теперь могу потратить", — и, рассудив так, буквально на следующий день направился в цирюльню, где цирюльник обихаживал его, рассыпаясь в любезностях. Посвежевший после приятной процедуры стрижки по модной картинке, приведя в порядок бакенбарды на манер фАвори, которые только обрамляют щеки, не очень длинные и носятся без усов и бороды, а также бритья остальной части лица, сопровождающего горячим компрессом и приятным ароматом, он заехал в магазин прицениться к готовому платью. Оказалось, что готовое пальто приличной ткани и модного фасона стоит пятнадцать рублей. Деньги не малые. Но не носить же пальто с иголки на старый сюртук? И тут выяснилось, что модные ткани очень дороги и, кроме того, официальной — чёрный редингот (сюртук) и визитные полосатые брюки отходят от моды. И если уж решиться шить столь дорогие вещи, то лучше выбирать костюм английской формы, хотя пока в Бирючинске только сын городского головы носит такой. Приказчик даже показал ему картинки из иностранного журнала и сказал, что с такой стройностью в теле и молоджавостью лица, Аким Евсеич, пожалуй, любому молодцу фору дать может. Будучи от природы человеком не глупым, Аким Евсеич понимал скрытый смысл лести приказчика, который желал продать ему дорогую ткань, да ещё получить заказ портному, а поскольку и ткань дорогая, и фасон новомодный, то и заказывать придётся не абы какому мастеру. Однако понимать-то понимал, но как же были приятны эти слова, ведь кроме лести в них и чистая правда имелась.

Привыкший к строгой экономии, в дом дочери Аким Евсеич возвращался пешком. И сильно удивился, когда подряд третий встречный горожанин первый приподнял шляпу для приветствия. Выходило, что статус его в городе явно повысился, и откладывать заказ новой одежды никак невозможно.

Стучать в дверь пришлось долго. Открыл ему заспанный истопник. А ведь в доме полно челяди, на прокорм и содержание которой тратятся немалые средства. И ничего другого Акиму Евсеичу не осталось, как принять на себя все хозяйские заботы. Тут и выяснилось, что некоторые слуги собираются подыскивать других хозяев, потому что жить в доме, куда в любой момент может пожаловать вампир — моченьки нет!

Когда через несколько дней Аким Евсеич посетил портного, то услышал, что Натали горожане между собой называют не иначе как вдовой вампира. И самые жуткие слухи передаются из уст в уста. Что со всем этим делать? Аким Евсеич решительно не знал. И

направился за советом к местному батюшке.

— Изничтожить следует злостного вампира. — Батюшка всячески выказывал обеспокоенность судьбой горожан, которых терроризирует упокоившийся зять Аким Евсеича. А пуще того советовал подумать о судьбе бедной Натали. Ведь то и гляди, явится ночью, да что если слуги отбить не успеют? Выпьет кровушку — тут-то и придёт погибель не только телу, но и душе Натальи Акимовны. Вон, в городе говорят, что доктор научно зафиксировал укусы на её теле.

— И как же его изничтожить, когда он и так в сырой земле закопан?

— Другого выхода не вижу, как пригвоздить его осиновым колом, — свистящим шёпотом поведал батюшка.

— Так опять же... как же мы его пригвоздим, когда он в могиле покоится?

— В том-то и беда, что не покоится, а рыскает ночами по улицам, выискивает, чьей бы кровушки напиток! А особо вам следует за свою дочь опасаться.

— Как же-с быть-то?

Батюшка поднял глаза к небу, перекрестился:

— Ох, грехи наши тяжкие...

— Может пожертвование...

— Надо бы в церкви двери подновить, да полы подправить...

— Я, батюшка, пожертвую. Дочь мою лишнего чтоб не склоняли.

— Наталья Акимовна — душа, чистая, невинная... В коей сумме желаете пожертвование сделать?

Аким Евсеич наклонился к уху батюшки и что-то прошептал, потом вздохнул, осенил себя крестным знаменем: — О согражданах пекусь.

— Душа чистая, невинная, испытание держит дочь твоя достойно. Не беспокойтесь, Аким Евсеич, всё как положено по церковному чину сотворим.

Изничтожение вампира

Город гудел как улей. В этой связи, пимокат Егор Петрович, поскольку ранее считался женихом теперешней вдовы, счёл для себя возможным нанести дневной визит соблезнования. Наталья Акимовна, улучив момент, попеняла, какую кашу он заварил, на что пимокат подмигнул, то ли ещё будет, но далее их разговор прервался.

Ужасы о вампире, передаваемые из уст в уста, обрастая при каждом пересказе новыми, всё более пугающими, подробностями, всполошили город. Теперь уже городской, мужик молодой и крепкий, крестился, что самолично видел эту чёртову карету и крик слышал тот же самый. Страх сковал город.

И тут, очень даже кстати, местный батюшка возвестил, что для спасения горожан необходимо провести обряд по уничтожению злостного вампира. Выход один: вбить осиновый кол проклятому вампиру в сердце, пригвоздив его к земле. Это единственный способ уничтожить нечисть. Страх и любопытство, поселившись вместе в душах местных жителей, взбудоражили тихий омут провинциального городка.

Теперь уже даже Наталья Акимовна стала сомневаться, а не был ли её муж и в самом деле вампиром, тем более что на похоронах, когда могила уже была зарыта, она явственно услышала оттуда вопль, почему и бросилась на землю и запричитала что было мочи. Вдруг это не от снотворного лекарства так случилось?

— Может, и не спал Кузьма Федотыч, и не был похоронен заживо, и зря боялась, что всё раскроется, и причитала над его могилой, — убеждала себя вдова, — а может, он и в самом деле вампир, вот и взвыл оттуда.

Страсти не утихали. И был назначен день, когда на кладбище собрались: околоточный надзиратель Абиняков, городской видевший карету с вампиром, батюшка который отпевал Кузьму Федотыча, и теперь утверждал, что ему ещё тогда не понравился цвет лица покойного:

— Вот как крутит нечистая сила человеческие души! — крестился он. С батюшкой пожаловали два церковных служки. Наталью Акимовну привез отец. Настенька ехать на кладбище отказалась. Она утверждала, что и живого-то Кузьму Федотыча лишний раз видеть опасалась, а на мертвого, да ещё превратившегося в вампира, ни за что взглянуть не насмелится. Приехал пимокат, который по предварительной договорённости с околоточным надзирателем и батюшкой, должен был совершать обряд вбивания кола. Вся процедура обряда была заранее многократно оговорена и расписана — кто, что и когда производит. Наняли кладбищенских землекопов, чтоб разрыть могилу и вскрыть гроб. К тому моменту, когда уже показалась крышка, на кладбище собралось множество городского люда. Они бродили между могил, не решаясь подойти ближе, наслышанные о бесчинствах вампира.

Уже при снятии крышки, стоявшие у края могилы, покрылись холодным потом. Она оказалась чуть сдвинутой в сторону и только крепкие гвозди, хоть и вышли немного из своих мест, но продолжали удерживать её в прежнем положении.

— Ежели дух его наделал столько страху, что бы было, освободись тело? — перекрестился батюшка. Наконец гроб открыли. Стоящие близко оцепенели. Одежда на

Кузьме Федотыче была разорвана так, будто он пытался вырвать собственное сердце, а изо рта по щеке сползала полоска крови. Медлить было опасно. Все убедились, что вампир в любой момент может восстать из могилы, и тут уж не жди пощады. Взоры присутствующих обратились к пимокату, а он хоть и вызвался заранее, но ощущал непреодолимую дрожь в коленях и руках. Сначала требовалось вложить вампиру в рот головку чеснока, чтоб обезопасить производившего ритуал, а уж потом вбивать кол. Вздрагивающему пимокату церковный служка сунул в руку чесночину. Городовой и рабочие помогли спуститься в могилу. Позднее он говорил, что этот злостный вампир так воздействовал на него, что просто отшиб память и все происходившее он воспринимал как бы со стороны, особенно боясь свалиться в этот ужасный гроб.

Как только пимокат пропихнул чеснок в рот покойного, городовой тут же подал ему сверху осиновый кол и здоровенную кувалду. Как во сне, несчастный истребитель вампира приставил кол к груди Кузьмы Федотыча и, насколько мог размахнуться в тесной могиле, жажнул по нему кувалдой. Но на этом дело не окончилось. Кол хоть и вошёл в тело, однако следящий сверху батюшка, указал, что он должен пригвоздить вампира к земле, иначе тот восстанет всё едино. И удар кувалдой пришлось повторить ещё дважды. Только после этого пимоката подняли назад, а к могиле стали подходить любопытствующие, принаряженные и чинные. Они останавливались у края, крестились, о чём-то переговаривались и друг за другом, петляя между могил, покидали кладбище.

Доктору, призванному наблюдать за самочувствием Натальи Акимовны, которая с этого момента приобрела статус вдовы вампира, пришлось отваживаться* с пимокатом. Он, было, собрался напоить его теми же успокоительными каплями, но немного подумав, достал из кармана фляжку, отвинтил колпачок, понюхал, крикнул, сделал сам несколько глотков и протянул Егору Петровичу, который и осушил её.

Через некоторое время толки о вампире почти прекратились, и тут в городке опять случилось нечто необъяснимое. Теперь уже другой околоточный надзиратель, также по темноте возвращающийся домой, вдруг увидел лихо мчащуюся повозку на рессорном ходу, из которой был слышен крик: "Кузьма Федотыч с кладбища возвращается!" Город замер. А городской голова задумался, не пора ли в городе новый доходный дом построить. Не часто по городам и весям вампиры раскатывают в каретах, понаедут любопытные, а им где-то останавливаться надо, ну, не на кладбище же, в самом деле?

А тем временем события продолжали следовать одно за другим. Это случилось спустя почти месяц со дня смерти дорогого мужа Натальи Акимовны. В один из вечеров приготовила Настенька баньку, а сама задержалась в доме и Натали направилась одна, полагая, что Настя придёт следом.

Тонкая ткань нижней рубашки скользнула на пол. Хоть на теле Натальи Акимовны следы мужниной "любви" уже поблекли из бордовых до чуть желтеющих, но всё ещё были заметны. Натали шагнула из предбанника в мыльню. В кадушке медовые травы запарены. В ушате берёзовый веник мокнет, в него увязана трава полынь, а по полу цветы василька да ромашки насыпаны. Горячий и духмяной пар кружит голову и нежит тело. Натали вытащила гребень, и роскошные чёрные кудри разметались по плечам, упав вьющимися прядями на грудь. Закрыла глаза, с удовольствием вдохнула запах трав и стала ждать Настеньку. Вот и тень перед оконцем мелькнула.

— Настя? — Услышала, как скрипнула дверь предбанника. — Долго ли тебя дожидаться? — окликнула, теряя терпение.

— Не пугайтесь, Наталья Акимовна! Не кричите, Бога ради. Заходить далее не буду. Какой вечер караулю! Сказать надобно вам нечто важное.

— Господи, да ты в своём ли уме, Егор Петрович? — Узнала она голос пимоката, своего несостоявшегося жениха.

— Уходи скорее! И так дел понаделал! Погубить меня хочешь? Сейчас Настенька сюда придёт, что подумает?

— Дела мои вам только на пользу. Время со дня кончины вашего супруга уходит и вам надобно подумать о том, что унаследованное вами от Кузьмы Федотыча дворянское звание, детям своим вы передать не можете. Ежели только изволите вновь за дворянина замуж выйти. Но обещались-то меня не забывать! А ведь я-то, Наталья Акимовна, чином дворянским не обладаю. Вот и решился напомнить вам события, кои связывают вас и меня со смертью вашего супруга.

— Боже мой! Боже мой! Егор Петрович, что вы такое говорите? Как же нас может смерть Кузьмы Федотыча связывать? Кол в мёртвое тело вбивали вы по своей воле, без моего участия. Уходите же скорее! — Не давая договорить, торопила его.

— Да вы меня никак не слушаете? А дело наиважнейшее!

— Настенька сейчас придёт!

— Не придёт! Я засов опустил, будто случайно кто уронил, так что она в доме, пока докричится!

— Егор Петрович, у меня траур до трёх лет. Так что ни о каком замужестве и детях речи быть не может. А обещалась не забывать вас? Так я помню. Но ничего более я вам не обещала. А теперь уходите же скорее!

— Но вы могли понести от законного мужа. И тогда рождённый вами младенец, пусть хоть и после смерти своего, так сказать, отца, будет носить дворянский титул.

— Кузьма Федотыч не оставил мне своего потомства!

— Это доподлинно никому неизвестно. Вот я и говорю — время подумать, пока не поздно. А моя любовь к вам, Наталья Акимовна, безмерна! И пусть достались вы другому человеку, но судьба освободила вас! — И, видимо, совсем потеряв голову, распахнул дверь в мыйню.

— Ах! — Наталья Акимовна вскочила с полка, восковая свеча метнулась пламенем, выхватив дивную белую фигуру, пряди чёрных кудрей на белых плечах. Одна её рука прикрывала грудь, другая опустилась чуть ниже живота.

— Выходите вон! Я закричу!

Пимокат грохнулся на пол.

— Богиня, как есть — Богиня с картины! Наталья Акимовна...

— Приходите завтра, к обеду. Я вам пимы для себя и батюшки закажу. Тогда и поговорим! Да уходите же!

Пимокат как был на четвереньках, попятился назад.

— Егор Петрович! Быстрее! Теперь весь дом на ноги поднялся. И двором, задним двором уходите! Да что ж это с вами приключилось? Живее, живее! — И забыв о своей наготе, стала выталкивать пимоката из бани, который кое-как поднялся на ноги, но глаз от неё отвести был не в силах! И уже почти вытолкала его, как услышала голос Настеньки. Оставалось одно: задуть свечу, чтобы пимокат скрылся незамеченным. Потом выговаривала

Настасьи, как случайно на свечу водой плеснула, та и потухла, а одной в темноте, в бани ужась, как страшно!

— А я вроде, голоса слышала. Решила, что вор забрался. За баней-то — курятник.

Челядь подняла, велела бечь посмотреть. А сама сюда.

— Как же голоса? Это я тут одна-одинешенька к тебе взываю.

Во дворе, выскочившие кто в чём мужики, для смелости покрикивая друг на друга, обходили постройки. Не дай Бог, какой тать пробрался?! Сердце Натальи Акимовны от страха, что пимокат не успел скрыться и может быть пойман, стучало так часто и громко, что Настенька стала её успокаивать:

— Натальюшка, свет вы наш, Акимовна, напугались тут без меня, глупой да нерасторопной. Но теперь-то, челядь во дворе, если кто пробрался — изловят сей момент! Вот вам крест — изловят!

И тут Наталья Акимовна услышала голос пимоката. Изловили! Сердце её оборвалось. Что-то теперь будет?

— Вы ничего не бойтесь, а я поверх мокрой рубашонки сарафан накину да выйду, гляну: изловили кого?

Настенька вышла. А Наталья Акимовна приоткрыла дверь предбанника и прислушалась.

— Иду, значит, я мимо. Смотрю, ворота неплотно прикрыты. Время позднее. Уж ни случилось ли чего, думаю? — говорил пимокат громко и уверенно, хотя некоторая дрожь всё-таки слышалась в голосе. — Или просто по рассеянности слуги закрыть забыли? И тут: крик, шум, вроде ищут кого. Только рот открыл служку окликнуть, а он в сей момент на меня и натолкнулся.

— Дак ить, ворота я самолично проверял. Вот и теперь они закрыты. Как же так? — удивлялся дворовый мужик. Подняв фонарь, он внимательно осматривал перекладину толщиной в руку, запиравшую ворота. В это время вся остальная прислуга, никого ни обнаружив, стала собираться рядом с ними.

— До чего же глупы, бывают людишки. Тать ворота приоткрыл и вошёл, а я за собой их закрыл! Не оставлять же нараспашку в вечернее время? А пока вы тут бегали бестолково, он, испугавшись, задним двором ушёл. У ворот-то я стоял!

— Это как же он ухитрился? Ворота со двора запираем... — недоумевал мужик.

— Вот ежели изловили бы его, то расспросили бы. Тать мог засветло пробраться, да прятаться, к примеру, в курятнике. Или, может, ты чего напутал, а ворота и не запирали вовсе!

"Весь этот разговор следует пресечь", — подумала Наталья Акимовна.

— Настенька, где ты там? Уже баня выстыла! — крикнула из-за дверей. — Хватит попусту свечи жечь, да разговоры пустые разговаривать. Поблагодарите лучше от моего имени Егора Петровича, что уберёт нас от лихого человека, да пригласите завтра к нам на чай, чтоб уж как положено благодарность высказать. Да возвращайся живее. Не сидеть же мне тут до ночи?

На этом, слава Богу, приключение закончилось. Однако, лёжа после бани на пуховой перине, Наталья Акимовна рассуждала и так и этак. Егор Петрович, что ни говори, непотребные вещи вытворяет. То в окно её опочивальни влез безо всякого на то повода с её стороны, то вот сегодня в баню проникнуть исхитрился. И, можно полагать, жуткие слухи о вампире пошли не без его участия. Полагать, конечно, можно. Но было нечто такое, что не давало покоя Наталье Акимовне: околоточный надзиратель утверждал, что вечером, когда возвращался со службы, видел повозку, везущую Кузьму Федотыча в красном бархатном

халате с отблесками золотых драконов. Но ведь халат в это время лежал в её спальне на кресле, там, где и был оставлен хозяином при жизни. И Кузьма Федотыч — чай в земле зарыт, да и совсем не в халате. А Егор Петрович выскочил из окна её спальни в этом самом халате гораздо позже, хоть и ночью тех же суток. Значит, ни тот, ни другой не могли быть в той повозке в этом самом халате. Так что же это за ужасный призрак раскатывает по городу? И так ли уж правильно винить во всём Егора Петровича? Но тогда это дело сил страшных, необъяснимых! От таких мыслей дрожь пробрала Наталью Акимовну. Она плотнее закуталась в одеяло и мысли постепенно перешли на более житейские вопросы. Как бы там ни было, в одном пимокат прав — ежели она выйдет замуж за человека не дворянского происхождения, то и дети от такого брака будут простолюдины. И понятно, что задумал Егор Петрович. Чтоб Наталья Акимовна уступив ему, родила ребёнка, скрыв их связь. А отцом объявила Кузьму Федотыча. Родить можно и в Москву, к примеру, уехать, объяснив необходимостью посетить медицинские светила. А когда вернётся с дитём, кто дознается — какого он месяца рождения? Тут и крестить, записав нужную дату рождения. По истечении же срока траура Егор Петрович обвенчаться мечтает.

Проследив, таким образом, ход мыслей Егора Петровича, она даже села в кровати. Да что же это деется? Ей по всем канонам можно ещё три года жить привольно и свободно, не обременяя себя брачными узами и мужниными капризами, а того хуже, беременностью и родами. Опять же из столицы выписаны роскошные траурные платья с прекрасными корсетами для узкой талии, которые останутся не надёванными. Да и удовольствия от замужней жизни в постели она не почувствовала никакого. Вспоминались одни мытарства да изгальство со стороны дорогого супруга. И как ни крути, всё одно три года траура. Опять же пимокат этой тайной властью над ней возьмёт. Так из огня да в полымя и угодишь!

А ей давеча первое приглашение принесли от городского головы. Деловой визит позволителен. Грацианов Пётр Алексеевич этикет до тонкости понимает, и приглашение прислал на двоих. Сопровождать её туда будет батюшка Аким Евсеич. Этому способствовало оставленное Кузьмой Федотычем состояние, и статус её необыкновенный. Шутка ли — вдова вампира? К чему лишаться таких преимуществ? Попав в руки Кузьмы Федотыча, она научилась терпению и поняла, что иногда решиться осмелиться это шанс поймать птицу счастья. А оставшись безраздельной владелицей немалого состояния, почувствовала: как же хороша жизнь без страха бедности и мужниной тирании. Через три года снимет траур и начнёт выезжать в общество. Зря, что ли, она столько пережила? И грех на душу приняла! А с другой стороны: и врач дорогого супруга осматривал, и батюшка кадилом рядом махал, и гробовщик обмерял — все сочли мёртвым. Так в чём же её грех? Не более чем у других. И зря она казнит себя, что дорогого супруга заживо похоронили. Нет, надобно отвадить пимоката!

На следующий день перед обедом Наталья Акимовна имела беседу со своим батюшкой в том самом кабинете, где когда-то она диктовала, а батюшка переписывал за мизерную плату бумаги Кузьмы Федотыча, и тот впервые увидел её. Тогда даже помыслить было невозможно, что судьба примет такой оборот. Однако и теперь будущее предвидеть не мог никто, даже осмотрительный и осторожный Аким Евсеич. Он сидел в мягком кресле Кузьмы Федотыча, склонившись над деловыми бумагами. В хорошо сшитом сюртуке, в зауженных брюках и модных ботинках бывший писарь вовсе не выглядел как прежде тщедушным, а скорее подтянутым и собранным.

— Ну что, Натальюшка? — продолжая начатый разговор, отложил в сторону

рассматриваемую бумагу. — Ты должна понять, что Пётр Алексеевич не стал бы без особой причины беспокоить тебя в дни строго траура. Но дело не терпит отлагательства! Я случайно встретился с человеком, который ранее со мной за соседней конторкой сидел, а теперь городскому голове услуги оказывает, так он говорит, что будут в городе доходный дом на паях строить. Вот и приглашает господин Грацианов состоятельных людей, чтобы обсудить участие. Веди себя подобающе. Скромным поведением ты приобретёшь неизмеримо больше уважения, чем ежели будешь поступать наоборот.

— Батюшка, да разве я когда себе позволяла что-либо предосудительное?

— Пятнышко на платье может и маленьким быть, а на бал не годится. Так и в жизни. Запачкаешь репутацию единожды во век не отмоешься! Вот и кстати! Что это вдруг Егор Петрович по вечерам мимо вашего двора дефилирует?

— Да откуда же мне знать, батюшка?

— По старой памяти виды на тебя держит?! Надобно его от дома отвадить. Вот и сегодняшний его визит не уместен... м... да, не уместен!

— Вот я и послала к вам Настеньку...

— Сделаем так... Вели накрыть чай на веранде. Скажешься, что у тебя мигрень, дело обычное. Егора Петровича приму я. Закажу валенки... дворовым мужикам. Таким образом и место ему укажем, и не обидим, врага не наживём. Всё-таки надо учесть, что Егор Петрович добровольно вызвался и собственноручно произвёл обряд по уничтожению вампира.

— Папенька, к чему вспоминать такие страсти?

— М..да...

Вампирские страсти

Хоть и был визит к городскому голове деловым, но кто же в городе не знал, что сынок его настоящий денди? Притом холост! И если Акима Евсееча больше волновала деловая сторона встречи, то Наталья Акимовна, понимая, что решать ей ничего не придётся, очень беспокоилась по поводу своей внешности. Так что ночь перед визитом почти не спала. И оттого казалась бледнее обычного. И вот под руку с папенькой она медленно поднимается по широкой лестнице в кабинет Петра Алексеевича. В чёрном матовом платье, с тонко перехваченной талией, на красиво уложенных чёрных кудрях шляпка из черного крепа украшена цветами чёрного гагата. Движения её были легки, она будто парила над ступенями.

Вернувшись домой, Наталья Акимовна перебирала в памяти подробности визита к городскому голове. Мельком замеченное красивое молодое лицо, и стройное тело всё вспоминались и вспоминались! И не было никакой возможности отогнать от себя это видение! Деловую часть беседы папеньки и Петра Алексеевича, она пропускала. Действительно, решили строить доходный дом на паях. Думать об этом взялся Аким Евсеич. А и было о чём. Рассуждая о предстоящих заботах, Аким Евсеичу становилось ясно, что теперь придётся каждую неделю, может и не по разу, деловые визиты наносить и посещать присутственные места. Предпочтение пеших прогулок граничило с непристойным поведением и всячески порицалось. Так что следовало подумать, посчитать и решить приобретать ли какой-либо экипаж для этих целей или привести в порядок повозку на рессорном ходу Кузьмы Федотыча, которую Аким Евсеич третьего дня в сарае приметил? И лишних денег тратить не хотелось, да и опасался пересудов. Мол, только зять на погост, тесть состояние прожигает! Всю ночь бывший писарь глаз не сомкнул.

За окнами чуть рассвело, когда Аннушка, зевая и потягиваясь, вышла из своей каморки:

— Матушки, свет! Матушки, свет! — зашептала и закрестилась, увидев, как через комнату кабы не по воздуху медленно плывёт странная фигура.

— Аннушка? Согрей ка чайку...

— Свят, свят, свят... — Крестясь, кинулась назад к себе в комнату.

— Анна! Да что с тобой? Никак умом тронулась?

Аким Евсееч в ночной рубахе до пят и колпаке, устав в бессоннице переворачиваться с боку на бок, сунув ноги в мягкие войлочные чуни, направился было к своему кабинету, тут Аннушка и попади ему навстречу. В сером утреннем полумраке белёсая бесформенная фигура кого хочешь напугает!

— Анна! Чёртова кукла! Тьфу, ты! Не согрешить, да согресишь! Чего скрылась?

— Аким Евсееч, никак вы?

— Кто ж ещё?

Напоив Акима Евсеича чаем, Анна направилась в мясную лавку говяжий язык купить коей был заказан хозяином к обеду обязательно под соусом. А в лавке, как на грех, только Фроська толклась! Ей что ни скажи, на весь Бирючинск разнесёт! Но терпеть уж, не было мочи, так у Аннушки собственный язык чесался!

— Фрося? Поди, что скажу! Только крестись, что более никому не расскажешь?

— Чего такого про твоего хозяина можно рассказать? Вон, дворовые Кузьмы Федотыча говорят, на что тот жаден был, да и то — с барского стола крошки падали, а твой хозяин такой порядок навёл, что Кузьме Федотычу, хоть и вампиру, а и не снилось!

— Да погоди ты! — и зашептала на ухо.

— Призрак? На рассвете?

— Вот те крест! Ни половица ни скрипнула, ни подошва ни шаркнула. Да и ног-то не было. Белый балахон колышется в воздухе и ко мне всё ближе, ближе! Тут я крестным знаменем его, а сама за дверь, да назаложку! Так и сидела пока Аким Евсеич не проснулся! Только ты уж никому!

— Вот те крест! — Перекрестилась Фроська и тут же куда-то исчезла!

А Аким Евсеич, после бессонной ночи прилѣг на кушетку, да и проспал до обеда. Так что в дом к Наталье Акимовне направился хоть и засветло, но всё же ближе к вечеру. Следовало осмотреть повозку и прикинуть, во что обойдѣтся ремонт. Заходить в дом не стал, а сразу направился в сарайчик. Приглядевшись в полумраке, Аким Евсеич определил, что это скорее пролѣтка с откидывающимся верхом. Некогда выполненный из прекрасной кожи верх до сих пор требовал лишь приведения в порядок, похоже, что и рессоры были исправны. Оно конечно, пролѣтка не карета! Но и горожан имеющих собственные выезды раз, два и обчѣлся! И все разнокалиберные, потому как удовольствие не дешѣвое. Так что, пусть пролѣтка, но собственный выезд! Аким Евсеич попытался влезть в неё и ахнул, обнаружив красный бархатный халат своего зятя. А ведь по городу ходили слухи, что именно в красном халате видели восстававшего из гроба вампира! Ужас сковал бывшего писаря. Ни вздохнуть, ни выдохнуть, ни крикнуть! Какое-то время он так и сидел на пыльном сиденье. Тем временем во дворе стало темнеть. На негнущихся ногах Аким Евсеич вышел из сарайчика и направился в дом. Следовало почистить одежду от пыли и немного успокоиться. А ещё поразмыслить — как сказать о находке дочери? И тут Аким Евсеич вспомнил, что Кузьма Федотыч лежал в гробу совсем не в красном халате! А ещё раньше он видел этот халат в спальне зятя в день его смерти. Так как же этот халат оказался в повозке? Но повозку с вампиром в этом халате, то есть Кузьмой Федотычем, видел сам околоточный надзиратель! И окончательно запутавшись в рассуждениях, Аким Евсеич решил пока никому ничего не рассказывать, а халат припрятать куда подальше. Ведь ежели злостный вампир уничтожен, то и все его проделки прекратятся! А компрометировать Наталью Акимовну всякими домыслами ни к чему. Так вот, по здравому рассуждению выходило... Нет, ничего у Акима Евсеича не выходило.

Однако вечерний чай расположил к более приятным мыслям. Аким Евсеич раздумывал: не следует ли поставить на пролѣтку дутики,** поскольку мостовые в Бирючинске сплошь булыжные, езда по ним казнь египетская? Пролѣтка с красивым кожаным верхом, на резиновом ходу — это очень, очень не плохо! Ночью ему даже сон привиделся. Будто он в новом пальто, в том, которое пятнадцать рублей стоит, подкатывает в этой самой пролѣтке, с начищенным кожаным верхом к роскошному крыльцу с высокой парадной лестницей, а по ней навстречу ему спускается женщина в розовых одеждах, с пышной грудью и полными руками. Он даже рассмотреть успел сквозь ажурные перчатки, что на запястьях они будто тоненькими ниточками перехвачены, а кожа белая... нет, даже слегка розовая. Протянул он к ней руки, сказать, что холодно, мол, простынете, мадам. Тут-то сон и оборвался. Да только Аким Евсеич больше в эту ночь так и не уснул. Душа винтом пошла. Стали вспоминаться

прожитые в недостатках и нехватках годы жизни вдовца. И эта женщина из сна... будто что-то знакомое виделось в ней? И подумалось, что если доведётся увидеть, непременно узнает. Так и прокрутился до утра. А чуть свет поднялся и принялся за свой туалет. Ведь точно, где-то видел эту даму, и встретить её желал при полном соответствии.

Приведя себя в порядок и, почувствовав бодрость во всём теле, Аким Евсеич принял окончательное решение: закопать тот ужасный халат на кладбище, на могиле зятя! Путь забирает, коли уж так он ему дорог! Да и дело с концом! Но для этого следовало выбрать время и подготовиться. Как только Аким Евсеич решение принял, то и немного успокоился. А тут ещё мысль поставить на пролётку дутики так засвербела, что отправился Аким Евсеич пешим ходом узнать, как да почём можно сторговаться? Идти пришлось мимо дома пимоката, несостоявшегося жениха дочери. Видеть лишний раз его не хотелось, а он как чёрт из табакерки — тут как тут. Вежливо раскланивается:

— Аким Евсеич, вы, помнится, заказывали валенки для дворни Натальи Акимовны, так мне уже работы всего ничего осталось. Когда прикажете доставить?

Акима Евсеича как горячей волной окатило. А не пимокат ли по старой памяти на Натальи виды держит? Теперь она ещё и богата! Не его ли рук дело с красным бархатным халатом? Так или иначе, но Аким Евсеич осадил бывшего жениха:

— Вы, Егор Петрович, не спешите. До зимы ещё далеко. Я пока другими делами занят. Вот желаю дутики на экипаж поставить. Завершу это дело, тогда очередь и до валенок дойдёт.

И тут показалось Акиму Евсеичу, что вроде как Егор Петрович даже в лице переменился, но отец списал это на продолжающуюся увлечённость пимоката его дочью. Но тогда ни его ли рук дело с красным бархатным халатом? Поэтому, чтобы пресечь всяческое поползновение, как бы между делом задумчиво произнёс:

— У Натальи Акимовны строгий траур, так я распорядился Настасье никого к ней по этой причине не допускать. А вежливо объяснять, что вдове положение к тому обязывает! Ежели по делам каким, так Наталья Акимовна не безродная. Пусть ко мне обращаются. Так и вы, как решите валенки доставить, пришлите рассыльного, я самолично приму заказ.

Высказал всё, глядя прямо в лицо Егора Петровича. Тот, молча, раскланялся, и они разошлись. Аким Евсеич даже доволен остался этой встречей. Лишний раз объяснил пимокату, что доступ к Наталье Акимовне ему закрыт!

С тем и отправился по своим делам. Вопрос с дутиками решился к обоюдной выгоде, изготовить их обещались вскорости и цену запросили умеренную. Однако по дороге назад, да и потом, вернувшись домой, Аким Евсеич никак не мог придумать, каким бы образом халат мог попасть к пимокату, а пимокат в дом Кузьмы Федотыча? Да ещё заверения слуг, что видели именно Кузьму Федотыча. С этими мыслями и уснул бывший писарь. А ночью вдруг видит возле окна вроде свечение какое, да все увеличивается и увеличивается. Он сел в постели, а свечение тем временем так разрослось, что внутри явственно фигура Кузьмы Федотыча проступила. Аким Евсеич осенил себя крестным знаменем, молитву зашептал, но видение не исчезало, и голос жуткий прозвучал: "Деньги мои не троньте, не возрадуютесь". Но вместо того, чтобы от страха онеметь, Аким Евсеич вдруг спросил: "На что же жить вдове твоей?" И услышал: "Преумножайте состояние, на преумноженное живите. Не вдова она, убийца. Заживо мужа похоронила". Тут фигура мерцать стала, и дёргаться, будто в конвульсиях. Зрелище выше сил человеческих. Аким Евсеич перекрестил пугающее видение раз, другой, а на третий видение, будто внутрь себя провалилось. И в миг этот тишина

наступила такая, что у Акима Евсеича уши заложило. Слез он с кровати, подошел к тому месту, где только что призрак зятя виделся и, странное дело, никакого страха не почувствовал. Наступил ногой прямо на то самое место, а пол там куда как холоднее остального. Что не приснилось, это точно понимал Аким Евсеич, но может привиделось, примерещилось? И тут другой, страшный смысл дошел до его сознания: зять утверждал, что похоронен заживо и виновна в том Наталья Акимовна. Вот тут хуже, чем от появления бестелесного призрака пробрало бывшего писаря. Мелкая дрожь была так, что он в стакан воды налить не мог. И невольно вспомнились все случившиеся странности, и хоть полной картины у Акима Евсеича не складывалось, но он вспомнил, что врач прописал его дочери успокоительные капли, особо предупредив, что в смешении с алкоголем, они многократно усиливают свой эффект. Капли эти были у Натали, а Кузьма Федотыч на ночь бокал вина выпил, после чего... м... м... И как было узнать правду? А если так оно и есть? Как тогда быть? И каково будет Натали знать, что её отцу подобное известно? Но и каково-то ей одной эту ношу нести? Ведь не от хорошей жизни подлила она эти капли в вино мужа! Трёх жен загнал на тот свет Кузьма Федотыч, не случись этой беды, была бы другая — погибла бы дочь от издевательств мужа.

Не спал Аким Евсеич до самого рассвета, только когда Аннушка встала да на кухне утварью загремела, успокоился и уснул. А утром, когда солнышко осветило комнату, проснувшись, решил, что это был кошмар, ночной кошмар, после всего пережитого. Только чем дальше, тем больше понимал Аким Евсеич, что как бы странно и невероятно это не выглядело, всё-таки ночью зять был здесь. Мысли одна невероятнее другой лезли в голову. А посоветоваться не с кем. Либо дочери навредит, либо самого душевно больным сочтут. Стал вспоминать в подробностях ночную беседу, да и осознал, что самое главное в теперешнем своём и дочерином положении запомнил. Зять запретил проживать его добро, но преумножать его и жить с этих доходов позволил. Видать жадность и на том свете покоя не давала, ведь ежели им с Натальюшкой жить будет не на что, то и преумножать его добро будет невозможно. Предупредил, что иначе не возрадуются. Они и при его жизни уже не возрадовались. А растрчивать капитал зятя, Аким Евсеич и не намеревался. Совесть не позволяла, да и опасался людского осуждения. А тут городской голова предложил принять участие в строительстве доходного дома — дело выгодное. Да и предложенная должность казначея при этом строительстве тоже копеечку даёт. В этих размышлениях вспомнил, что решил закопать любимый халат зятя на его могиле. И лучше это дело не откладывать. С этими мыслями и направился к дочери. По дороге всё вздыхал, да думал, что видеть ночью роскошную даму куда как приятнее, чем упокоившегося зятя. Но тротуар, по которому он обычно ходил, начали перестилать, поскольку многие доски прогнили, и Аким Евсеич свернул в соседний переулок, пусть немного долее идти, зато посуху. И тут же запнулся на ровном месте, потому что взгляд его упёрся в тот самый дом, с крыльца которого в его сне спускалась прекрасная дама. Да что же это с ним творится? Сны снятся один удивительнее другого, дела творятся непотребные. То в спальню Натали вампир проникает, то этот вампир упокоившимся зятем оказывается и ну по Бирючинску раскатывать в домашнем халате, хотя похоронили во вполне приличном костюме. А потом этот самый халат бог весть каким образом в пролётке оказывается! Чудны дела твои, Господи! И опять запнулся — Господа ли дела-то?

А ещё через пару дней, прихватив с собой мешок, Аким Евсеич направился к дочери, решив зайти в сарай и забрать жуткий халат. А там сказаться, будто могилку зятя посмотреть

— в надлежащем ли состоянии, да и закопать. А чтоб с кулём не тащиться, извозчика нанять.

Во дворе дома Натали никого. Он крикнул мальчишку, сына поварихи, и послал за извозчиком, а сам вошёл в дом предупредить Натали, что собирается могилку зятя проведать, всё ли там в порядке? Может, что поправить надобно? А потом хочешь, не хочешь надо идти в сарайчик, забирать халат. Вот она повозка. Приготовил мешок, заглянул в пролётку — нет халата! Влез в неё, внимательно осмотрел — нет! Обыскал все углы — нет, как и не было! Чертовщина какая-то.

— Свят! Свят! Свят! — крестился на Аннушкин манер Аким Евсеич. Вышел на вольный воздух, подышал, успокоился. Ну, может, кто из дворовых нашёл да покусился? Нет уж, ни искать, ни тем более отбирать этот жуткий халат, он не будет. Страх опять в душу закрался. И тут слышит, зовут его, извозчик подкатил. Куда деваться? Ехать придётся, ведь Натали предупредил и вон, за извозчиком послал. Ну, раз халата нет, то и прятать нечего, значит и ехать одному не к чему.

— Натали, я вот что подумал: возьму с собой истопника. Если что придётся подправить, то чтоб два раза не катать, под моим приглядом всё и исполнит. — С тем и уехал.

На кладбище истопник шёл впереди, Аким Евсеич следом, и так на душе из-за того вампирского халата нехорошо, а тут ещё кресты кругом! Глянуть всё ли в порядке, да скорее прочь с этого места. Шёл, шёл да и натолкнулся на истопника, который вдруг встал как вкопанный.

— Батюшка, Аким Евсеич, я дальше не ходок, — глухим шёпотом выговорил совсем не мелкий мужик.

— Да что с тобой такое?

— Похоже, Кузьма Федотыч опять из могилы восстал! Над его могилкой вроде как человек шевелился, да прямо на глазах исчез! Видать назад в могилу ушёл!

По спине Акима Евсеича пробежали мурашки. Ноги налились тяжестью так, что и шаг сделать невозможно ни вперёд, ни назад.

— Мало ли, может, ворона сидела да улетела...

— Ну, тогда вы первый идите. Боязно мне. Хотя, может, и примерещилось, потому как сей момент никого не видно. И крест нательный в зубы возьмите, слышал, помогает!

Так, зажав зубами кресты, они и приблизились к могиле. Глядь, а из верхнего разрыхлённого слоя могилы, так будто его недавно кто-то копал, отчётливо виден край красного бархатного халата с золотыми драконами! А в следующую минуту зашелестела и зашевелилась трава возле их ног. И тут ужас охватил их такой, что назад они ломились, не разбирая дороги!

Извозчик, коли уж приехал на кладбище, решив заодно родителей своих помянуть, приложился к чекушке. На летней жаре разморило его чрезвычайно. И уже было прижмурил глаз один, как видит, не глядя под ноги, бежит меж могил истопник, а вслед за ним Аким Евсеич поспекает. "Не иначе как грабители напали?" — Только успел так подумать возница, как, подбежав и заскочив в повозку, не переводя дух, оба в голос закричали: "Трогай!!!" Не дожидаясь пока лихие люди с кладбища выскочат, извозчик понужнул лошадей.

Не прошло и часа, как Аким Евсеич с истопником уехали на кладбище, и вот уже видит Натали, окутанная столбом пыли, со всей прыти подлетает к окнам дома та же повозка! Из неё Аким Евсеич и истопник еле вылезают. На каждом лица нет, испуг прописан. Аким Евсеич в дом прошёл.

— Уф! Обошлось, господа хорошие, не ограбили? — поинтересовался возница.

— Какой ограбили? Хуже того! Страху натерпелись... — и истопник стал рассказывать, всё, что увидел со страху. А у страха глаза велики. И то, как Кузьма Федотыч в своём красном халате с золотыми драконами на его глазах назад в могилу возвернулся, и не преминул про Акима Евсеича лестно упомянуть, страх страхом, а доброе отношение хозяев не помешает! Как Аким Евсеич чуть было не поймал ужасного вампира, которого даже чеснок не взял и кол не пригвоздил, за край халата. А в подтверждение своих слов уверял, что край халата, за который на его глазах Аким Евсеич отчаянно пытался поймать вампира, остался торчать из могилы! По мере того, как истопник рассказывал, возле него собирался народ. Тут и хмельной возница разохотился. Только сам спрашивал: не ограбили ли седоков? А теперь уже давай подтверждать, что своими глазами видел, как Аким Евсеич Кузьму Федотыча за красный халат тянул, а тот сквозь землю провалился! Оттого и гнал, что есть прити, потому как каждому христианину жутко будет в такую историю угодить!

Истопник, уже в который раз взахлёб рассказывающий всё прибывающим слушателям, какой ужас им пришлось пережить, только более распался, чувствуя к себе ранее никогда не испытанное внимание. Возница, сообразивший, что зевак всё прибавляется, и истопнику почти что в рот заглядывают, так послушать желают, давай новые подробности вспоминать, от которых у слушателей волосы дыбом становились:

— Я на облучке сидел. Сверху-то мне, известное дело, всё видно.

И вот уже с десятков зевак, кое-что не расслышав, кое-что домыслив, пошли пересказывать доподлинную жуткую историю опять произошедшую в Бирючинске!

Тем временем Аким Евсеич, сидя напротив Натали, негромким, прерывающимся голосом рассказывал:

— Как только подошли к могилке, видим, земляца рыхлая, ещё и обсохнуть не успела, будто кто перевернул её только что. А с краю пола красного бархатного халата Кузьмы Федотыча из земли видна. — Пот выступил на лице бывшего писаря.

— Батюшка... мало ли, цветов, венков землёй присыпали, а вам показалось невесть что. — Но голос её дрожал, а лицо белее белёной стены сделалось.

— Но это ещё не всё. Потом трава у наших ног зашевелилась, кругом тишь, и только у наших ног... — голос Акима Евсеича перехватило.

— Но, возможно, ветерок...

— Натали, — Аким Евсеич хотел было про сон рассказать, но поднял на дочь глаза и осекся. — Натали, деньги зятя на себя мы тратить не будем.

— Ему теперь деньги не к чему. Зря вы, батюшка, страхи на себя напускаете.

— Натальюшка, помнится мне, доктор, когда тебе успокоительную микстуру передавал, то предупреждал о её особом свойстве. Где у тебя тот флакончик? И отчего ты так громко причитала, кинувшись на похоронах чуть ни под лезвия лопат? Неужто услышала из его могилы нечто такое, что скрыть от людей пожелала?

— К чему теперь, батюшка, душу лишний раз травить? Ничего уже не изменим.

— Пользоваться деньгами Кузьмы Федотыча, чтобы зарабатывать себе на жизнь — будем, но некоторую часть заработанного к его состоянию присовокуплять.

— Батюшка...

— Дешевле, чем деньгами, нет способа от беды откупиться. — Вдруг поднял голову, посмотрел в лицо дочери: — Моя вина, всё моя вина. Ты у меня на попечении была. И я, твой родной батюшка, отдал тебя на растерзание извергу в облике человеческом.

— Да откуда же вам знать было?

— С годами не токмо седина приходить должна, но и мудрость. Должен был понять, что коли до тебя трёх жен со свету сжил, то и тебе несдобровать.

— Но ведь обошлось, батюшка.

— Начало, это только начало, Натальюшка. Прости нас Господи, и дай нам силы. — Перекрестился на красный угол Аким Евсеич.

В комнате повисла тишина. И в этой тишине вдруг послышался человеческий гомон и крик, будто под окнами спорили или ругались. Аким Евсеич выглянул в окно, хлопнул себя по голове и кинулся к дверям:

— Чего это они там затеяли?

На улице под окнами дома всюду шел спор. Четверо проезжих мастеровых насмеялись над истопником и кучером, не желая верить, что покойник из могилы вылезал, а Аким Евсеич его за угол халата поймал. Мертвец опять в могилу сгинул, а угол халата, за который он был пойман, так и остался торчать из земли. Когда Аким Евсеич подошёл к спорщикам, они уже по рукам ударили, договорившись, что проспоровшая сторона оплачивает извозчика и покупает четверть. Не успел он и рта раскрыть, как кричащая и спорившая компания, уместившись кое-как в повозку, направилась на кладбище. Аким Евсеич вернулся домой:

— Вели-ка, Натальюшка, мне стопку подать с огурчиком.

— Что там произошло, батюшка?

— А пусть их! — Отмахнулся Аким Евсеич, устав от всяческих напастей.

Егор Петрович после разговора с Акимом Евсеичем про все свои заказы на изготовление валенок забыл! И как тут не забыть, ведь если халат будет найден, не дай Бог на свет выплывет, как халат в повозку попал?! Егора Петровича даже дрожь пробрала!

Конечно, пока Наталья Акимовна была всего лишь дочерью бывшего городского писаря, это один расклад. Но и тогда, пимокат с матушкой рассудили, что хоть и не богата, но единственная дочь у отца, значит, дом ей достанется. Но прозевали. И Наталью Акимовну выдали замуж за Кузьму Федотыча. Однако когда Кузьма Федотыч преставился, оставив Натали богатой бездетной вдовой, решился Егор Петрович на этот раз не прозевать, занять освободившееся место. Вот и влез в окно её опочивальни, чтобы приватно объяснить в любви. Но в доме проснулись слуги, и чтобы не быть узнанным пришлось выскакать обратным ходом в халате Кузьмы Федотыча. А халат тот проклятый у себя дома он оставить никак не мог. Мало ли, матушка обнаружит? Вот и припрятал в сарайчике Кузьмы Федотыча. А теперь возьмётся Аким Евсеич повозку на свет белый вытаскивать, а там халат этот! Городской писарь многие истории в своей жизни, если не повидал, то прочёл. Скорее всего, смекнёт, в чём дело! И тут пимокату несдобровать! Одно вбивание кола в тело Кузьмы Федотыча чего стоит?

В первую же ночь после разговора с Акимом Евсеичем направился Егор Петрович в сарайчик, чтобы забрать оттуда и закопать на задворках злосчастный халат! Чего проще? Ан, нет! До сарайчика добрался никем не замеченный. Луна светила полная, яркая. Было собрался войти в сарайчик, а там — шорох да шепот! Заглянул в щель между разошедшихся досок, а там какая-то жуткая фигура в этом самом халате движется! И ни головы у неё, ни ног не видать. Темень. Но не сам халат шевелится? И тут вспомнил пимокат, что полная луна самое время для вампиров! И вроде знал всё доподлинно про этот халат, но такая дрожь прохватила, да если бы только дрожь, а то ещё и живот скрутило так, что мочи терпеть нет,

куда там страх! Пришлось бежать на задворки без халата. А когда легче стало, решил вернуться вновь. Только руку протянул дверь открыть в сарай, луна возьми да за тучу спрячься. В тот же момент дверь сама распахнулась со всего маху ему в лоб, так что пикнуть не успел! Очнулся от утреннего холода. Светает. Уж и не полез в сарайчик за халатом. Куда по свету с кулём тащиться? Отложил на следующую ночь. Но и следующая ночь не обошлась без приключений. У лопаты черенок сломался. И хоть считал он себя человеком вольных мыслей, но после этих событий решил, что не всё так просто. Видать желает хозяин свой любимый халат получить, чтоб ходить в нём на том свете, как на этом! Оставался один выход — отнести халат на кладбище и закопать на могилке Кузьмы Федотыча, пусть получает, коли, так он ему нужен! Главное — себя от этого прилипшего халата освободить! И вот утречком, подождав пока солнышко росу обсушит, окольными путями, чтоб кого знакомого не встретить, прихватив с собой куль с халатом, отправился пимокат на кладбище. Слава Богу, всё хорошо добрался. Но только подошел к могилке Кузьмы Федотыча, давай над ним ворон летать, да кричать не пойми что! А тут ещё возьми, да всплыви в памяти, как он на этом самом месте кол покойному Кузьме Федотычу в грудь вбивал! Руки вспотели, трясутся, глубоко копать страх не даёт! Чуть сверху землю снял, расстелил халат, чтоб не комом лежал, ведь могилку-то надо в прежний вид произвести. И уже большУю половину засЫпал, как слышит, кто-то направляется в его сторону. Поднял глаза, так и есть! Кто такие, сперва не рассмотрел, но кто бы ни был, следовало поторопиться, да пока его не заметили, ноги унести отсюда! Заспешил, засуетился и в самый последний момент за соседскую могилку спрятался. И тут видит, это никто иной, как Аким Евсеич с сопровождающим! Видать могилку зятя проведать пришёл. А ещё узрел пимокат, что не весь халат зарыл, а край его торчит из-под земли! От волнения взмок весь, а тут того хуже!

— А-а-а!!! Аким Евсеич быстрее отсель, скорейше! А-а-а!

— Чего орёшь? На этом месте тишину соблюдать...

— Да вы гляньте, гляньте! Никак Кузьма Федотыч опять из могилы восстаёт! — Истопник даже договорить не дал Акиму Евсеичу, попятился назад, готовый кинуться бежать. А сам пальцем на торчащий край халата указУет! Тут и Аким Евсеич в лице изменился! А пимокат вдруг заметил, что буквально в шаге от бывшего писаря лопата лежит! Совсем пимокат забыл про неё, когда прятался! Он аккуратно протянул руку, и потащил лопату к себе! Что было дальше — известно. Пимокат даже голову руками прикрыл, сам не зная отчего, так громко и жутко кричали и бежали, не разбирая дороги, эти двое. Кладбище, оно определённые мысли навеивает. Убежали. Они-то убежали, а пимокат остался. От волнения руки трясутся. И так на кладбище не весело, а тут такого страху натерпелся! Решил, чтобы чего не упустить, передохнуть, а уж потом со всем чаянием дело завершить. Теперь-то уж, вроде, некому объявиться тут. Успокоился, огляделся, только опять взялся за дело, слышит, к кладбищу вновь повозка подъезжает! Подумать не мог, что и эти посетители к Кузьме Федотычу, но и оказывать себя на этом месте не пожелал. Не стал дожидаться, спрятался на прежнем месте. Глядь, тот же истопник, но с компанией! Идут, говорят громко, пересмеиваются. Ну, ясное дело, для пущей смелости. И направляются прямо сюда. С досады пимокат даже плюнул. Что ему тут до вечера меж могил валяться? Хошь, не хошь, ждать приходится. А мужики всё ближе, ближе. И вот уже истопник на край халата указУет. Видите, мол? Компания вмиг умолкла. Но стоят, с места не трогаются, приглядываются. Прикинул пимокат, что если вздумают за этот угол потащить, да и выволокут весь халат не

из могилы, а всего лишь сверху землицей присыпанный? И взялся опять лопатой шурудить. Кругом тишь, ни травинки не шелохнётся и только возле могилы Кузьмы Федотыча трава колышется.

— Вылезает... — выдохнул истопник и попятился. Мужики следом, но не очень уверенно, медленно как-то. Пимокат разошёлся и утробным голосом простонал. Тут уж все наперегонки подхватились.

Немного остынув от всего пережитого, засыпал Егор Петрович проклятый халат, теперь уж аккуратно, осмотрелся — вроде ладно всё получилось. Только земляца сверху свежевзрытая, но кто ж её сегодня увидит?! А там солнце, да дождик все следы заметут! Если что — так вот вам Кузьма Федотыч, и халат при нём. А его дело — сторона! Довольный тем, что избавился от ненавистного халата, направился домой.

Уставши от дневных треволнений, сделал себе Егор Петрович за ужином послабление, пропустил рюмку-другую анисовой. Сбросил на стул домашний кафтан, накинул белую батистовую сорочку, и так приятно телу стало, что, не откладывая, улёгся под одеяло. Однако спокойно лежал недолго. Вдруг ворочаться стал и даже что-то во сне говорить пытался. А как за полночь перевалило, сон совсем оставил пимоката. Лежит под мягким стяжённым одеялом и холодным потом исходит, потому как видит, что полки на противоположной стене вдруг поползли в стороны. И понимает, что быть такого не может. "Снится. Не иначе как снится. Свят, свят", — пытался осенить себя крестным знаменем, но рука в ночной сорочке запуталась. Тут уж окончательно понял, что никакой это не сон. Решил водицы испить. Только ноги спустил с кровати, а в простенке, где полки расползлись по сторонам, отчетливый шорох послышался, будто песок сыплется. "Да что ж за наваждение такое?" — опять поднял руку для крестного знамени. Да так и замер с поднятой рукой и открытым ртом. Прямо из стены в красном бархатном халате, сверкая в свете лампадки золотыми драконами, вышел Кузьма Федотыч. Прошёл мимо пимоката, обдав лёгким ветерком, и что-то сунул в карман лежащего на стуле домашнего кафтана. Тут же, забыв про желание водицы испить, упал Егор Петрович на прежнее место, и даже как следует не укрывшись, уснул.

А утром, при ярком солнышке, решил, что привиделся ему ночной кошмар, что вполне естественно после всего пережитого. Плеснул в лицо из кувшина холодной водицы, чтоб окончательно сон развеять, да и устроился завтракать. На столе дожидались заварные гречневые блины, очень любил их по утрам Егор Петрович. И уж за приятным завтраком стал забывать ночной кошмар, как вроде чувствует, что-то мешает в кармане кафтана. Сунул руку туда и вытащил на свет божий пояс красный бархатный с золотыми драконами:

— Это что же? Кузьма Федотыч сегодня ночью принёс мне пояс от своего халата? — и поперхнулся не прожёванным блином. — Откуда бы иначе он в моём кафтане оказался? Выходит, не привиделось ночью-то? — Спрятал пояс назад в карман, чтоб коли матушка войдёт, то не увидала.

— Это ж он, чтоб не забывал, значит. — Разговаривал так Егор Петрович сам с собой и чувствовал, как мороз по коже пробирает. Уж и не до блинов ему стало. Он-то думал совсем по-другому, а теперь как понимать это событие? И ни с кем посоветоваться, поделиться нельзя. А пояс — вот он, в кармане лежит.

Вечером прошедшего дня, после всех передраг пил Аким Евсееч чай с мятой и липовым мёдом и рассуждал про себя: "Ведь только подумал закопать халат на могиле зятя, он там и очутился! Да и не могло такое примерещиться, своими глазами видел халат в повозке. И как же халат в могилу переместился? Что дело тут не чисто, это ясно. Но вот мирское ли, земное ли непотребство, пойдя, разбери? Помнится, давненько как-то иск переписывал, так там почище чудеса происходили, пока творца этих чудес околоточный надзиратель на чистую воду не вывел! — тут Аким Евсееч даже поперхнулся. — Забрать халат мог только тот, кто знал его место нахождения. А исчез халат после разговора с пимокатом о том, что желаю поставить на эту самую повозку дутики! Даже если дорогой зятёк вампир, что очень даже может быть, до Натальюшки три молодых жены со света сжил, то восстать из гроба в этом халате он никак не мог, поскольку был похоронен совсем в другой одежде! Если только не бегал переодеваться! Тьфу, какая ересь на ум приходит! Опять же вбить кол добровольно вызвался пимокат! И поздним вечером ни с того ни с сего во дворе Натальюшки очутился... ну да, ну да, вора вспугнул!"

С какого бока ни возьми, всё пимокат попадал! Аким Евсеич схватился за голову: "Надобно серьёзным образом поговорить с Натали! Но что, если выяснится что-то такое... что оставить без внимания невозможно? И нужно будет принимать меры! Какие? И что из всего этого может последовать? Выходит, ничего хорошего последовать не может! Так как же быть?"

Что за комиссия такая быть отцом взрослой дочери?! Опять Акима Евсеича ждала бессонная ночь. И так и этак прикидывал, однако решил не будить лихо, пока спит тихо, а лучше всего, чтобы пимокат исчез с глаз долой! Правда, пока Аким Евсеич не знал, каким образом это дело обустроить. А тут другая, не менее важная забота подпирала. Строительство доходного дома следовало ускорить. Потому как слухи о всякой чертовщине происходящей в Бирючинске распространялись, будто круги на воде. Лето, господ скука заела. Вон вчера уже одна карета припылила! Мол, слухами земля полнится, расскажите, да покажите! Истопник гоголем пошёл от такого внимания! Ко всему городской голова пространные речи ведёт. Мол, хотел бы поставить во главе строительства своего сыночка, да в дальнем имении "Озерки" управляющий занемог, имение большое, богатое, придётся отпрыска отправлять. Заменить некем. И тут Акима Евсееча осенило! На следующий день с утра пораньше он сидел в кабинете городского головы и вёл такой разговор:

— Пётр Алексеевич, если мы найдём человека пригодного на должность управляющего "Озерков", то сынок ваш сможет возглавить наше дело? А я со своей стороны, без внимания его труды не оставлю. Присмотрю. Опять же с вами можем совет держать... приватно, так сказать.

— Да где ж управляющего сей момент найдёшь? Дело не быстрое!

— А есть у меня на примете известный вам человек!

И Аким Евсеич предложил направить в "Озерки" пимоката. Всячески его расхваливал хотя не особо преувеличивал. Он, в самом деле, считал пимоката человеком дельным. Ведь было, чуть дочь замуж за него не выдал!

— Да, Аким Евсеич, там у меня проживает девушка... красавица, образованная. Отец у неё знатных кровей, а мать местная крестьянка. Живёт в барском доме, воспитана как барышня. За простого мужика замуж не выдашь! А время подходит, иначе засидится в девках! — и озабоченно вздохнул. — Может у них с Егором Петровичем сладится?

Не прошло и двух дней, как в дом Акима Евсеича прибежал посыльный от Егора Петровича, который уведомлял, что заказанные пимы готовы и надобно их скорее забрать.

— К чему такая спешка? — лукавил Аким Евсеич, подозревая, что Егору Петровичу предстоит переезд в "Озерки". Но желательно было убедиться.

— Ну как же, разве вам неизвестно, что Егор Петрович безо всякой протекции с чьей-либо стороны, на одном честном имени, получил предложение от городского головы взять в управление его поместье "Озерки"!?

Любовные муки

Следующая приятная весть не заставила себя ждать. Посыльный сообщил Акиму Евсеичу, что дутики к пролётке изготовили и установили. Получилось быстро и недорого. И как только пролётка была приведена в превосходное состояние, Аким Евсеич взял заправило, куда бы ни ехал, проезжать мимо дома, где, как он думал, обитала незнакомка, которую он видел в своём сне. Тем более что от некоторых людей узнал, там действительно много лет проживает одинокая дама, история жизни которой никому из горожан доподлинно не известна. Ходили слухи, что по молодости её соблазнил и оставил гусарский офицер, обещавший непременно вернуться и жениться на ней. Но, то ли погиб, то ли нашёл другую, а дама так и ждала его. Было ли это правдой, или досужими сплетнями, никто не знал. Образ жизни она вела уединённый, лишь иногда выезжая на короткое время в уездный город. А по возвращении на ней обнаруживались то новый бурнус**, то новомодный мягкий широкий берет. И местные дамы между собой решили, что уездный город она посещает для обновления своего гардероба в соответствии с последними, так часто меняющимися, модными веяниями. А поскольку одевалась она изысканно, хоть и не была особо тонка в талии, то выглядела великолепно, местные девицы и даже дамы постарше исподтишка приглядывались к ней, чтоб самим не отстать от моды. А в прошлом году ей сделал предложение титулярный советник, но она вежливо и твёрдо отказала, будто бы сказав, что на то есть свои причины, указать которые она не может. Всё это вкупе со странным сном, так запало в душу Акиму Евсеичу, что редкий день он не проезжал мимо её дома, всё более и более придерживая лошадь. И вот в один из дней, Аким Евсеич вёз аптекаря для показа свободной комнаты в доходном доме, которую тот намеревался снять для вновь нанятого провизора, человека во всех отношениях толкового и необходимого в аптекарском деле, но крайне стеснённого в средствах. Только любезный Акиму Евсеичу дом показался из-за поворота, тут же обнаружилось, что у ворот стоит карета, возле которой, растеряно, суетится кучер. Но самое главное, по парадной лестнице спускается дама! Разглядеть её толком было невозможно, но сердце Акима Евсеича ухнуло и пропустило удар. Он не сомневался — это она! Аким Евсеич остановил пролётку, чтобы выяснить: не нужна ли его помощь? И к своей радости увидел, что у кареты подломилась подножка. Виноватый кучер беспомощно топчется на месте, а дама явно расстроена.

— Марья Алексевна! — раскланялся в приветствии аптекарь. И тут Акиму Евсеичу повезло. Аптекарь был давно знаком с ней и, значит, мог представить Акима Евсеича, чем не преминул воспользоваться. Тем более что к этому времени водить знакомство с толковым казначеем и папенькой богатой вдовы, сделалось очень даже престижным. С трепетом касаясь для поцелуя руки Марьи Алексевны, Аким Евсеич через кружевные перчатки рассмотрел розовую кожу и тонкие полоски на запястьях, будто перехваченные ниткой. Всё сходилось! И Аким Евсеич не упустил момента, предложив даме свою пролётку. А позже аптекарю комнату по сходной цене, намекнув, что много лет одинок и эта дама его очень интересует. Запрашиваемая за комнату умеренная плата, благотворно подействовала на аптекаря. Буквально на следующий день Аким Евсеич получил приглашение на обед в его дом, причём гостей в приглашении значились немного, и первой указывалась княгиня Марья

Алексевна.

И вроде бы знакомство состоялось и всё складывалось должным образом, но как быть дальше? Аким Евсеич по-прежнему знал о Марье Алексевне не больше, чем все остальные жители города. Встречаясь с ним на прогулке по бульвару, княгиня была в меру учтива и даже любезна, но Акиму Евсеичу не терпелось получить хоть малейший намек на нечто большее, на скрытый интерес к его персоне! Время шло, а ничего не происходило. Он был галантен и обходителен, но сдерживаемый столько лет темперамент брал своё. И когда он целовал её руку или смотрел ей в глаза, то чувствовал, как в ответ вздрагивают её пальцы, видел, как румянец заливает её щёки. И казалось, конца не будет этой томной, сладостной мУки.

Этот вечер Аким Евсеич проводил в бывшем кабинете своего зятя, теперь во многом изменившимся за счёт новых обоев, а также дивана и кресла, но за прежним письменным столом, который казался Акиму Евсеичу не просто удобным и красивым, но было не прилично вынести всю мебель зятя. Одно дело диван, старый и продавленный, а другое дело стол, на котором столько удачных бумаг подписано и Кузьмой Федотычем, и им самим! Даже чернильный прибор оставался прежним, та самая чернильница, в которую он макал перо, когда впервые посетил этот дом вместе с Натали. В этом кабинете он поселился на время ремонта, который затеял в своем доме. И хотя строительные материалы были предусмотрительно приобретены заблаговременно, пригодились заведённые связи в период строительства доходного дома, но всё же средств не хватало и ремонт продвигался медленно. Ведь из денег зятя Аким Евсеич не тратил ни копейки не на себя, не на свою дочь. И даже обои и мебель он приобрёл на свой доход.

Аким Евскич встал из-за стола, подошёл к окну, распахнул створки. Теплый летний вечер манил и звал... куда? Провел рукой по разгоряченному лбу. И это всё с ним? Жар поднимался изнутри, стучал потоками крови в висках, воображение рисовало контуры прекрасного женского тела. Он опёрся рукой о подоконник и подумал: "А что если приватно, ночью проникнуть к ней... Боже правый, но ведь тогда к Натали в спальню..."

— Аким Евсеич, ставни закрывать, али как? — Под окном стоял истопник, ввиду летнего безделья на все руки мастер.

— Ты... иди пока... иди...

— Погодить что ли?

— Уф! — выдохнул Аким Евсеич. — Душно. Пусть это окно будет открыто.

— Я бы поостерёгся. Мало ли?

— Сам говаривАл, ежели вампир из гроба может восстать, то ставни ему не помеха. Да и третий год уж как не бесчинствует. — И подумал, что всё это время молодая, красивая дочь держит строгий траур! Хорошо ли это? Ему уж и не первой молодости, а как же хочется ласки и тепла! Каково-то ей?

— Пусть ставни остаются открытыми, а створки я потом сам затворю.

Но, слава Богу, до завершения траура времени всего ничего осталось. Значит, надобно позаботится о первом выходе Натали в свет. Однако нахлынувшие чувства не давали покоя и всё, о чём он брался думать, возвращалось к Марье Алексевне. Всем известно, что одевается она модно и со вкусом. Значит, Натали вполне прилично обратится к ней. Да, да! Можно обратиться к Марье Алексевне! Сон пришёл незаметно, больше похожий на грёзы наяву. То в ночной темноте ему чудился шорох женского пеньюара и он почти физически ощущал

прикосновение губ, рук. Дыхание его стало прерывистым и жарким. А проснувшись, и осознав, что это только сон, мечтанье, как же не хотел расставаться с этим сладостным чувством!

Утром всё виделось совсем не так просто, как думалось ночью. Во-первых, он не мог один посетить Марью Алексевну в её доме. Ведь и он, и она одиноки, и такой визит может бросить на неё тень. Во-вторых, что если он получит бесповоротный отказ? От одной этой мысли Аким Евсеич вскочил со стула. И вдруг он решился! На четвертинке бумаги набросал пару строк. Вечером, прогуливаясь по бульвару, он непременно встретит Марью Алексевну и приветствуя её незаметно вложит в руку записку. А там...

Весь день Аким Евсеич не находил себе места. Поначалу ему казалось, что часовая стрелка движется излишне медленно, а когда время стало приближаться к тому, что пора было отправляться на бульвар, его пробила нервная дрожь. Он подумал, что записка может нечаянно выпасть из руки Марьи Алексевны, ведь она ничего подобного не ожидает. Либо того хуже, она выбросит её не читая, либо... и картины одна невыносимее другой стали рисоваться его воображению.

Весь день Натали наблюдала за родителем. За утренним чаем ей показалось, что он болен, даже подумалось, будто у него жар. Но когда он завёл разговор о том, что понимает все тяготы молодой вдовы, что терпеть эту тяжкую долю осталось совсем недолго, она догадалась о причине такого состояния батюшки. Ведь он ещё совсем не стар, когда она вышла замуж за Кузьму Федотыча, тот был на восемь лет старше, чем её батюшка теперь, а поди ж ты, по ночам ей никакого покоя не было. Другое дело как она относилась к... Неприятные воспоминания Натали прекратила, но подумала, что это удобный случай побеседовать с папенькой о том, что давно её тревожило. Не в первый раз обращала Натали внимание, как изменился он, будто помолодел на десять лет. А его прогулки по бульвару, ставшие постоянными, поездки по дальнему от их дома проулку мимо дома княгини Марьи Алексевны, его смущение при упоминании имени этой женщины? Натали и сама пережила немало. И вовсе не против, чтобы батюшка обзавелся женой, но Марья Алексевна... Что за человек? Никто толком ничего сказать не мог. И Натали подумала, что хорошее не скрывают. И, скорее всего, есть нечто тёмное, плохое в прошлом, а может и настоящем этой женщины. Папенька для Натали — единственная родная душа на земле, как же не оберечь его от всего худого, недоброго? Если сойтись поближе с этой женщиной, то возможно удастся выведать что-либо о ней? И Натали решила.

— Папенька, я слышала, что Марья Алексеевна собирается в уездный город?

— И кто же это тебе сказал?

— Настенька вчера встретила у сапожника служанку Марии Алексеевны, та забирала её сапоги на пуговицах...

— Но на улице ещё тепло...

— Настенька тоже удивилась. А служанка сказала, что госпожа готовится к поездке в уездный город и думает вернуться после наступления холодов.

— А неизвестно ли, когда намеревается Марья Алексевна уехать? И для какого дела?

— Нет, но можно спросить сегодня у неё самой на бульваре.

— Нет! Нет, нет. Неудобно и... неприлично...

— Слуги всегда знают, когда и куда собираются их господа. Я велю Настеньке. Она вызнает без особых затей. Да и мне, батюшка, не плохо бы выехать из провинции, хоть ненадолго. Посмотреть новомодные фасоны и ткани, картинки причёсок у тамошних

цирюльников.

Аким Евсеич слушал дочь, ничего в её голосе не выдавало лукавства. Однако весь предыдущий разговор про Марью Алексевну... Если бы Натали без обиняков начала разговор с просьбы свозить её в уездный город, он бы ничего и не заподозрил, но теперь... Аким Евсеич, непроизвольно вздрогнул и стараясь бесшумно ступать, пошёл к выходу из комнаты, у дверей оглянулся: Натали смотрела на него простым, бесхитростным взглядом.

— Ах, батюшка, ни одна женщина не пожелает выдавать своего портного или другие секреты улучшения своей внешности. Разве это так предосудительно, что я хочу выглядеть так же изыскано, как Марья Алексевна? Что плохого в том, что мы поедем с ней одним поездом? Чтобы не показаться навязчивыми, мы будем ехать в другом вагоне. Времени у нас не так много остаётся, а поезд тут только один.

Аким Евсеич, молча, вышел. Но с другой стороны, не он ли сегодня ночью, да и утром тоже, думал о том, что следует озаботиться первым после траура выходом дочери в свет? Так что же теперь изменилось? Натали сама заговорила о бальном платье, о новом гардеробе? Вот ежели бы молодую женщину не интересовали платья и причёски, это было бы странно. Но что, если он из-за желания скрыть перед Натали своё истинное отношение к Марьи Алексевне, излишне подозрителен к дочери? Аким Евсеич расправил написанную ночью записку, положил на чайный поднос и сжёг. Но облегчения не почувствовал. Что-то тяготило его душу. И это что-то было не только непреодолимое желание проследить за объектом своего интереса. Всё, что пришлось пережить Натали, не могло не изменить его дочери. И его пугал тот образ, который невольно рисовался перед ним. Однако всё-таки он решил последовать совету Натали: ехать в уездный город, не афишируя эту затею.

Вечером этого же дня, гуляя по бульвару под руку с дочерью, Аким Евсеич и желал, и боялся встретить Марью Алексевну. Когда же оказался напротив неё, то после взаимного приветствия, ранее не полагая такого шага, вдруг сказал:

— Натали просит меня свозить её в уездный город... Мне стало известно, что вы тоже собираетесь в поездку. Не желаю быть навязчивым, но если вам потребуется помощь или поддержка, я к вашим услугам. Прошу поверить в искренность моих намерений. И обещаю, что если мне станет известно что-либо из вашей личной жизни, никогда не употребить это знание вам во вред, и ни одна живая душа ничего не узнает помимо вашей воли. — Аким Евсеич и предположить не мог, как отзовется ему в будущем эта тирада. Он стоял напротив Марьи Алексеевны, Натали чуть в стороне, разговаривала с её спутницей.

— Благодарю. Но нет никакой тайны в моей поездке к... своей портнихе, походу в театр. Я, советую вам, остановится в гостинице "У Бёргера". Хозяин её немец. Там чисто в номерах, и по утрам подают завтрак. А я, возможно, прилечу туда на ваше имя записку. Хотя, твёрдо обещать не могу. — Она улыбнулась, немного натянуто и чуть растеряно. С души Акима Евсеича будто камень спал.

Интрига

Поезд состоял только из синих*** и зелёных*** вагонов. Желтого вагона первого класса ввиду дороговизны билетов в состав не включали, поскольку в них ездили высшие чиновники, или очень богатые люди. А таковых в Бирючинске можно было по пальцам пересчитать.

Натали и Аким Евсеич ехали в двухместном купе синего вагона второго класса. В их ли вагоне, или в другом ехала Марья Алексевна, было неизвестно, поскольку батюшка дознаваться строго запретил, говоря, что и так себя чуть ли не сыщиком чувствует.

— Папенька, я полностью положила на вас. Это значит, что моя будущность тесно связана с вашей. И если вас постигнет горечь разочарования, вместе мы сможем это пережить не афишируя перед посторонними людьми. Но если по незнанию вы попадёте в плохую историю, то вместе с вами попаду и я. Мы пострадаем оба. И помочь нам будет некому. Поскольку вы строите определённые планы на некую даму, а поведение этой дамы содержит тайну, загадку, вам следует как можно больше узнать о предмете своего интереса. Вы же не собираетесь разглашать какие-либо сведения о ней? То, что возможно будет выяснять, послужит исключительно для того, чтобы вы могли принять решение: продолжить ли сближение с этой дамой, либо отказаться от неё.

Аким Евсеич уже не удивлялся мыслям Натали, поняв, насколько всё пережитое изменило его дочь. Не знал он только одного: к худу или к добру такая холодная рассудочность дочери? Поэтому, когда в купе заглянул проводник, Аким Евсеич поинтересовался, не едет ли в их вагоне княгиня Марья Алексевна? И получил ответ, что да, едет в одноместном купе. Получив от Акима Евсеича купюру, добавил, что она часто пользуется именно одноместным купе. А на перроне её непременно встречает извозчик и человек, который забирает багаж. На просьбу Акима Евсеича ничего о его расспросах не говорить даме, проводник кивнул: "Помилуйте, нам это не к чему".

Торопиться выходить Аким Евсеич не стал. Потому видел в окно вагона, как княгиня села в пролётку и уехала. И что теперь? Где искать её следы? Всё тот же проводник, понимающе посмотрев, подсказал: "В городе три гостиницы, где останавливаются состоятельные граждане, да три, четыре доходных дома новых и чистых, где можно снять квартиру, как на длительный срок, так и на несколько дней. Так что если у этой дамы не проживает в этом городе кто-либо у кого она может остановиться, то найти место её проживания здесь вполне возможно".

Следующие три дня Аким Евсеич объезжал интересующие его адреса, якобы подыскивая приличное место для недолгого проживания.

Пролётка остановилась и кучер, повернувшись к Акиму Евсеичу, уважительно произнёс: — Вот, сударь, извольте, доставил, как велели. Это лучший доходный дом в городе. Квартиры в нём сплошь барские. И живут только состоятельные люди.

Аким Евсеич выглянул из-под поднятого верха пролётки, осмотрелся. Нет, тут вряд ли могла проживать княгиня Марья Алексевна. Войти в жилую часть здания можно через два парадных подъезда. Над ними устроены украшенные лепниной эркеры.**** В центре здания над картушем,***** в котором указаны годы его строительства, расположена ниша со

светильником, освещающая въезд в арку, которая ведёт во внутренний двор дома, где, видимо, расположены входы для прислуги.

— Фатеры тут по высокой цене. Рубликов по семьсот в год обойдутся. — Кучер говорил без всякой зависти к дорогому дому, такой заоблачной, нереальной казалось ему цена этого жилища, что и расстраиваться по этому поводу в голову не приходило. Аким Евсеич со своей стороны рассуждал, что Марье Алексевне, которая вовсе не слыла в родном городе транжирой, а скорее женщиной аккуратной в денежных вопросах, такая квартира, да еще на короткий срок — и вовсе не к чему. Но с кучером было заранее договорено, что он оставит седока на некоторое время, а потом вернётся за ним. И Аким Евсеич решил прогуляться вокруг этого дома. Может, что полезного высмотрит. Ведь в заделе был очередной доходный дом в родном городе.

Пролётка уехала, а Аким Евсеич неспешно прогуливался по тротуару, поигрывая тростью, когда к правому парадному подъезду подъехала карета, запряжённая двумя великолепными рысаками. На дверке красовался герб.

— Любезный, не скажешь, чья это карета?

Такое обращение явно польстило кучеру, и он ответил:

— Сударь, нешто герб на карете вам неизвестен? — И назвал очень громкую фамилию. Аким Евсеич действительно был не силён в геральдике.

— Но... но, как же-с, чтобы такой человек жил не в собственном, а в доходном, хоть и богатом, доме! — И протянул кучеру монету. — Вот-с, вам за услугу.

Мужик на облучке поёрзал, но монету принял, явно довольный не только уважительным обращением к себе (ни часто приходится слышать, всё чаще Федотка, да Федотка, а ему уже сорок стукнуло!), но и полученными деньгами:

— Так и есть. Его сиятельство, граф Дагомышский прислал карету за дамой и малолетними отпрысками.

Аким Евсеич насторожился. И вроде невозможно, чтобы... да и отпрыски, опять же, откуда?

— А не подскажешь ли...

Но кучер вдруг распрямылся на облучке и сделал вид, будто так, молча, всё время и сидел. Аким Евсеич оглянулся и обомлел. Из парадного подъезда вышла Мария Алексеевна, вслед за ней молодая девушка, одетая на английскй манер, вела за руки двух чудесных малышей. Не в силах тронуться с места, Аким Евсеич так и продолжал стоять. Их глаза встретились, и лицо Марьи Алексеевны покраснело, как от порыва ветра. Аким Евсеич раскланялся. Она учтиво ответила, и Аким Евсеич едва успел разобрать последовавшую скороговорку:

— Приходите вечером на липовую аллею. — И прошествовала мимо. Карета давно уехала, а поражённый Аким Евсеич так и стоял, пока его не окликнул вернувшийся за ним кучер пролётки.

Кое-как дождавшись вечера, Аким Евсеич обнаружил, что липовая аллея — модное место для неспешного вечернего променада состоятельных горожан. Знакомые раскланивались, останавливались и вели приятные беседы, либо отдыхали на удобных скамьях, расставленных в разных местах, часто скрытых от посторонних глаз зелёной стеной кустарника. Аким Евсеич прогуливался вдоль аллеи, всё более приходя в спокойное расположение духа. Марья Алексеевна хорошо одета, проживает в наилучших условиях, значит, ничего дурного не случилось. Некая таинственность с самого начала окутывала эту

даму и потом, Акиму Евсеичу вдруг пришла простая, но здравая мысль: Мария Алексеевна — княгиня, он же никаким титулом не обладает. Так что не следовало и тешить себя сладкими иллюзиями. И когда он уже собрался возвращаться в гостиницу к ожидавшей его Натали, так как наступившая темень окончательно завладела липовой аллеей, а Марья Алексеевна всё не было видно, то услышал негромкий голос, явно призывающий его на одну из укромных скамей. Он сделал шаг в сторону и растворился в вечернем сумраке.

— Аким Евсеич, можете ли вы хранить тайну женщины так, как если бы эта была ваша тайна?

Перед ним стояла Мария Алексеевна в шляпке под густой вуалью.

— Даю вам слово честного человека.

— Простите мою бесцеремонность, но я вынуждена спешить... — Она замолчала, видимо решаясь — продолжать ли говорить далее?

— Если вам нужна помощь — располагайте мной. — Уверенный тон Акима Евсеича подействовал на неё успокаивающе, и она продолжила.

— Проведенье, Божье проведение послало мне вас! Но неволью вы стали свидетелем факта, который я ещё некоторое время хотела бы хранить в тайне.

— Я дал вам слово. И если буду знать, что должен хранить в тайне, то ни одним звуком не нарушу своего обещания. Пока же я прибываю в растерянности.

— Отец тех прекрасных деток, с которыми вы видели меня сегодня — граф Дагомьшский. — Голос её и так негромкий перешёл почти что в шёпот, так что Акиму Евсеичу пришлось наклониться к ней, чтобы расслышать слова.

— Вы вынуждены работать? — выдохнул Аким Евсеич. — И стараетесь сохранить сей факт в тайне?

— Нет, нет! — Заспешила она. — Эти дети... мои и графа Дагомьшского.

Аким Евсеич до сих пор стоявший перед княгиней, почувствовал непреодолимую слабость в коленях и опустился на скамью.

— Но вы княгиня, граф мог бы составить вам партию... ведь, как я видел, он безбедно обеспечивает своих... отпрысков.

— Нет, нет! Это невозможно. Граф носит очень громкую фамилию, настолько, что она затмевает титул, но... — Марья Алексеевна замолчала, переводя дух: — ... но и дом, и та карета, что приезжала за мной, принадлежат его супруге. Но даже если бы состояние графа позволяло, то истребовать развод в синоде для графа Дагомьшского невозможно.

— Но, что же делать? Ведь у вас уже двое детей? — Аким Евсеич понимал, что общественное мнение не простит не столько графу Дагомьшскому, сколько Марье Алексеевне подобного поступка. Они не будут приняты ни в одном приличном доме, их общества будут сторониться, вежливо отказываясь от приглашения в гости. А уж перешёптывания за спиной... И всё это неизбежно скажется на детях.

— Граф нашёл выход. Его родственник очень преклонного возраста остался бездетным, хоть и был трижды женат. И уж было подыскал четвёртую жену, но тяжелая болезнь настигла его. Теперь он одинок и тяжело болен. И также как граф — не богат. А для лечения нужны немалые средства... На следующей неделе состоится венчание и я стану графиней Стажено-Дагомьшской, детей родственник брата признает своими.

— Но... как же вернётесь в Бирючинск с двумя детьми?

— Граф категорически против моего отъезда. Жить я останусь в доме своего мужа. Так у нас будет возможность видеться.

— Но... это... ужасно... всё это... ужасно...

— Не осуждайте меня, умоляю, не осуждайте! Подумайте, какво бы жилось вашей дочери, останься в живых Кузьма Федотыч? Ведь она тоже не смогла бы расторгнуть этот брак! И кто знает, кто знает... — голос её срывался, волнение перехватывало дыхание.

— Не надо, не говорите ничего более — горячий шёпот Марьи Алексевны так подействовал на Акима Евсеича, что он был готов во всём содействовать этой женщине. Некоторое время оба молчали. Потом уже более спокойно заговорила Марья Алексеевна:

— Столь благородного и честного человека, как вы, трудно сыскать. Поскольку отец моих детей и человек, которому предстоит стать мужем — стеснены в личных средствах, а возможность графа распорядиться состоянием жены может быть значительно затруднена, я должна подумать о будущем своих детей. А кроме вас, мне положиться не на кого.

— Я дал вам слово. Хотя вы могли бы пощадить мои чувства к вам, ведь, думаю, вам всё известно...

— Я вынуждена. Родителей моих давно нет в живых. Более мне обратиться не к кому. Выслушайте меня. И ответьте сейчас же: берётесь ли мне помочь?

— В чём? — Аким Евсеич уж и не знал, чего ожидать от этой женщины?

— В Бирючинск я не вернусь, поскольку буду проживать с детьми в доме мужа. Но там у меня остаётся дом с усадьбой. Я пришлю доверенность на управление на ваше имя. Распорядитесь по своему усмотрению. Чтобы в случае крайней нужды мне с детьми на паперти не оказаться. Оплата за ваши труды будет отдельно оговорена в доверенности, так чтобы вы не остались в накладе.

Аким Евсеич молчал.

— Вы отказываете мне?

— Нет такого дела, в коем я был бы в силах отказать вам.

— Простите меня, простите... и не держите на меня обиды. Умоляю... — Шорох юбок, веток кустов и Марья Алексевна исчезла, будто растворилась в воздухе.

Некоторое время Аким Евсеич оставался сидеть на скамье, чтобы прийти в более-менее уравновешенное состояние духа. На аллее затихли шаги и голоса, когда он встал и медленно направился в поисках пролётки. Следовало возвращаться в гостиницу. Натали теперь уж беспокоится.

Страсти по-бирючински

Через неделю отец и дочь возвращались домой. Монотонный перестук колёс навевал Акиму Евсеичу странные мысли, что может когда-нибудь, потом он ещё будет счастлив с удивительной женщиной, отдавшей в его руки всё своё состояние. Но с другой стороны, вдруг он ошибся и сон, в котором он когда-то видел Марию Алексевну, вовсе не вешал о браке с ней, а скорей предостерегал. Ведь и по своему положению в обществе этого не могло случиться. Как же так? Что за затмение на него нашло? На подъезде к родному городу его стали одолевать более практичные мысли насчёт распоряжения вверенным имуществом. Доверенность на управление усадьбой Мария Алексеевна прислала с посыльным на следующий после их разговора день. Но так и задремал, ничего не решив. Да и что можно решить, не обдумав и не изучив состояния дел?

Наступал новый этап в жизни Акима Евсеича. У дочери завершился траур, следовало достойно совершить выход в общество. Начиналось строительство второго доходного дома, да ещё управление имуществом Марьи Алексевны. Ну и про ремонт собственного дома тоже не стоит забывать. Тут и продыхнуть некогда, не до пустопорожних переживаний! Однако просыпаясь по ночам в скомканной постели, Аким Евсеич вдруг отчетливо чувствовал запах Марьи Алексевны, едва уловимый легкий аромат, исходивший от её рук, когда он едва прикасался к ним губами. Жар поднимался во всём его теле, и оставалось только ждать, когда рассвет разгонит ночные видения, а дневная суета охладит его пыл.

Теперь Аким Евсеич буквально разрывался между делами. Начиналось строительство второго доходного дома. Городской голова торопил, мол, денежки теряем. Он на городской погост дорогу вымостил и тропинку к могилке Кузьмы Федотыча обустроил, да бы дамы подолами кладбищенскую землю не мели. Аким Евсеич, стараясь показать уважение к тестю, памятник заказал из чёрного мрамора и скамью рядом. А перед входом на кладбище церковная лавка открылась, в которой кроме разной церковной мелочи вроде свечей и лампадок, продавались крестики и особым образом упакованные зубчики чеснока, призванные убереечь посетителей от воздействия ужасного вампира. Ведь неважно, что вампир к земле колом пригвожден, всем известно, как даже после этого обряда он из земли восставал! Вот и выходило, что второй доходный дом крайне необходим и не абы какой, а с повышенным комфортом, ведь слухи дошли и до состоятельных особ, а у них запросы больше, но и кошельки толще.

Проведя первую половину дня в первоочередных хлопотах по строительству, после обеда Аким Евсеич пару часов отдыхал на диванчике в бывшем кабинете зятя. И странное дело, после того жуткого ночного кошмара, когда ему явился зять, чувствовал он себя много спокойнее. Так, например, третьего дня утром он проснулся с готовым решением по условиям банковского кредита. И потом сам удивлялся, как такая мысль могла прийти в его голову во сне? А Кузьма Федотыч при жизни неплохо разбирался в подобных вопросах. Уж не зять ли подсказал? Строящийся дом решено было оборудовать водяным отоплением. Для чего с Петербургским металлическим заводом заблаговременно подписали предварительное соглашение об изготовлении отопительных установок для здания. Ни городская казна, ни

деньги пайщиков не могли справиться с такими расходами, вот и выходило, что необходим кредит. Кроме того завод обещал своими силами в сокращённые сроки установить произведённое оборудование. Ведь в доме предполагалось наличие не только тепла, но и горячей воды для принятия жильцами водных процедур. Уже одно это новшество, расписанное и расхваленное газетчиками, заранее привлекло внимание будущих состоятельных жильцов.

Вторую половину дня Аким Евсеич посвящал завершающемуся ремонту собственного дома. И тут хлопот хватало.

Но и вечер не оставался свободным от дел. Впервые посетив дом Марьи Алексевны, Аким Евсеич схватился за голову, до такой степени всё было запущено и заброшено на самотёк. Комната, судя по мебели — кабинет, хоть и была убрана от пыли, имела вид запустения. Деловые бумаги небрежным ворохом громоздились на подоконнике и частью валялись рядом на полу, видимо свалившись с накопившейся стопки. Слуги от безделья и отсутствия хозяйского глаза, творили, по мнению Акима Евсеича, непотребные вещи. Например, продолжали закупать продукты так, будто хозяйка всё ещё жила в доме. Куда потом девались куски телятины и сливочное масло — выяснить Акиму Евсеичу было несложно. Но после выяснения, слуг в доме не осталось. Однако дом требовал ухода, да и разбираться с бумагами в пустом, не обихоженном доме — тягостно. Осматривая комнаты, Аким Евсеич обдумывал как ему без излишних затрат привести дом и дела Марьи Алексевны в надлежащий порядок. Постепенно в его голове сложился план, исполнение которого он намеревался обсудить с единственным своим близким человеком — Натальей Акимовной. Что он и сделал за ближайшим обедом.

— Натальюшка, я вот что подумал: Настя в нашем доме проживает давно, и за эти годы переняла наши привычки и взгляды. Она предана тебе, в чём была возможность убедиться. Ни единожды не уличена в недобросовестном отношении к имуществу и вверенным ей на хозяйственные расходы денежным средствам. Многому возле тебя научилась, разве что в грамоте так и не преуспела. Ну да может это и к лучшему. — Аким Евсеич, задумавшись, замолчал.

— Батюшка, вы к чему этот разговор затеяли?

— Да понимаешь ли, Натальюшка... — и Аким Евсеич изложил дочери обстоятельства дела, связанные с имуществом Марьи Алексевны.

— Но Настенька одинока, и в пустом доме...

— Я и этот момент обдумал. Когда Егор Петрович уезжал в Озерки, пимокатню свою он закрыл, и два его работника остались не у дел, перебиваются теперь случайными заработками. Один из них — Акинфий Полуянов — до сих пор холост. А пимокат людей своих держал в строгости, к воровству они не приучены. Вот я и подумал, что если Настеньку выдать замуж за Акинфия и поселись во флигеле, расположенным во дворе дома Марьи Алексевны? Положу им денежное содержание и определю обязанности по усадьбе.

— Батюшка! С каждым разом не устаю восхищаться вами! Настенька уже плакалась мне, что видать судьба ей в девках на весь свой век остаться! А я не решилась завести с вами этот разговор, — одобрительно кивала Натальюшка. — Хотя, как же мне быть? Надобно подыскать ей замену.

Акинфий Полуянов оказался человеком сметливым и быстро сообразил, что судьба в лице Акима Евсеича преподносит ему неожиданный подарок. Во-первых, найти работу в провинциальном Бирючинске — дело не простое, а тут и работа и жильё во дворе богатой

усадыбы! Мало того, Настенька в качестве жены. А про неё в городе отзывались очень даже лестно. И добрая-то она, и вежливая, и внешностью Бог не обидел. Такие отзывы в Бирючинске — большая редкость. Да и столько лет почитай в барских покоях при дочери уважаемого Акима Евсеича проживает, что тоже немаловажно. Волнение столь сильное обуяло Акинфия, что раненько утром, на следующий день после частного разговора с Акимом Евсеичем, он дожидаясь казначея возле строительной площадки нового дома. И как только увидел приближающуюся пролётку, кинулся навстречу.

— Аким Евсеич, — раскланивался Акинфий, — чего ждать, да откладывать? Дом-то бесхозный целными днями. Залезут какие шаромыги, мало ли? Натворят беды! Да и как вести разговор с Анастасией, когда и привести-то молодую мне некуда?

— М... да. Ты прав, однако, — и хотя мысли Акима Евсеича в этот момент были заняты вопросами строительства, но всё-таки вспомнил, что вечером опять предстоит разбирать бумаги в... пустующем доме.

— Так может, я прямо сейчас переберусь во флигель? И займусь хозяйственными делами. Там, поди, и печь-то не топится. Дымоход забит, замки заржавели, петли скрипят... да мало ли?

— Нам с тобой надлежит оформить меж собой договор, чтоб ты чувствовал свою ответственность и не надеялся с леностью выполнять свои обязанности. А их будет не мало. — Заключил Аким Евсеич.

— Да ваше слово в городе столь весомо, что я и без бумаги готов служить с честью.

— М... быть по-твоему. Подъедешь после полудня к усадьбе Марьи Алексевны, я тебя впущу во флигель. Обустраивайся пока.

Уже вечером этого дня Аким Евсеич поднялся в дом Марьи Алексевны по чисто выметенной лестнице, а в кабинете, когда он продолжил разбирать бумаги, весело потрескивали дровишки в небольшом камине.

Настенька не упрячилась, лишь грустно вздохнула:

— Мне ли выбирать, безродной? — С тем и пошла под венец.

В скромном белом платье, подаренном Натальей Акимовной и венком из белых искусственных цветов, она также как когда-то Наталья Акимовна стояла перед алтарём, держа в руке свечу. Свеча подрагивала пламенем и отражалась огоньками в заплаканных глазах. Ну, тоже всё как положено. Жених держал спину прямо и старался выглядеть строгим.

На место Настеньки приняли по её протекции Дуняшу. Совсем молоденькую, от того торопливую и неумелую деревенскую девушку. Наталья Акимовна сердилась, выказывала недовольство новенькой служанке. А уж баню истопить, так и пришлось призывать Настасью.

— Наталья Акимовна, Дуняшка девка не глупая, не злобивая. А что пока неумеха, так научится. Зато в чужих домах не жила, значит, как вы её приучите, так оно и пойдёт. А с банькой пока я сама справляться буду. Тут, Наталья Акимовна, ни Дуняша, ни кто другой меня не заменит. Я вам никогда не рассказывала, но меня из деревни-то выгнали, потому как считали внучкой колдуньи. А тут родители сгинули в лесу. Бабка долго их искала, не нашла. То ли звери порвали, то ли в болотине утопили. Пока бабка жива была — деревенские к ней за всякими травками приходили от разных хворей. А как померла, они на меня и взъелись, Бог весть за что. Вот и пришлось ноги уносить. Тут — то вы меня и приютили, и ни разу

обиду мне терпеть не пришлось. А теперь вот я в белом платье под венцом побывала, и муж мой... выходила, вроде по надобности, и возраст давно перевалил за двадцатку и безродная. Но муж мой меня не обижает, всё у нас по согласию. За это благодарю батюшку вашего.

— А скажи-ка ты мне, откуда Дуняшка взялась? Вроде тоже безродная? — Вся сердитость с Наталий Акимовны слетела. И ей даже показалось, что Дуняша чем-то Настеньку в те годы, когда она появилась в их доме, напоминает.

Настя замялась, сжала губы, и было видно, что говорить не желает. Но деться некуда. Наталья Акимовна, молча, ждала.

— Родителей своих она не помнит. Помнит, как в лесу заплутала, долго бродила и вышла к избушке моей бабушки. Переночевала там, утром было направилась в деревню, да жители как увидели её болотным илом перемазанную, да из избушки моей бабушки выбравшуюся, кинулись на неё с вилами и криками: ведьма возродилась! Вот ей и пришлось на таёжных ягодах и грибах перебиваться, да в деревню носа не совать, прибить могли бы.

— Мне-то ведьма зачем? И как ты её нашла?

— Какая же она ведьма? Бабка моя травы знала, так разве это колдовство? Вот я вам в баньке васильки да ромашку запариваю — что в том худого? Чай с мелиссой и мятой завариваю, даже врач после похорон Кузьмы Федотыча подтвердил, что чай мой вам на пользу. А уж врача-то в колдовстве никто не заподозрит.

— А нашла-то ты её, как? — повторила вопрос Натали.

— Так вот, я и говорю, ходила я в известные только мне места за травами для чаёв и баньки, заглянула в дом бабушки, там и нашла её. Гляжу: в доме прибрано. Под навесом грибы и ягоды на зиму сушатся. Сама сиротой выросла. Знаю почём фунт лиха.

С тех пор осталась Дуняша в доме Натальи Акимовны, а сама Наталья Акимовна отношение к новой службе изменила. Стала объяснять ей, что и как делать следует, а Дуняша старается, деться-то ей более некуда.

Тем временем Аким Евсеич разобрался с бумагами Марьи Алексеевны и выяснил, что бумаги лежат без движения, а могли приносить доход. Он уж и подготовил всё, чтобы поместить их более надёжно и выгодно, да выяснилось, что тут одной доверенности не достаточно, требуется её личная подпись. И Аким Евсеич направил ей письмо, в котором аккуратно сообщал, что для дальнейшего ведения дел необходимо её недолгое присутствие. Ведь кроме подписи, Аким Евсеич считал необходимым заручиться личным согласием хозяйки, то есть Марьи Алексеевны, на некоторые вопросы, которые, как он полагал, долее лучше не откладывать.

И хоть ремонт в доме своём к этому времени Аким Евсеич почти завершил, но проживал ещё вместе с дочерью, поскольку старая мебель вдруг оказалась столь изрядно поношенной, что пришлось задуматься о новой. И подобрал было, и по цене сторговался, да на тот момент нужной суммы денежных средств не набралось. Продавец предлагал рассрочку, но цену добавлял против договоренной. Аким Евсеич подумал и решил, что торопиться ему некуда, вот подкопит нужную сумму, тогда не токмо что увеличивать цену, а при полном наличном расчете ещё и скидку получит.

Аким Евсеич в ожидании письменного ответа от Марьи Алексеевны привел в порядок пустующие комнаты на первом этаже слева и справа от парадной лестницы, полагая предложить сдавать их в аренду состоятельным жильцам под присмотром Настасьи. Верхний этаж полагал оставить за хозяйкой, на случай непредвиденного приезда. А так,

чтобы дом пустовал, это, по мнению Акима Евсеича, плохо. Нежилой дом, что покойник, грустное зрелище.

Намытые, чистые окна пускали солнечные зайчики по красивому мозаичному полу и начищенным до блеска медным балясинам лестницы, ведущей на второй этаж. Даже тяжелая люстра, свисавшая с потолка, тоже была приведена в порядок, для чего пришлось приглашать специального человека, так как Акинфий на такую высоту взобраться был не в силах. Только поднимался на специально сооруженный помост, ноги начинали трястись и даже распрямиться не мог. Настенька рядом охала и ахала, умоляя Акима Евсеича ослобонить, как она говорила, мужа от такого страха. Вот и пришлось дополнительно потратиться. Но эффект того стоил. Теперь, заходя в дом Марьи Алексевны, Аким Евсеич чувствовал, как губы его невольно трогает довольная улыбка, и уж очень ему хотелось, чтобы хозяйка оценила его труды. Да и сам дом, казалось, ждал её приезда.

Ранее утро не предвещало ничего неожиданного. Но не успел Аким Евсеич лиц ополоснуть, как в доме образовалась суета и послышались голоса. Федот, специально взятый Акимом Евсеичем себе в услужение (воды подготовить, платье в порядок привести, да мало ли дел?), доложил, что прибежала запыхавшаяся Настенька с вестью к Акиму Евсеичу. Что тут было делать? Как можно быстрее завершив утренний туалет, накинув халат, вышел к ней.

— Аким Евсеич, поезд-то из уездного города раным-ранёхонько прибывает, — торопилась и частила Настасья, — но я-то того ранее подымаюсь. Смотрю, значит, в оконце, а флигель окнами на улицу выходит...

— Настя, будет тороторить! Что приключилось? Говори толком!

— Так ить ничего, Аким Евсеич, всё ладно, — кланялась и пятилась Настя.

— Тогда зачем такую рань пожаловала? И причём тут поезд? — При этой фразе догадка осенила Акима Евсеича. Колени его подкосились, и он опустил на стул.

— Ага, — кивала Настя, — приехала, значит, сама Марья Алексевна. — Покосилась на Акима Евсеича: — Одна приехать изволила.

— Ты... иди к Марьи Алексеевне, может что понадобится? Нет, погоди... надобно обед приготовить и ужин к вечеру. Я отправлю нашу повариху... а ты вели Акинфию с ней в мясную лавку, да на базар сходить. Одна не управится.

— Готовить-то какие блюда?

— Я ей распоряжусь.

Наталья в утреннем пеньюаре, до этого молча слушавшая разговор, как только за Настенькой закрылась дверь, обратилась к отцу.

— Батюшка, вам следует успокоиться, чтобы вид иметь основательный, дабы хозяйка понимала, что дела свои вверила серьезному человеку. Тем более что так оно и есть на самом деле. Марья Алексевна женщина замужняя, серьезная, — эти слова Натали особо выделила голосом, — значит и разговор меж вами возможен только касаясь деловых бумаг и хозяйственных нужд.

— Да, да. Конечно. — Хотел было сделать замечание дочери, что молода отца поучать. Но взглянул в её лицо, и передумал: одна родная душа. Кто ещё о нём озаботится? А Натали продолжала говорить:

— Сейчас ей надобно привести себя в порядок с дороги. Полагаю, что вам свои планы рушить не следует. А пока суть да дело, придёте в спокойное расположение духа.

— Вели-ка чай накрывать. — Нахмурился Аким Евсеич. В ожидании возможной встречи с Марьей Алексеевной он как-то совсем выпустил из виду, что теперь она замужняя дама. Он пил чай, и думал, да что ж это за напасть такая? То упустил из виду, что по происхождению своему она ему не ровня и позволил себе увлечься этой женщиной? Тот вот теперь опять: "Что за наваждение такое? — думал Аким Евсеич. — Ведь даже во сне приснилась ещё до того, как впервые увидел её. Хотя впредь надо быть осмотрительнее и слабинку своим чувствам не давать!" А ещё пришла мысль, что вот начнёт Натали в свет выезжать, а он её сопровождать будет, глядишь, тоже пару подыщет. Не век же вдовцом вековать? А Марья Алексевна — чужая жена и ему не ровня. От этих мыслей так на душе засвербело, но тут же подумал, что эта женщина свою сокровенную тайну ему вверила, и... имущество тоже.

Натали заметила, как лицо батюшки немного прояснилось, морщина на переносице разгладилась, и он обратился к ней:

— Поскольку наша повариха будет закупать провизию для Марьи Алексевны, а сопровождать её велено Акинфию, то пусть уж и нам всё необходимое доставят. Проследи, Натальюшка. А мне пора. Я на стройку, а обедать, видимо, буду у Марьи Алексевны.

И в самом деле, права оказалась Натальюшка, дела на стройке так закрутили с самого утра, что в обед, подъезжая в пролётке к дому Марьи Алексевны, мысленно представлял разводку отопительной системы. Чёртовски сложной и дорогостоящей оказалась задачка! И уже в доме, поднимаясь по ступеням, вдруг понял, как сильно он волнуется, как гулко стучит в груди сердце, он посмотрел вверх и увидел Марью Алексевну, медленно спускающуюся на встречу. Глаза их встретились, и Аким Евсеич почувствовал, как горячая волна разливается по его телу, потому что в её взгляде он уловил нечто такое, что одновременно и взволновало и напугало его! Они учтиво и немного неуклюже поздоровались.

— Аким Евсеич, вы как располагаете временем? — И даже голос её звучал иначе, чем в прежние времена, тревожил душу и будил призрачную надежду.

— После обеда у меня множество неотложных дел. Может быть, если вы не против, мы сейчас займемся деловыми бумагами, а обед немного подождёт. — Аким Евсеич слушал сам себя и удивлялся: "Я ли это говорю! Зачем, зачем такая срочность по бумагам?"

— Хорошо. Будь по-вашему. Но ужин-то уж точно за вами! — говоря всё это, она так и не отвела взгляда от его глаз.

Потом они сидели друг напротив друга в кабинете, и он объяснял, как полагает поступить с теми или иными бумагами. Вначале ему казалось, что Марья Алексевна слушает его из вежливости, не вникая в суть. Но её отдельные фразы и замечания, позволили понять, что это не так. Хозяйка и слушала, и вникала во все нюансы очень внимательно. Когда же все вопросы были оговорены, Аким Евсеич почувствовал, до какой степени он устал. Не хотел ни есть, ни пить. А просто побыть одному, тихо посидеть в кабинете, собраться с мыслями и разобраться со своими чувствами. С одной стороны эта женщина невероятно манила его: до головокружения, до слабости в коленях, до жжения в груди и жара во всём теле. Но, поскольку длилось такое его отношение к ней довольно долго, а обстоятельства складывались не в его пользу, а тут ещё... Теперь уже он и не знал, хорошо ли это, что он взялся управлять её делами? Деньги, вмешавшись в их отношения, что-то неуловимо изменили. Он друг подумал, что нависшая лавина сдерживаемых чувств, сорвавшись, может убить, но сделать счастливым — навряд ли. Молчание затягивалось. Они так и сидели друг

против друга.

— Аким Евсеич, я вот что подумала: будет справедливо, если вы будите иметь определённый процент со всех получаемых для меня доходов. А вот насчёт комнат первого этажа... Я думаю, не следует пускать посторонних людей в дом на жительство. Пока такой крайности нет. — И улыбнулась ласково, по-доброму.

— Как скажите. Ежемесячный отчёт, ежели пожелаете, могу отправлять по почте. — Её мимолётная улыбка разлилась теплом по его душе.

— Нет. Нет, нет! Это абсолютно не возможно. У моих детей есть теперь имя, но у моего мужа нет денег, и мы, правду говоря, живём на деньги жены известного вам графа. Такое содержание может в любой момент прекратиться. Всё это я говорила вам и в прошлый раз. Мне следует обезопасить будущее своих детей. Я искренне благодарна вам, потому что даже не рассчитывала заставить дом свой в таком образцовом порядке и не подозревала, что доходы мои могут быть столь приличны.

— Но я же должен как-то отчитываться перед вами? Или вдруг возникнет какое-либо форс мажорное событие? Как тогда мне быть? Принимать решение на свой страх и риск — мне бы не хотелось. Вы сами сказали, что это запас на случай бедственного положения вас и ваших детей.

— Я буду иногда наведываться... для проверки. Думаю, муж поймет и против не будет, ведь это очевидно, что усадьба требует внимания, пусть маленькая и бедная, — теперь уже хитро прищурилась Марья Алексевна.

Аким Евсеич поднялся из кресла, аккуратно убрал бумаги в стол.

— Надо бы сейф приобрести.

— Как сочтёте нужным. — Марья Алексеевна тоже встала. И ему показалось, что в её голосе прозвучала то ли лёгкая обида, то ли удивление. И опять теплое чувство шевельнулось в его душе.

— Мой муж находится на излечении за границей. Так что я могу некоторое время провести... в своём родном доме. Вашими трудами тут стало много уютнее, чем прежде.

— Позвольте откланяться, — склонил голову Аким Евсеич.

— До вечера. Не забывайте, вы обещали пожаловать на ужин, должна же я отблагодарить вас за ваши труды? — Она протянула ему свою руку, и он почувствовал, как вздрогнули её пальцы в его ладони.

Любовное свидание

Он тщательно готовился к вечерней встрече. Цирюльник обихаживал его особенно долго, освежил самым дорогим парфюмом, потом дома вначале примерил новый костюм и туфли, но посмотрев на себя в зеркало, решил, что уж больно бросается в глаза и новая одежда, и новые туфли... фу! Как будто в гроб собрался! Ему даже не по себе стало. Поэтому он надел свежую рубашку, которая ему особенно нравилась, костюм, в котором обычно посещал городского голову и делал визиты другим нужным людям, а вот туфли всё-таки выбрал новые! И почувствовал себя вполне уверенно, будто обычный приватный визит предстоит. Потом послал за извозчиком, предупредив Федота, чтобы его не дожидался, а приготовив всё необходимое, ложился спать.

— Дела могут задержать меня. Ты уж ложись. Я сам разберусь, если что... — И ушёл, стараясь не встретиться с Натали.

В доме Марьи Алексевны светились только окна верхнего этажа, в саду под ними в их слабом свете на ветках кустов сирени и акации метались таинственные тени. Аким Евсеич впервые за много лет, а может и за всю свою жизнь, шёл один на ужин... нет, он теперь отчётливо понимал, на свидание с женщиной, которую в тайне обожал, и которая была чужой женой. Вечерний ветерок обдувал его разгорячённое лицо прохладой, а ноги сами несли вверх по ступеням. Однако ему почему-то казалось, он идёт к какой-то другой, мало знакомой женщине. Возникло нечто такое, что отдалило романтический образ той Марьи Алексевны из его горячечных снов, от графини Стажено- Дагомышской, но страстные картины по мимо его воли рисовались в его мозгу и кровь стучала в висках.

"Я ли это? Как возможно такое?" — думал он. Какое "такое" — Аким Евсеич даже думать себе не позволял.

— Извольте, проходите. Ужин готов и накрыт. А вашу повариху я отпустила, чтобы не оставить вас завтра без обеда, — улыбалась Марья Алексевна.

Зал освещался только канделябрами. В вазах благоухали цветы, смешиваясь с ароматом блюд расставленных на столе. Два столовых прибора и две свечи завершали сервировку. Казалось, невидимой тенью, в воздухе распласталось желание, смешав полусвет и полутьму, запах виноградного вина и цветов в один единственный аромат страсти.

Ужин оставался не тронутым, они сидели на миниатюрной кушетке, и пили красное вино из хрустальных бокалов. И потом невозможно было вспомнить, как его рука отвела от её шеи локоны, как его губы коснулись нежной, розовой кожи. Дверь в спальню была рядом, он это знал, столько раз представлял себе этот момент... Но она встала первая и легонько потянула его за руку. Он закрыл глаза и подумал, что это сон, опять только сон! И двигался, и шептал ей ласковые слова — всё было как во сне! Но сон, хоть плохой, хоть хороший — имеет свойство кончаться. За окном забрезжил рассвет.

— А не пойти ли нам подкрепиться?

— Укатала я тебя, укатала, — смеялась она, ничуть не стесняясь своей наготы. Так нагие они и сидели за столом, с аппетитом уплетая и цыплёнка с золотистой корочкой, и

белый сыр, и пёструю щуку.

Потом, собираясь домой, он чувствовал себя молодым хлыщем, увлékшим чужую жену. И, странное дело, никаких укоров совести не испытывал, а наоборот, некую радость и желание построить ещё пять, нет целую улицу новых домов!

Так продолжалось три ночи. Эта была третья, последняя, как он думал, их общая ночь.

Сидя в постели, и потягивая из фужера искрящееся шампанское, она говорила:

— Не хочу, чтобы ты думал, будто я распутна. Но и оправдываться не хочу. Если в чём и виновна — Бог мне судья. А людского суда я стараюсь избегать, ведь ангелов среди людей нет, а грешники судить других не вправе.

— Ну что ты? Ты подарила мне три ночи блаженства. Какой мужчина в состоянии осудить за это женщину?

— Да, но если женщина не свободна... Пстой, не перебивай, — остановила его, видя, как Аким Евсеич порывается что-то возразить. — С мужем моим у меня нет, и не может быть супружеской близости... по причине его болезненного состояния. Потому он и согласился жениться на мне, что своих детей иметь не может. А это родные племянники, своя кровь. Усыновив их, он продолжил свой род, не оставив следа о своей беспомощности.

— Но брат вашего мужа, его сиятельство, граф Дагомышский, вы же... — впервые в жизни Аким Евсеич почувствовал болезненный укол ревности, хотя ревность вряд ли делит людей по возрастам. Он не договорил, просто встал с кровати, накинул на плечи плед с кресла и подошёл к окну.

— Вы бы отошли от окна. Могут увидеть посторонние люди.

Он резко шагнул в сторону, повернулся к ней лицом. Она грустно улыбалась:

— Я же сказала, что не желаю, чтобы вы думали обо мне, как о распутной женщине, — она и сама не заметила, как перешла на "вы". — Я не знаю в точности, какой разговор состоялся между братьями перед нашим венчанием, но более, ни разу не встречалась с отцом моих детей. Разве что в обществе, на людях. Так что вы единственный мужчина, с которым я теперь делю свою постель. Неужели вы меня осудите за это?

"Жена, чужая жена! И что? Формальность. Простая формальность ради детей! Да и брак между мной и Марьей Алексевной всё едино не возможен! — думал Аким Евсеич, медленно остывая и приходя в чувство. — А от окна и в самом деле надобно отойти, ни дай Бог заметит кто в окне её спальни в такое-то время! А компрометировать эту женщину величайшая глупость и подлость".

Провожал Марью Алексевну Аким Евсеич на своей пролётке. На облучке сидел Федот который помог донести и погрузить в вагон её баул. Сразу со станции Аким Евсеич направился к городскому голове. Дело предстояло неотложное. Завод, взявшийся изготовить трубы для отопления нового доходного дома, запросил предварительную оплату выше оговоренной, и это следовало согласовать с акционерами.

— Дорогой Аким Евсеич, — расправил усы и улыбнулся городской голова, — проходите, проходите!

Акиму Евсеичу и в голосе, и в том, как голова расправил свои усы, почудился двусмысленный намёк.

— Марья Алексевна, графиня Стажено- Дагомышская, почтила меня своим доверием, сделав поверенным в своих делах. И могу вам засвидетельствовать, эта женщина в высшей степени благородная и чиста.

Но городской голова, казалось, особого внимания на эти слова Аким Евсеича не обратил. Мысли его были направлены совсем в другую сторону.

— Аким Евсеич, о чём вы? Мы для графини — провинция! Она теперь в других сферах вращается. — Он опять расправил усы, крикнул: — Я о нашем, насущном, так сказать. У вас, я так полагаю, у Натальи Акимовны завершается траур?

— Да, совершенно верно. Хорош же я батюшка, закрутился в делах и заботах денежных, о дочери забыл!

— Но я ваш компаньон, и можно сказать, друг, помню.

Аким Евсеич вопросительно наклонил голову, пока ещё никак не беря в толк, к чему клонит Пётр Алексеевич?

— Мой сын не единожды упоминал при мне о Наталье Акимовне в самых лестных выражениях.

Ещё совсем недавно, каких год-два назад о подобном Аким Евсеич даже подумать не мог. И ухватился бы за подобное родство обеими руками. Но теперь... Марья Алексевна действительно благодаря своему браку стала вхожа в круги высшего света. В последнюю, проведённую вместе ночь, они о многом переговорили. И будучи женщиной искушенной в житейских делах, она советовала Акиму Евсеичу не спешить с повторным браком дочери, полагая, что желающих в теперешнем её положении, объявится немало. Да и внешность её к тому располагает. Но и затягивать не следует. Молодость и красота преходящи, да и долгое вдовство не способствует хорошему имиджу в обществе. Кроме того, осенью к открытию театрального сезона, обычно устраивается грандиозный бал. Попасть туда можно приобретя билет. Билеты дороги, поэтому на балу собирается весь цвет общества. Надобно Натальи на этом балу представить самым выгодным образом.

"Но и единственный сын городского головы — думал Аким Евсеич, — это очень даже выгодная партия, разве что ветреник, гуляка. Как бы Натальи с другого бока нехватила горького до слёз", — городской голова перебил его мысли.

— Что с вами, Аким Евсеич? — Пётр Алексеевич, ожидавший увидеть польщенного подобным намёком бывшего писаря, немного растерялся.

— Пётр Алексеевич, буду с вами откровенен. — Аким Евсеич потёр лоб, и принял удручённое выражение лица: — Прошлый раз я выдал дочь свою замуж помимо её воли.

— Да, да. Я наслышан, как послушна и благовоспитанна Наталья Акимовна, — насторожился и так уже недовольный подобной реакцией со стороны бывшего писаря городской голова.

— Дочь моя пережила тяжкие испытания. Не скрою, подобный отзыв о ней, лестен и приятен отцовскому слуху. Но второй раз принуждать дочь... — и Аким Евсеич принял несчастное выражение лица.

Пётр Алексеевич крикнул, опять расправил усы:

— То ли Алексей не в меня пошёл? Нет такой женщины, сердце которой не дрогнуло бы от одного вида такого красавца. — И чуть высокомерно глянув на Акима Евсеича, подумал: "Как же всё-таки неискушён и наивен этот бывший писарь! Вскружить молодой вдовушке голову такому ловеласу, как мой Алешка — дело не сложное. А мне опять же надо пристроить этого повесу и мота, а то глазом моргнуть не успею — разорит. Ей Богу, разорит!" — Теперь уже Пётр Алексеевич задумался так, что даже вздрогнул, вспомнив про Акима Евсеича.

— Однако что же мы? Их дело молодое, а наше — обеспечить их будущее... э... так

о чём это мы?

Романтическая ночь в чужой беседке

В этот вечер Аким Евсеич допоздна засиделся в доме Марьи Алексевны. В кабине доставили купленный накануне новенький сейф с хитроумным замком, и Аким Евсеич аккуратно разместил в нём деловые бумаги. А разместив, дважды попробовал отомкнуть и замкнуть, дабы не забыть порядок и не попасть впросак. Из дома выходил поздним вечером, за экипажем вовремя Акинфия не послал, а теперь во флигеле все окна были темны, видать спят и Акинфий, и Настасья. Свою пролётку тоже отпустил, поскольку не знал, как долго придётся ждать доставки и установки сейфа. Вот и получалось, что приходится возвращаться одному по темноте. Вроде и недалече, но темень на улицах, самое время для лихих людей. Смазанные заботливой рукой Акинфия дверные петли и замок, не издали ни единого звука, и Аким Евсеич аккуратно замкнув своим ключом дверь, стал осторожно спускаться по лестнице. И тут вдруг услышал негромкий мужской голос. "Предчувствие не обмануло, — подумал он. — Зная, что хозяйка в отъезде, воры решили проникнуть в дом". Но одному с лихими людьми не справиться. Надо как-то разбудить Акинфия. Шорохи и приглушенные голоса доносились из беседки. Понятное дело, там прячутся злоумышленники. Аким Евсеич пригнулся и тихонько стал красться мимо беседки к флигелю. Но сделать это бесшумно в темноте у него не получилось, какая-то ветка треснула под ногами.

— Ах ты, котьяра! — Услышал Аким Евсеич и тяжелая точеная балясина, приготовленная Акинфием для ремонта беседки, с размаху прилетела Акиму Евсеичу в спину.

— А-а-а! — не сдержался он.

— Что за чёрт? Это и не кот вовсе? — послышалось из беседки. В этот момент, не помня себя от страха, Аким Евсеич уже не скрываясь, кинулся к флигелю и, что было мочи, заколотил в дверь, крича:

— Воры, Акинфий, воры, убийцы!

Акинфий выскочил в исподнем белье с тем, что попало под руку, а попалась толстенная деревянная перекладина, бог весть зачем и сколько стоявшая у дверей. Увидев вывалянного в листве и пыли Акима Евсеича, да ещё согнутого в три погибели, указывающего пальцем на беседку, Акинфий, недолго думая, кинулся туда. Из беседки ему на встречу, как чёрт из табакерки, выскочил человек, явно хлипкого, по меркам Акинфия, телосложения и чтобы не испытывать судьбу, Акинфий перепоясал этого "чёрта" перекладиной.

В наступившей тишине отчетливо послышался звук, вроде как маленький щенок заскулил. Но вначале надо было связать пойманного злодея, благо тот лежал лицом вниз, распластав по сторонам руки. Связав их верёвкой, Акинфий этой же верёвкой решил привязать вора к перилам крыльца, чтоб не сбёг, и, перевернув лицом вверх, подтащил поближе.

— Аким Евсеич, вы бы глянули... кого мы изловили?

— Вора, лиходея, убийцу! — потирая ушибленную поясницу, возмущался Аким Евсеич, но всё-таки наклонился и ахнул!

— Так это же... как же вы... Алексей Петрович? Зачем же... и что, скажите на милость,

вы считай что ночью, в чужой беседке промышляли? — растерялся и удивился от такого поворота Аким Евсеич.

Сынок городского головы хлюпал разбитым носом и молчал.

— Вот и я говорю, чего вам барин не хватает, что по ночам шастаете по чужим дворам? Настасья! — крикнул Акинфий жену.

— Тут я, тут.

— Принеси-ка ковш водицы, да чистую тряпицу, — приглядывался к носу Алексея Петровича Акинфий.

Тем временем Аким Евсеич решил выяснить: кто же так жалобно скулит в беседке? И, взяв со стола фонарь, охая и придерживаясь за поясницу, направился туда.

Оказалось, тоненько скулила жена мясника. Дама в роскошном платье дергала себя за подол непомерно широкой юбки. Юбка на кринолине зацепилась за обломок той самой балясины, которую Акинфий собирался заменить и уже приготовил новую, ту, что и была пущена по Акиму Евсеичу. Дама и так и этак пыталась освободиться, но кринолин, скрученный из конского волоса, надежно удерживал её в беседке.

— Меланья Евстафьевна, Боже мой! Голубушка! Я сейчас, сейчас... — суетился Аким Евсеич, но ушибленная поясница не позволяла наклониться настолько, чтобы отцепить подол.

— Вы погодите, я сей момент. Акинфий! — что было мочи, закричал Аким Евсеич. — Поди сюда!

Потом Аким Евсеич и Алексей Петрович сидели на крыльце флигеля, для Миланы Евстафьевны Настасья вынесла стул, а сама возилась с какими-то мазями и травками. Акинфий искал в беседке кусок подола юбки жены мясника, потому как она проливала слёзы в страхе перед объяснением с мужем.

— Он из меня отбивную сделает! Ей Богу, — божилась она.

— Ох, матушки мои, — потирал ушибленную поясницу Аким Евсеич. — Мне-то за что обломилось?

— И что вас угораздило вырядиться в этот кринолин?! — хлюпал разбитым носом сынок городского головы.

— Для вас старалась. Вы с благородными барышнями общаться приучены, — оправдывалась мясничиха, — а они всё больше в кринолине!

— Они в кринолине с молодых ногтей! Вы, матушка...

— Какая я вам матушка?! — обиделась мясничиха.

Но Алексей Петрович только невозмутимо повёл плечами, поскольку был холост и супружеской ревности не опасался.

— Я бы на вашем месте поостерёгся, — кивнул в сторону Алексея Петровича Акинфий, подавая мясничихе найденный клочок юбки. — Это из Меланьи Евстафьевны, как она изволила выразиться, муж отбивную сделает. А вы, Алексей Петрович, разве что на рагу сгодитесь. Мясца-то в вас никакого. А мясник мужик крепкий. Я видал, как он топором машет. Свинью надесь разделал в три удара.

— Так, может, меня тут и вовсе не было! — Швыргнул разбитым и на глазах опухающим носом сынок городского головы.

— И кто ж это вас тогда так разукрасил? — съехидничала обиженная мясничиха. — Нет, чтобы за честь дамы вступиться, он в кусты!

— Вот, Аким Евсеич, отдадите эту склянку Дуняшке, она знает, что с ней делать, чтобы

поясница ваша не болела, не свербела. — Анастасия протянула Акиму Евсеичу банку и повернулась к Алексею Петровичу:

— А это вам. А то к утру под глазами такие круги образуются, что батюшке вашему и без слов многое станет понятным. Бодяга это, взвар травяной. Мочите тряпицу и прикладывайте к синякам. — Алексей поморщился, но бутылку принял.

— Но вы как хотите, а я домой. Проводи меня, что ли, Акинфий? На сегодня с меня приключений достаточно. — И Аким Евсеич, не спеша, поднялся с крыльца.

— Погодите, Аким Евсеич, пару слов... приватно, так сказать... — сынок городского головы, видимо осознал надвигающуюся опасность. Отойдя немного в сторону, он стал просить ничего никому не рассказывать про эту историю. Синяки свои он как-нибудь батюшке объяснит. Подол Меланья заштопает. Так что всё шито, крыто будет.

— А я взамен вашего молчания, вам, какую пожелаете, услугу окажу.

Аким Евсеич помолчал, подумал и решил, что распускать про сына городского головы дурные слухи, даже если это чистая правда, только себе во вред. А так, вот он случай, не жаль и болящей поясницы.

— Есть одно дело, в коем вы можете мне поспособствовать.

— Я к вашим услугам, — картинно кивнул на глазах распухающим носом Алексей Петрович.

— Откажитесь от желания жениться на моей дочери.

— Но сегодняшней случай... я же пока холост... А молодому мужчине, в силе... э... каждодневный пост тягостен.

— Как хотите, вы сами просили об одолжении. Но теперь у меня будет причина для отказа. Так не лучше ли вам всё-таки передумать?

Первый бал Натали

Натали готовилась к первому в своей жизни балу.

— Батюшка, как же быть? Мазурку или котильон я буду вынуждена пропустить, ведь приглашение на мазурку, например, может сделать только хорошо знакомый кавалер. А меня на балу никто не знает!

— Хм, ты права, — улыбнулся Аким Евсеич. — Поэтому танцевать мазурку ты будешь со мной.

— Но, папенька? Как же... — растерялась Натали, — столько лет прошло со смерти матушки, я и не припомню, чтобы вы когда-либо за эти годы танцевали.

— Вот поэтому я нанял учителя, который даст нам с тобой несколько уроков. Ты хоть и обучалась танцам и манерам, но это твой первый бал. Нам очень важно обратить на тебя внимание с лучшей стороны.

— Папенька, а котильон?

— Показать, что мы никого не знаем в кругах этого общества — очень не выгодная позиция. Хотя недалеко от истины. На котильон уже напрашивался сынок городского головы...

Натали непроизвольно встала, будто что-то хотела сказать, но передумала. Аким Евсеич посмотрел на дочь продолжительным взглядом:

— Натали, Алексей Петрович молод и привлекателен. Дамы на него... кхе, кхе... как пчёлы на мёд... в общем я хочу сказать, что репутация его в обществе может тебя скомпрометировать.

— Это как же, батюшка? Он молод, красив, богат, хорошего происхождения! Многие семьи желали бы иметь его в зятях!

И Аким Евсеич решил рассказать про случай в беседке.

— Батюшка, — щеки Натали порозовели, но глаза блестели и улыбались: — не думаете же вы, что молодой мужчина в расцвете сил ведёт монашеский образ жизни?

Теперь пришла очередь растеряться Акиму Евсеичу. Он не то чтобы не знал, что ответить, его поразило подобное отношение дочери.

— А не думаешь ли ты, дочь моя, что для мужчины, который многие годы занимался мотовством и кутежом, семейная жизнь с одной женщиной окажется скучным бременем? И страдать в большей степени будет жена. Ему общество будет многое прощать, тебе — ничего.

— Но... в нашем городе выбор не велик. Да и Алексей Петрович вполне может не заинтересоваться мной. И мы попусту рассуждаем на эту тему.

— Натали, ты упустила из виду, что на бал мы едем в уездный город. А тамошних кавалеров ты и в глаза не видала. Так что и судить пока не можешь: кто более достоин твоего внимания. А вот, чтобы иметь возможность судить, да рядить — тебе необходимо произвести наилучшее впечатление на этом балу.

— Да, батюшка, мне пришла посылка с заграничной бальной книжкой красного цвета с золочёной окантовкой и карандашик к ней. Вы посмотрите: как изыскано оформлены странички!

— Как бы с платьем не опоздать?

— Батюшка, по совету Марьи Алексевны, я заказала платье цвета бордо.

— Натали, но на бал приняты белые платья...

— Да, в основном для молодых, незамужних девиц. А я... вдова и мне позволительны наряды. Да и потом, сегодня я ещё в чёрном платье, а завтра буду порхать в белом. В обществе могут сказать, что и думать забыла о дорогом супруге.

— Но траур, и в самом деле, миновал.

Натали несколько замялась, будто набираясь решимости, и заговорила:

— Для вас, батюшка, я думаю не секрет, что в обществе много говорят о... вдове вампира... обо мне, батюшка.

— Не будешь же ты поддерживать досужие разговоры?

— Почему досужие?

Такой намёк на запретную в их разговорах тему, больно царапнул душу Акима Евсеича, но он промолчал, ожидая, что скажет Натали далее.

— Отчего не поддержать полунамёком, чтобы выгодно отличиться от других? Ведь на этот бал привезут столько молодых девиц в роскошных платьях и цветах! Все схожи своей юностью и белыми нарядами, кавалерам отличать их разве что по внешности родителей, дабы не ошибиться приданным. А мне, как даме, позволительно бриллиантовое украшение и более яркое платье. — Натали вздохнула, немного помолчала и продолжила: — Флёр подобных разговоров нисколько меня не компрометирует. Моя репутация за годы траура столь безупречна, что те таинственные слухи, которые витают в обществе, как аромат хорошей пищи возбуждает аппетит, возбуждают и привлекают ко мне внимание. — В комнате повисло долгое молчание.

— Натали, я понял о каких бриллиантах ты говоришь... Да, бант-склаваж твоей матушки я утаил от твоего покойного супруга, поскольку это единственная вещь, которую я много лет храню, как память о моей дорогой супруге. А для него это были бы всего лишь бриллианты, он бы понёс бант к скупщику, его бы касались разные люди... А этот бант-склаваж помнит прикосновение пальцев твоей матушки. С тех пор, как она его собственноручно убрала в этот футляр, я на него лишь иногда позволял себе смотреть. И знаешь, у меня было такое чувство, будто говорил со своей любимой женой.

В футляре на красном шёлке лежала чёрная бархотка на шею, к которой крепилось небольшое ожерелье в виде банта из белого золота. В центре благородная шпинель яркого красного цвета, заключённая в легкий, воздушный узор белоснежного бриллиантового кружева.

Нарядное, таинственное, полное изящества и тонкого кокетства женское украшение.

— Вот видишь, как кстати я заказала платье цвета бордо! Эта ткань сильнее оттенит красный цвет камня, цвет крови...

— Крови? Натали, меня пугают твои взгляды на жизнь. Ты ещё так молода...

— Ах, батюшка, это всё романы. Романы! — улыбалась дочь.

— Да, неумеренное чтение ни к чему хорошему не привело, хотя я полагал наоборот — ты наберёшься из книг ума-разума.

— Батюшка, платье прекрасно! Прекрасно! — искренне радовалась Натали.

— Да, выставленный за платье счёт поверг меня в изумление. Уж не из чистого ли золота оно сшито? — вздохнул Аким Евсеич.

— А ещё прюнелевые туфельки... — продолжала радоваться Натали, глядя на батюшку,

явно делавшего строгий вид, а на самом деле...

А на самом деле Аким Евсеич находился в полном смятении. Ведь, если говорить по чести, то и в его жизни это был первый бал. И это в его-то годы?

— Да, да. И веер в тон платья и перчатки... Я знаю, знаю, Натали. Все счета уже оплачены.

В этот вечер городской голова рвал и метал.

— Алексей! Чёрт возьми! Это первый бал Натальи Акимовны. И ты на правах... давнего знакомого, всё-таки мы с её батюшкой четвертый год дела ведём рука об руку, так вот, на правах хорошего знакомого ты бы мог танцевать с его дочерью мазурку. А после мазурки, как известно, следует застолье. И ты бы повел свою даму, то есть Наталью Акимовну к столу, и мог бы ухаживать за ней и беседовать всё время, проведённое за столом! Но Алексей! Как же тебя угораздило? Э-э-эх!

— Батюшка, тут нет моей вины! Это лихие люди напали на меня. И я смело и лихо отбивался, вот и повредил нос! Но синяки уже почти сошли, разве что самая малость...

— Это бал, Алексей Петрович! — Городской голова дошагал до угла кабинета, остановился: — Остаётся одно: я с Акимом Евсеичем уговорюсь, что мазурку с Натали танцую я, а он с твоей матушкой! Потому что прощелыг, желающих пристроиться к наследству Кузьмы Федотыча, да ещё получить жену красавицу строго воспитания, пруд пруди!

Перед балом вечером Аким Евсеич приватно решал с Петром Алексеевичем финансовые вопросы строительства. И когда деловая часть беседы к обоюдному удовольствию была завершена, городской голова так прямо и сказал:

— А не пригласить ли мне завтра на мазурку Наталью Акимовну? По всем правилам этикета это будет уместно, поскольку сын мой ещё не оправился от того разбойного нападения, о коем вам известно.

Такое предложение было очень кстати. Аким Евсеич понимал, что других высокопоставленных знакомых у него и его дочери на этом балу просто не будет. А городской голова человек женатый, уважаемый, так что это только на руку Натали. Но унижать достоинство дочери скорым согласием, тоже не следовало. И он принял задумчивый вид. Однако, увидев некое выражение на лице городского головы, тут же остерёгся переборщить:

— Пётр Алексеевич, но ваша супруга... пожелает ли она принять моё предложение на мазурку? — как бы пояснил свою задумчивость.

— Хм? — улыбнулся в усы голова. — Я со своей стороны... ну уж и вы не упустите момента. Должен же я поддержать дочь своего казначея?

Бал начался с торжественного полонеза. В первой паре шел генерал-губернатор с супругой, за ним следовали гости в соответствии со своей важностью. Натали пригласил Петр Алексеевич. Их пара танцевала третья по счёту. Аким Евсеич пригласил его супругу, и она записала его в свою бальную книжечку. Жена городского головы всё ещё была красива, хоть и имела взрослого сына. И вот Аким Евсеич в её бальной книжке записан на мазурку, а Пётр Алексеевич записан в книжке Натали.

Между танцами Аким Евсеич случайно стал свидетелем такого разговора:

— А не знакомы ли вы, любезный князь с той дамой в платье цвета бордо?

— Как? Вы не слышали эту леденящую душу историю?

— И что же это за ужасная история?

— О-о-о!!! Это та самая вдова вампира! — и далее зашептал что-то на ухо своему слушателю.

— А красива, чёрт возьми, как красива! Тут любой не устоит, вот и сам вампир... Но при ней внимательный... хотя и не молодой кавалер. Так и не выпускает её из виду!

— Вы зря насмехаетесь над моей историей. Я лично знаю свидетелей видевших восставшего из гроба Кузьму Федотыча! А при ней не кавалер вовсе. Вы, очевидно, прослушали, когда представляли? Это её батюшка.

— Да-а-а? Прелюбопытный факт. За такой и с того света не грех явиться! Кхм! А не сможете ли вы представить меня вдове? Или её батюшке?

— Я не знаком лично, но у графини Н-ской будет бал, а она знакома с женой городского головы, а он сегодня танцевал со вдовой мазурку!

— Хм!

Подслушивать разговор далее, стоя за колонной, стало неудобно, но вероятно, приглашение на бал к графине Н-ской он и Натали получают. Стараясь оставаться незамеченным, Аким Евсеич отошёл в сторону.

Бал был в разгаре, когда ведущий громко объявил:

— Граф и графиня Дагомьшские, графиня Мария Алексеевна Стажено- Дагомьшская!

Сердце Акима Евсеича вдруг пропустило удар и застучало громко, громко. В залу вошла Марья Алексеевна в сопровождении сухощавой, бледной, но изыскано одетой дамы и красавца мужчины. Аким Евсеич подумал: "Это он". И чёрный пиджак, и чёрный жилет, и белый галстук из дорогой ткани, сшитые лучшим портным, и даже лакированные кожаные ботинки, и сам он в этой одежде — всё вдруг показалось Акиму Евсеичу каким-то тусклым, жалким, по сравнению с красавцем графом! Но неведомая сила толкнула его и он, приняв спокойное выражение лица, направился в сторону Марьи Алексеевны. На один танец, как он считал, мог рассчитывать!

— Позвольте представить казначея Бирючинского строительного товарищества на паях Письменного Акима Евсеича. — Марья Алексеевна представила его графу и графини.

Кровь стучала в висках, и жар разливался по телу от лёгкого прикосновения её пальцев к его руке, и даже ткань перчаток не была помехой для захватившего его чувства! Он танцевал на балу с самой прекрасной из женщин — Марьей Алексеевной! И Венский вальс кружил их по залу, а её прикосновения кружили ему голову.

— Сегодня после полуночи в том же доме. Помните, где я останавливалась тут прежде? — Аким Евсеич не сразу уразумел, о чём с вежливым выражением лица, чуть слышно сказала она.

— Да, но...

— Моя служанка встретит вас. Не смотрите на меня столь пристально. И более сегодня не подходите.

Граф танцевал со своей женой и был изыскано предупредителен к ней, и всего лишь учтиво вежлив по отношению Марьи Алексеевны. Стороннему наблюдателю такое поведение казалось нормальным, но Аким Евсеич знал нечто такое, что раздражало и злило одновременно. Он вдруг воочию увидел, что увлечён женщиной, которая родила другому мужчине вне брака двоих детей, и теперь этот мужчина источает холодную вежливость по отношению к ней! Этот учтивый обман раздражал и злил Акима Евсеича. Но с другой

стороны такое поведение графа давало надежду на то, что их отношения с Марьей Алексевной окончены.

Бал завершался далеко за полночь, но Марья Алексевна назначила ему встречу сразу после полуночи. И значит, следовало вежливо и незаметно покинуть бал, доставив Натали в арендованную небольшую, но вполне приличную квартиру. И потом... уехать на тайное свидание! Злость сменилась ликованием. Он был счастлив!

— Батюшка, в моей бальной книжке заранее расписан следующий танец. Вы не предупредили о раннем уходе.

— Хорошо. Но всем остальным кавалерам, придётся вежливо отказать, если таковые обратятся.

Следующий танец Аким Евсеич пропустил, посетив буфет и выпив там бокал великолепного розового французского шампанского. После чего, не акцентируя внимания на своём уходе, Аким Евсеич увёз дочь с продолжающегося бала, не только потому, что сам спешил на свидание, но и решив, что не стоит лишнего глаза мозолить. Неожиданное исчезновение тоже должно привлечь некоторое внимание.

Любовь и слёзы

Полный радужных планов Аким Евсеич, оставив Натали на попечении Настеньки которую предусмотрительно взяли с собой, он скорее летел на крыльях любви, чем тряся в пролётке. Не доезжая нужного дома, в темноте переулка Аким Евсеич заметил знакомую карету с гербами. Он и сам намеревался остановить экипаж в укромном месте. Теперь же сердце его сжалось, и тёмные предчувствия рождали картины одна невыносимее другой! Остановив экипаж, Аким Евсеич не отпустил возницу, а уговорился подождать, пусть даже и долго. Бесшумной тенью подкрался к карете. Сгорая от стыда и ревности, затаился у дверки. Разговаривали двое: мужчина и женщина.

— Моя жизнь невыносима... — далее слов дамы Аким Евсеич разобрать не мог. Потом расслышал слово "дети" и чёткий недовольный возглас мужчины:

— Я сделал невозможное! — Потом доносились только неясные звуки, которые, свидетельствовали о том, что женщина плакала. Но более ничего, решительно ничего понять было невозможно.

— Трогай, — раздался голос графа, и кучер дернул поводья. Лошади неспешно затрусили вдоль улицы, а Аким Евсеич ещё некоторое время стоял в оцепенении, прижавшись к стене ближайшего строения. Ему казалось, что он узнал голос графа и Марьи Алексеевны. Немного охолонув на свежем воздухе, он засомневался: точно ли это были голоса тех самых господ, на которых он подумал? Ещё немного поразмыслив, Аким Евсеич пришёл к мысли, что есть только один способ проверить: кто был в карете графа. Его должна ожидать у внутреннего подъезда служанка и провести в квартиру, где находится Марья Алексеевна. Если она в квартире, то в карете была новая пассия графа, а если нет? Он направился во внутренний двор и действительно увидел там кутающуюся в плащ женскую фигуру.

— Подите сюда, — позвала она, и направилась в сторону входа для слуг.

"Значит, в карете плакала другая дама. И этот граф... этот граф... — Аким Евсеич не находил слов определить кто таков этот граф, — блудник! Жестокий сердцеед! Обманул, затуманил голову Марьи Алексеевны, когда та ещё была молода и не опытна, а родители, видимо, не смогли уберечь дочь. Вот она и страдает всю жизнь!"

И тут сердце его ёкнуло: " Натали так отзывалась о сыне городского головы, что очевидна её увлечённость этим молодым... м... хлыщём. Нет! Нет, — думал Аким Евсеич, — даже деньги его батюшки и титул не перевесят тех страданий, что ждут жену с мужем мотом и гулякой".

Выдав единожды дочь замуж ради выгоды, узрев все мытарства, выпавшее вместе с богатством на её долю, решил второй раз судьбу не испытывать. Ведь теперь нищета не угрожала.

"Натали ещё так молода, так... так... неопытна... кхе, кхе, — чёртов кашель и как не к стати", — сердился Аким Евсеич, направляясь следом за служанкой. Пока он так рассуждал, то подошёл к чёрной лестнице, предназначенной для прислуги, и всякой хозяйственной надобности. Проскрипела входная дверь, в нос Акима Евсеича ударил запах то ли протухшей рыбы, то ли разлитых нечистот. В полной темноте, освещаемой только слабым светом,

исходящим от площадки служанки, Аким Евсеич пытался рассмотреть: куда же ступать? Чёрные и скользкие от грязи ступени, круто уходили вверх. Лестница, в отличие от широкой, мраморной и хорошо освещённой парадной, оказалась винтовой, с прогнившими деревянными степенями. И, чтобы не переломать себе ноги, Аким Евсеич оперся рукой о стену, но тут же брезгливо её отдёнул. Стена оказалась отвратительно липкой. Наконец они добрались до площадки второго этажа, где с одной стороны перед входом в квартиру располагался чей-то сундук, над которым весели ветхие, дурно пахнущие одежды, а с другой — лохань, из которой дыхнуло таким смрадом, что Аким Евсеич и так сдерживающий дыхание, не вытерпел и сам рванул на себя дверь. Это было первое посещение Акимом Евсеичем доходного дома в уездном городе не с парадной стороны. Те дома, что выстроили он и городской голова в своем провинциальном Бирючинске, очень сильно отличались от того, что тут предстало его глазам. Но и дома в Бирючинске имели чёрные ходы, просто пока они были новые и не успели прийти в такое состояние. И Аким Евсеич решил для себя выделить некоторую сумму денег в смете расходов на содержание бирючинских домов, для поддержания чистоты и порядка, столь ужасное впечатление оставила у него эта лестница.

Возле черной лестницы располагалась кухня и комната прислуги. Потом следовал маленький коридорчик, как подумал Аким Евсеич, чтобы дурной запах не достигал барских покоев. Контраст лестницы и дорогих комнат был столь велик, что Аким Евсеич даже растерялся, оказавшись в красивом светло-голубом будуаре наполненным устоявшимся ароматом женских духов. Он осмотрелся, но в комнате кроме него никого не было. Служанка сказав: "Ожидайте", — исчезла.

Аким Евсеич принял наиболее выигрышную позу, чтобы произвести на Марью Алексевну наилучшее впечатление и замер так, будто случайно повернувшись к входной двери. Но время шло, а в дверь никто не входил. Затекала рука, онемели ноги.

— Тьфу, да что я, право, как юнец? — и уселся на мягком канапе. Потом ходил из угла в угол, потом прислушивался: не идёт ли кто? Наконец он решил, что все жданки съел, пора и домой! И в карете была Марья Алексевна, а про него думать забыла! Ну да, куда ему тягаться с графом! Вон какой франт! А какова выправка? Как держит голову?! Ну, так и он не лыком шит!

— Не лыком... не лыком... м...а кто ты таков? — в сердцах выкрикнул в слух Аким Евсеич! И глубокое раздражение отразилось на его лице. В сей момент раздался звонок колокольчика у дверей и шорох платья в комнатах.

— Простите меня, заранее был обещан танец... — немного смущённо и растеряно попыталась оправдаться Марья Алексевна. Сомнений не оставалось. Она, она разговаривала в карете с графом!

— Время позднее и ежели вы желаете получить отчёт о состоянии ваших дел...

— Отчего вы так...

— Я... я... долго жду вас...

— Но обещанный на балу танец...

— ... довёл вас до слёз?

Марья Алексевна шурша шёлком бального платья, сделала шаг, другой и, закрыв лицо тонким кружевным платком, заплакала. Аким Евсеич не понимал, что с ним происходит: обида, ревность, даже злость — с чего бы? На что он рассчитывал? Жалости в этот момент он не чувствовал, а вот горький осадок унижения вдруг испытанный им — был невыносим!

— Я... я... я жестоко страдаю, — еле вымолвила графиня.

— Вас оставил граф? — совсем не учтиво спросил Аким Евсеич.

— Мои дети... Всё ради них. Ранее узаконить их возможности не было. Но год назад вышел новый указ, по которому, если не было прелюбодеяния, то родители могут подать прошение в суд и подтвердить рождение своих чад. Я в браке никогда прежде не состояла и мой супруг тоже. Значит, прелюбодеяния не было. Поэтому дети мои признаны законнорожденными.

— Но не их отцом, — не вытерпел Аким Евсеич.

— Их родным дядей. У которого нет и не может быть своих деток. Ни у него, ни у его брата в браке с графиней. Род пресекся бы. А так — это их кровные потомки!

— Вы об этом говорили с графом?

— Моя жизнь с его братом — каторга.

— Потерявши голову, по волосам не плачут. — Аким Евсеич вздохнул и почувствовал, как сумбур в его душе несколько улёгся. Однако единственно чего он теперь желал — не видеть эту женщину, чтобы разобраться в обуревавших его противоречивых чувствах.

— А теперь позвольте мне удалиться.

— Мне необходим совет... я ни на кого кроме вас не могу положиться... — её голубые глаза смотрели так доверчиво, почти с мольбой, что ни один мужчина в мире не оставил бы её без поддержки. Тем более Аким Евсеич со всем сонмом своих чувств.

— Это очень серьёзно... и я... довериться могу только вам, — промокнув платком с графским вензелем слёзы, она немного успокоилась.

— Вы взволнованы, мы оба устали после бала. Я думаю, будет разумнее, если через день или два я нанесу вам визит с отчетом о состоянии ваших дел и мы неспешно, не скрываясь и не торопясь, благопристойно обсудим всё, что вы сочтёте необходимым.

— Нет! Более я не решусь! Сейчас или никогда!

Аким Евсеич чуть склонил голову, кивнул, всем своим видом подтверждая согласие слушать.

— Я... я не могу выносить общение со своим мужем! Это грех! Великий грех! Но я... я... не желаю его выздоровления.

— А что ваши... отношения с графом... м... м... прекращены?

— Да! Только при этом условии его брат согласился на наш... союз. И я... я поклялась ему...

— Но иначе и быть не может. — Как-то не очень уверенно проговорил Аким Евсеич, невольно вспоминая некие интимные события. — Вы же венчаны.

— Я... я помню чудную ночь в Бирючинске.

— Думаю, для вас будет лучше забыть случившееся. — Аким Евсеич замолчал, понимая, что ищет оправдания и себе и этой женщине. — Вы вышли замуж без привязанности, ради детей. Вас можно понять. Но... эта съёмная квартира... вы же теперь проживаете в доме мужа.

— Да... дети... Я в те годы была молода, неопытна... А граф... Помилуйте... не судите строго. — Она с мольбой смотрела на него. — А квартира оплачена графом за год вперед. Вот и числится пока за мной.

— В законном браке графа нет любви и нет потомства, но есть деньги. Но у вас теперь всё слава Богу. А нелюбимый муж... — перед взором Акима Евсеича как живая встала картина обеда у Кузьмы Федотыча, заплаканная Натали и весь пережитой тогда ужас. —

Стерпится, слюбится, — неуверенно и глухо проговорил он.

— Встретив вас, я впервые почувствовала надежную опору сильного мужского плеча. И поверьте, это не лоск красивого гардероба, это нечто большее, что я увидела в вас. И только в вас! — Она стояла вполоборота к Акиму Евсеичу, свет канделябра вспыхивал и мерк в её глазах. За окном ночь накрыла своим покрывалом спящий город. Только протяни руку, и коснёшься её плеч. Он помнил вкус этих губ, жар этих рук... и теперь...

— Зачем вы мне рассказываете столь личную историю? Чем я могу вам помочь? — Пытался преодолеть соблазн Аким Евсеич.

— Мой муж болен. Одному Богу известно сколь долго продлятся его страдания. Он не живет, а мучается и истязает меня. Его злит всё: и то, что я здорова, и дети. Когда, когда наступит конец моему принуждению? Через месяц? Через год? Я... не вынесу! — Она продолжала всё также стоять вполоборота к нему, и крупные слёзы медленно катились из её глаз.

— Но это... ужасно желать... — Акиму Евсеичу вдруг показалось, что по комнате, блестя золотыми драконами на красном бархате халата, прошёлся, криво усмехаясь, Кузьма Федотыч, — ... смерти своему мужу... — хотел было воскликнуть, но горло сдавил спазм и вырвался сдавленный шёпот. Марья Алексеевна будто не заметила состояния Акима Евсеича. Она протянула к нему руки и прижалась горячей щекой к его лицу.

— Если бы я мог вам помочь! — Она казалась столь беспомощной, что в этот момент он готов был стереть в порошок этого жестокосердного графа! — Я найду способ освободить вас от истязателя!

— Не надо, нет! Нет! Я не желаю впутывать вас в эту историю!

— Но вы уже впутали меня, рассказав горькую правду! Каково — то мне будет знать, что вы в руках истязателя? Поверьте, я знаю, что это такое!

Она всхлипнула, её губы коснулись его губ, он крепко обнял её за плечи, притянул к себе...

Вместо ожидаемого блаженства, странное раздражение испытывал Аким Евсеич лежа в постели рядом Марьей Алексеевной. Всё-то ему казалось, что кто-то ходит под окнами, и вроде даже хохочет.

— Кто же там может ходить? Скоро рассвет. Самый сон, — улыбалась Марья Алексеевна. Но прислушалась: — Так это какой-то загулявший пьяница...

С улицы явственно послышался дикий хохот и тут же резко оборвался. А Аким Евсеич вдруг узнал голос Кузьмы Федотыча:

— Клялась мужу верной быть? Ха-ха-ха, — заливался смех. — Но вместе с тобой в постели! Клятвопреступница! Пре-лю-бо-деи! — и опять жуткий смех доносился с улицы.

— Вы не слышите? Он будто что-то ещё и кричит?

— Есть мне дело в сей момент какого-то гуляку слушать?

Но Аким Евсеич не в силах сдержаться, вскочил с кровати и кинулся к окну. Крупный мужчина в роскошном чёрном пальто, сняв шляпу, кланялся кому-то невидимому и продолжал выкрикивать:

— Потешаем дьявола! Потешаем! — И опять громко и жутко в предрассветной тишине смеялся.

— Сгинь! Изыди! — шептал Аким Евсеич, глядя в окно. Но почувствовал прикосновение упругой груди, лёгкое касание руки по щеке:

— И кого же вы там увидели? — Чуть приоткрыв уголок шторы, Марья Алексевна выглянула в окно. — Улица пуста. Ежели и был какой гуляка, то теперь убрался восвояси.

Но Аким Евсеич ясно видел, как на мостовой напротив окна продолжал кривляться все тот же господин в чёрном пальто.

— Свят! Свят! — перекрестился он. — Зятёк в красном бархатном халате изволил появляться, а этот в чёрном пальто. Тьфу! Что это я? В уме ли?

— О чём вы? Ну, причём ум, когда вы в постели с женщиной? Однако... однако... — и потянула его за руку в кровать.

А в голове Акима Евсеича прозвучало:

— Я и на том свете не хуже, чем прежде на этом, живу. Ха-ха-ха!!! Но не забывай мой наказ. Дела твои и далее будут идти в гору, пока мой доход будет преумножаться! Преумножаться! Или потребую другую плату. Радуйся, пока беру доходом!

Аким Евсеич как ужаленный вырвался из объятий Марьи Алексевны, подскочил к окну, и выглянул в шелку из-за плотной шторы. Улица опустела. Гуляка будто испарился.

— Да что с вами сегодня такое происходит? — Удивлённая Марья Алексевна села опершись о подушку. — А не выпить ли нам вина?

Аким Евсеич был не против. И осушил полный бокал красного вина.

Домой он вернулся с рассветом. Настенька дремала в прихожей, чтобы, когда вернётся Аким Евсеич, отворить дверь.

— Как Натали? — спросил её шепотом.

— Обныкновенно, — пожалала та плечами.

— Сколько лет при городском писаре живёшь, но не только писать, а и говорить толком не научилась! — выместил своё недовольство Аким Евсеич.

Та только голову склонила, да взгляд отвела. Спорить с хозяином — себе дороже! Да и домой хотелось побыстрее вернуться. Мысли так и крутились около Акинфия. Как он там? Хоть и напекла ему пирогов с кашей и яйцами, свеклы и моркови в чугуне запарила, но всё одно переживала: как без неё обходится? Один единственный свет в окне — Акинфий. Добрый, да работающий муж для сироты — какого ещё счастья желать? Вроде и выходила не сказать, чтобы по доброй воле, но благорасположение друг к другу имелось, а теперь Настасья души не чаяла в своём муже. И если бы не Аким Евсеич — не видать бы ей этого счастья. Да и угол для проживания, и работа опять же и ему, и ей — поди найди, чтобы всё при доме, в одном месте, да при таком-то хозяине, которого она уж сколько лет знает и плохого слова сказать о нём не может. А с того самого времени, как Аким Евсеич провёл впервые ночь с Марьей Алексевной, с ним стали твориться неладные вещи. То без повода вспыхивал и сам потом страдал, то сон по ночам пропадал, да спокойный по отношению к женскому полу даже в молодые годы, Аким Евсеич всё сильнее и сильнее тянулся к этой женщине. Настя смотрела в его бледное осунувшееся лицо и думала: "Таким ли должен вернуться мужчина после счастливого любовного свидания? Уж не приворот ли? Но зачем замужней даме такими делами заниматься? Опять же уж больно много тайн у неё, так что может и есть причина, по которой нужен человек для какого-то... черного дела".

— Свят, свят, свят! — перекрестилась Настасья.

— Никак случилось что? — Аким Евсеич сидел в кресле, будто и не собирался отходить ко сну.

— Прости меня, батюшка, глупую, неразумную, но много теперь приходится вам на

людях бывать, а люди разные у коих глаз дурной, кто и просто позавидовал, да в плохой час попал... — хитрила Настасья.

— Что взялась языком без устали чесать? Говори толком! Устал я.

— Позвольте на воск вылью, посмотрю: нет ли чего худого на вас?

— Всё одно сижу, а сна ни в одном глазу. Выливай, коли тебе приспичило.

Настасья принесла кусок церковного воска, небольшую поварешку и кружку святой воды. Положила воск в поварёшку, растопила на свече. Потом что-то шептала над головой Акима Евсеича и держала кружку, в которую медленно вливала расплавленный воск.

— Приворот вам сделан. Сильный, умелый. Я уж и не знаю... смогу ли...

— Тьфу! Несчастной женщине помощь требуется, а ты всякую ересь несёшь! А сама во дворе её дома обретаешься. — Оба понимали о ком речь.

— Так ить, батюшка, Аким Евсеич, я не задарма обретаюсь в её дворе. Работаю за двоих, а когда сама барыня приезжает, то и за троих бывает.

— Иди спать! Да повыкинь дурь из головы. Какую только чертовщину не придумают!

— Так ежели покойный может из гроба злостным вампиром восстать, то отчего другой чертовщине на белом свете не твориться? — стояла на своём Настя.

Аким Евсеич только рукой махнул, и кое-как поднявшись, направился в приготовленную для него комнату:

— Глупости всё это! Глупости! И... и... иди уже спать! Чёрт! — нечаянно и больно пнул ногой ножку кресла.

Наступившее утро было вроде бы обычным. Настасья в съёмных комнатах столько дел, как в усадьбе не имела, и потому была свободна. Только радости от этой свободы не испытывала. Ходила, как в воду опущена, губы шевелились, а слов не слышно.

Наконец проснулась Наталья Акимовна. Настя помогла ей утренний туалет завершить, да чай подала.

— Настасья, уж не по Акинфию ли своему скучаешь? — улыбнулась Натали.

— Оно конечно, ваша правда. Однако есть и другое...

— Что ещё? — насторожилась Натали.

— Тревожусь за батюшку вашего, Акима Евсеича. Случись с ним что худое, меня один Бог знает, какая участь ждёт.

— С чего ты взяла, что с батюшкой непременно что-то плохое должно приключиться? И как это может на тебе сказаться? Ты теперь замужняя женщина. От мужа своего, а не от моего батюшки зависима?

— Жилье и работа — всё от его протекции. — Настасья осторожно пересказала свои подозрения относительно Марьи Алексеевны, не забыв упомянуть по то, что воск ей показал. А ещё высказала удивление, что, будучи замужем за дворянином высокого чина, имея любовником лучшего из лучших красавцев графа (Настасья фамилию назвать остереглась), она вдруг воспылала чувствами к Акиму Евсеичу.

— С чего бы? Вот и думаю, должна быть ей какая-то выгода. Но какая — в толк не возьму.

— Откуда ты все это знаешь: про графа, про её намерения?

— Не всем так везет с хозяевами, как мне с вами и вашим батюшкой. Вот и делится прислуга рассказами о своём горьком житье в господских домах. Сколько молодых девок понесли от господ, да с брюхом-то и были выброшены на улицу? А я честь, честью замуж

вышла. Мужа мне Аким Евсеич подыскал — не хуже, чем родной батюшка бы это сделал. Опять же вы платья и другую одежду жалуете, и новую городскую портному заказывали. Да мало ли? Я столько лет прожила в вашем доме — он мне как родной.

Наталья Акимовна смотрела на Настеньку и думала, что не так-то уж она проста, как кажется.

— Ты незаметно расспрашивай, будто любопытства ради, мол, как у богатых, да знатных в прислугах ходить узнать хочешь.

— Могут подумать, другое место ищу.

— Пусть думают. Тебе это только на руку. Больше расскажут. Я — то знаю правду.

Вот уже и визиты вежливости нанесены, и приглашение к графине Н-ской на бал получено, пора возвращаться домой в Бирючинск. Акима Евсеича дела заждались. Карета городского головы ещё третьего дня упылила.

— Батюшка, было бы не вежливо уехать, не простившись с Марьей Алексеевной. Я непременно должна поблагодарить её за помощь в подготовке к балу.

— Ну что ж? Я пошлю к Марье Алексеевне с просьбой о визите.

В ответной записке в небольшом надушенном конверте, на дорогой бумаге с графскими вензелями было написано, что Акима Евсеича и Наталью Акимовну графиня будет рада видеть завтра вечером, но предупреждает, о своём неважном самочувствии. Посему других визитёров она не принимает, однако для них делает исключение.

— Батюшка, как полагаете, что могло приключиться с графиней? Она казалась такой цветущей на балу.

— Ах, Натали, я думаю нервы. Её семейная жизнь складывается... э... э... не очень счастливо. И даже наоборот.

— Её муж жесток к ней или усыновлённым детям? Хотя, жестокость к детям — не есть ли худшее из зол для их матери?

Лицо Акима Евсеича пошло пятнами:

— Натали, отношения между мужем и женой, касаются только их двоих и... м...

— Батюшка, как я могу вмешаться в их отношения? Но простое женское участие, думаю, будет вполне уместно. Её муж тяжело болен, я своего похорила. Мне кажется, у нас есть много общего для разговора.

Женские тайны

Парадный въезд, в дом, где теперь проживала Марья Алексеевна, представлял собой ворота, рядом с которыми располагалась сторожка привратника. Сразу за воротами начиналась подъездная аллея, ведущая к мраморным ступеням лестницы с роскошной балюстрадой. По бокам аллеи шумел старый парк. Что он прятал в своей глубине — сказать невозможно. Входная дубовая дверь впечатляла внушительными размерами. Наддверную панель украшал герб графа, обрамлённый закрученным узором листьев аканта с мордами крылатых чудищ по бокам.

Привратник, старый парк, роскошный въезд и входная дверь — буквально каждая деталь дома и прилегающего пространства, говорили о знатности и величии рода. Но была во всем том какая-то лёгкая запущенность, будто нерадивые слуги спустя рукава выполняли свои обязанности. По углам лестницы ветерок шуршал засохшей листвой, а встретивший привратник имел неопрятный и заспанный вид. Всё это никак не вязалось с Марьей Алексеевной, которая с недавних пор была здесь хозяйкой.

Примерно такое же впечатление производил дом изнутри. И вроде бы горело множество свечей, да и на дворе стоял ранний вечер, так что свет проникал через окна, но то ли свечи были плохи, то ли окна давно не мыты, только неуютный полумрак заставлял втягивать голову в плечи и оглядываться по сторонам.

— Бедная, бедная Марья Алексеевна, но, возможно, её жертва оправдана, — шепнула Натали, оглядывая всю эту неухоженную роскошь. Аким Евсеич только палец к губам приложил:

— Молчи. У этих стен могут быть уши.

Разговор тоже получился странный. Марья Алексеевна не переставая жаловалась на недомогание и расстроенные нервы. Натали с томной грустью отвечала ей:

— Ах, мне это так знакомо! Когда я выпорхнула из родного гнезда, то теперешний мой дом тогда тоже наводил на меня меланхолию. Но мой супруг, упокой Господи его душу, вызвал ко мне доктора...

— Простите, но даже церковный батюшка признал Кузьму Федотыча вампиром... а вы обращаетесь к Господу? — слабым голосом пролепетала графиня.

— Я только исполняю долг вдовы. И вот мой супруг пригласил ко мне врача, коей в его присутствии осмотрел меня и выписал микстуру... от хандры.

— Натали! — Аким Евсеич даже в лице изменился, догадываясь, к чему клонит его дочь.

— Микстура без цвета, без запаха, она навевала на меня длительный, очень длительный спокойный сон.

— Ах, у меня есть нюхательная соль, но не могу же я всё время проводить в дрёме.

— Я вас понимаю. Ваш супруг тяжело болен и душа ваша обливается кровью, глядя на его страдания... которые продлятся неизвестно сколько.

— Да, да. Вы, вы... правы. Продолжайте, говорите, я вас слушаю.

— Чтобы снискать покой душе, достаточно принять эту микстуру и сон будет длительным и безмятежным.

— Но проснувшись... — вдруг графиня подалась вперёд и замолчала на полуслове.

Натали чуть склонила голову, подняв кверху глаза, и молитвенно сложив руки:

— Ах, простите, забыла предупредить. Если у вас есть привычка выпивать за ужином бокал вина, то придётся от неё отказаться.

— Почему?

— Эта микстура при соединении с алкоголем многократно усиливает своё действие и тогда...

— Сон может быть очень долгим? Возможно не одну ночь? — быстрым шёпотом спросила графиня.

— М... это предупреждение врача, которое я передаю вам в точности.

— Натали, мы злоупотребляем гостеприимством графини. Полагаю, нам пора домой. — Занервничал Аким Евсеич.

— И кто же этот доктор, у которого есть это... спасительное средство?

— Наш Бирючинский лекарь, — улыбнулась Натали. — Но сам он, похоже, не подозревает, сколь благотворно для страдающего женского сердца это лекарство.

— Ах, я понимаю, что в Бирючинске накопилось множество хозяйственных дел, требующих моего присутствия, — вдруг неожиданно громко проговорила Марья Алексеевна, явно рассчитывая быть услышанной соглядатаями мужа. — И как только буду в силах, обязательно приеду. И поверьте, сумею отблагодарить за... оказанную услугу.

Акиму Евсеичу собрался было сказать, что такой необходимости нет, но Натали поднялась из кресла:

— Батюшка, как всегда прав, мы злоупотребляем вашим гостеприимством. И нам, действительно, пора откланяться. — Натали грустно, с едва уловимой, странной улыбкой посмотрела на Марию Алексеевну, которая расширившимися зрачками смотрела мимо гостей, будто видела нечто совсем другое.

Акиму Евсеичу казалось, что ему снится дурной сон. Он одновременно понимал и не понимал всё происходящее. Но, возможно, в мыслях Натали не было никакого умысла, а та страшная догадка, что родилась у него в мозгу, это он себе надумал, ведь откуда Натали знать истинное положение Марии Алексеевны? А уж её стремление избавиться от большого и нелюбимого мужа — тайна за семью печатями. По крайней мере, он об этом ничего не рассказывал дочери. Так откуда же ей знать? Нет, это все его воображение, и только!

В Бирючинске, как в тихом омуте, всё было по-прежнему. Аким Евсеич с головой погрузился в накопившиеся счета. Натали читала книги, изредка принимала визитёров и скучала, скучала. Ответные визиты совместные с батюшкой — тоже не особо развлекали. Такой ли она представляла свою жизнь после окончания траура?

Как-то, не вынеся домашней скуки, Натали прогуливалась по тротуару. Вдруг рядом с ней остановилась карета, из которой заведённой пружиной выскочил Алексей Петрович:

— Наталья Акимовна, — раскланялся он, — пожалуйста ручку. — И целуя, чуть задержал её ладонь в своих руках.

— Какая скука! Просто смертная скука! А в уездном городе в театре идут представления! Господа делают визиты и балы... балы... балы...

Он что-то ещё говорил, но у Натали вдруг сладостно заныло под ложечкой, и даже слегка закружилась голова от едва улавливаемого амбре молодого мужчины.

— У вас от городской духоты кружится голова? — он обхватил её за талию. — Я отвезу

вас домой. — Легче пушинки поднял на руки. Кучер открыл дверцу кареты, и Натали очутилась лицом к лицу с Алексеем Петровичем в сладостном полумраке. Она чувствовала его горячее дыхание и руки, которые всё жарче и неосторожнее обнимали её.

— Не надо... Зачем вы... — но голос её был слаб и дыхание прерывисто. Он высунулся в окошко кареты, крикнул:

— Гони!

Но кучер, ни раз побывавший со своим хозяином в разных переделках, указал кнутом в сторону. А там, на обочине остановились две кумушки, с любопытством наблюдая эту сцену.

— Гони срочно к дому Натальи Акимовны. Да потом тем же ходом за доктором!

— Ах! Ох! — закудахтали любопытствующие.

— Не видите, даме дурно! — крикнул им и спрятался за шторой. Карета рванула с места, но уже за ближайшим углом кони еле поплелись. Видно кучер хорошо был вымуштрован своим хозяином. И подобные обстоятельства понимал до тонкости.

Аким Евсеич как раз проверял расходы по новому доходному дому, когда к нему примчался посыльный с сообщением, что Наталью Акимовну почти без чувств доставил домой на своей карете Алексей Петрович.

— Что с Натали?

— Говорят, ей стало дурно во время пешей прогулки.

— И... каким боком... э... Алексей Петрович?

— Говорят, проезжал мимо, успел подхватить...

— Однако всё-таки успел!

— Так ведь ежели бы упала...

— Молчи! Сам разберусь! — и заспешил в пролётку.

Возле дома Натальи Акимовны стояла карта городского головы и дрожки врача. Натали сидела в кресле возле окна с распахнутыми створками, с холодным компрессом на голове. Судя по тому, как поморщился доктор, Алексей Петрович по второму кругу начал свой рассказ:

— Выглянув из кареты, я увидел Наталью Акимовну и... походка её показалась мне... э... нетвёрдой вроде как. Да и невежливо: проехать мимо знакомой дамы, не поздоровавшись. Велел вознице приостановиться. И тут вижу, дочь ваша пошатнулась! Я на ходу, карета-то ещё не остановилась, выскочил и, слава Богу, успел подхватить её на руки. Две девицы видели, не дадут соврать, именно так всё и было.

— Ну что ж? Коли так... благодарствую вам. И прошу простить, мне необходимо побеседовать с доктором.

Алексей Петрович раскланялся и уехал. А Аким Евсеич подошёл к Натали. От всегдашней бледности не осталось и следа. Щеки горели пунцовым цветом.

— Как ты? У тебя жар?

— Позвольте? — доктор тронул его за локоть. — Давайте отойдём и я всё вам объясню. Вы не волнуйтесь, сейчас вашей дочери ничего не угрожает. Пойдёмте. — И доктор отвел Акима Евсеича в дальний угол комнаты.

— Э... вопрос очень деликатный, но кто кроме родного отца... э...

— Говорите же, говорите, не тяните!

— Наталья Акимовна в самом расцвете сил, на хорошем питании, повар у вас, замечу...

— Её что, отравили? — ужаснулся Аким Евсеич.

— Бог с вами! Хочу сказать, отменный повар. Хорошее питание, праздная жизнь, хорошее здоровье — вот молодость и требует... э... значит...

— Чего-с требует?

— Замуж вам надобно отдавать Наталью Акимовну. А то у неё чуть удар не случился. Вон, щёки пылают как!

— Хм. Глупости. Где это видано, чтобы... — и Аким Евсеич вдруг почувствовал, что говорит уж ежели не голосом, то точно на манер упокоившегося зятя Кузьмы Федотыча. — Вон монашки в монастыре живут, и ничего. В обмороки не падают!

— Вы их пищу видели? А ещё посты. А каждодневные молитвы и всякие там епитимьи, да и работы там хватает. А ваша дочь... ну какое сравнение?

— И это всё, доктор?

— А что ещё? Хм, но должен вам сказать, в монастыре... тоже всякое бывает. Хотя, простите великодушно. Дело это ваше, семейное, я с чисто медицинской стороны вопроса.

Доктор уехал, а Аким Евсеич опустил на маленький пуфик возле кресла дочери.

— Натали? Посмотри на меня. Натали? — Ласково повернул к себе лицо дочери. — Он прокутит с таким трудом добытое состояние! Он пустит тебя по миру! Желает ли ты опять возвратиться в скудную лавку тряпичника, вместо красивых и модных нарядов? Он будет обманывать тебя, он ветреник. Согласна ли ты делить его с другими женщинами?

— Батюшка! — Натали уткнув лицо в плечо отца, плакала навзрыд!

— В объятьях молодого и красивого мужа ты утетишься. Поверь.

— Нет! Нет! — рыдала Натали.

— Натали, ты забываешься, Алексей Петрович пока не сватался и даже никакого деликатного намека не делал!

— Он пожалеет! Он, он...

— Конечно, конечно. Ты будешь идти в полонезе на роскошном балу под руку с молодым, богатым и знатным господином, а он, он будет стоять у стены и кусать локти! Вот и кстати, я получил письмо от князя Самойлова, он пишет, что желает приехать вместе с семьёй к нам в Бирючинск взглянуть на наши... чудеса.

Происшествие на могиле вампира

Этой ночью Аким Евсеич долго не мог уснуть. Не помогали ни мятные чаи, ни долгое сиденье за работой. Беспокойные мысли заставляли крутиться в постели так, будто кто в бок толкал.

С одной стороны, дом свой Аким Евсеич отремонтировал и можно уже возвращаться назад. Но оставить Натали одну в доме Кузьмы Федотыча... он как-то не решался. Хотя в доме многое переменилось, и время прошло изрядно. Но кто бы на месте Акима Евсеича смог забыть, выкинуть из памяти, столь пугающие события, произошедшие в этих стенах? Да и совместный с дочерью быт гораздо экономнее. Но князя Самойлова следовало принять в своём доме.

Уже прижившейся Дуняше, хоть и не по возрасту, но по Настасьину совету, вручил ключи и поручил заведовать закупкой провианта и чего другого для хозяйственных надобностей, а также в её ведении была баня и порядок в доме. Федоту поручил обязанности истопника и... швейцара. Опять вспомнив Кузьму Федотыча. Выходило, не во всём и не так уж был не прав зятёк. Федоту же поручил следить за чистотой и порядком своего верхнего гардероба. Но тут выяснилось, что состоятельному человеку двумя слугами не обойтись. Нужна была повариха, кто-то должен был мыть полы и стирать бельё. Аким Евсеич схватился за голову. В доме Кузьмы Федотыча всё шло своим чередом. Но теперь расходы удваивались: в доме Натали и его новые траты! Что было крайне расточительно и невыгодно. Но куда деваться? На столе лежало письмо князя Самойлова, который, как известно, подыскивал подходящую партию своему сыну. А Аким Евсеич со своей стороны... ну да, ну да, сколько можно молодухе вдовствовать? И Аким Евсеич нашёл экономный выход. Он перевёл прислугу из дома зятя в свой дом, на время, чтобы пообвыкли и приняли дорого гостя как следует. А там можно будет и вернуть всё на круги своя. Пока жить на два дома, соблюдая соответствующий их теперешнему статусу уровень, отцу с дочерью явно не по карману. Спускаться же вниз по лестнице общественного положения — того хуже.

В назначенный день князь Самойлов с супругой и сыном прибыли в Бирючинск и поселились в лучшие апартаменты нового доходного дома. Кстати сказать, очень не дешёвые. Из чего Аким Евсеич решил, что в деньгах князь не стеснён. Сынок его голубоглазый, удивительно коротко стриженный и не завитый по новой Европейской моде блондин, изволил переодеваться дважды в день. Утренний костюм был светлее вечернего. Перчатки менялись до пяти раз в день. А его чисто выбритый подбородок неизменно соседствовал с воротничком идеальной белизны.

Ужин прошёл на должном уровне. Заранее получившие точные наставления слуги, к удовольствию Акима Евсеича, выполнили всё без каких-либо нареканий. За столом Натали вела себя сдержано и, казалось, совсем не заинтересовалась молодым князем. Тот в свою очередь также был холоден, хотя изыскано вежлив. После ужина, отдыхая на веранде, решили приступить к осмотру могилы вампира утром завтрашнего дня.

У входа на кладбище, в церковной лавке, желающие могли послушать доподлинные жуткие истории, произошедшие в Бирючинске в разное время. Напротив входных дверей

прямо на стене местный художник изобразил красочную картину, на которой грешники горят в аду, а сверху, над адом, небольшие облачка с изображением каждого греха в отдельности с циферками. И каждый понимал, что эта та сумма, которую следует пожертвовать во искупление того или иного греха. В лавке постоянно дежурили кто-либо из церковных служек и место это было очень любимо ими, поскольку посетители не только жаловали монеты во искупление грехов своих, но щедро подавали милостыню. Саму могилку к тому времени обустроили так, что она больше напоминала склеп, в котором можно было спрятаться от дождя и ветра. К источнику доходов, будь это самый злостный вампир, следовало относиться рачительно!

Наталья Акимовна ехать на кладбище отказалась, пояснив, что для кого злостный вампир, а для неё — упокоившийся супруг. И она посещает кладбище по установленным для христиан дням.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Князь и его супруга шли к могилке среди кладбищенских крестов то ли с опаской, то ли с чувством, что и сами когда никогда тут окажутся. В церковной лавке князь приобрёл для себя, супруги и сына по красиво упакованному зубчику сушеного чеснока, как обереги от вампира. Береженого, как говорится, Бог бережёт. Церковный служка красочно обрисовал присутствующим обряд вскрытия могилы вампира и его изничтожения пимокатом. Впечатлённые кошмарными подробностями, князь и княгиня были бледны и молчаливы. А их сын, хоть и покачулся в момент, когда церковный служка в подробностях обрисовывал вбивание кола в грудь трупа, и зубчик чеснока на шею повесил, но по молодости лет, видно считал себя бессмертным, поэтому прятал в краешках губ саркастическую улыбку.

Истопник, считавшийся очевидцем выхода вампира из могилы, с бледным и строгим лицом поджидал состоятельных посетителей внутри склепа бирючинской архитектуры. Когда все гости разместились в тесном, темном и сыром помещении, истопник замогильным голосом начал рассказ:

— И вот, значит, смотрю, а трава у наших ног зашевелилась и земля на могилке вот в этом самом месте, — истопник наклонился, показывая место на могилке и замер.

— У тебя что, никак спину прихватило? — подобающе тихо спросил Аким Евсеич.

— С-с-смотрите с-с-сами, — вдруг начал заикаться истопник. — Опять-с вылезает!

— Да где? Помнишь ли, мы же его пригвоздили! — прошептал Аким Евсеич.

Молодой князь ухмыльнулся и, покачав головой, наклонился над тем местом, куда указывал истопник.

— Торчит оттуда какая-то красная бархатная тряпка, — меланхолично пожал плечами. Но глянул на Акима Евсеича и осекся:

— И золотом поблескивает? — шёпотом спросил тот.

— Да-с, — без прежнего сарказма ответил молодой князь. Аким Евсеич изменился в лице и попятился назад.

— Любимый халат моего зятя: красный бархатный, шитый золотыми драконами, — еле выговорил Аким Евсеич.

— Батюшка, крест, крест нательный в зубы возьмите. Как в тот раз. Помните? — шептал, задыхаясь от страха не мелкий мужик, привыкший махать топором по берёзовым чуркам. — И вы, господа, тоже! — И так как стоял в самом дальнем углу от входа, не разбирая дороги, ломанулся к выходу, готовый снести на своём пути и князя, и княгиню.

Эта совсем не постановочная сцена, столь реальная и правдивая произвела впечатление

не только на гостей, но и на хозяев. Княгиню пришлось вести под руки и брызгать в лицо водой, чтобы успокаивать. А она, с расширенными зрачками, дрожащими губами поясняла, что слышала скрежет и тяжкие вздохи из могилы! Истопник, крестясь, подтверждал слова княгини, что наклонившись к могиле, тоже какую-то возню слышал.

Уезжало из Бирючинска княжеское семейство потрясённым, пригласив Акима Евсеича и Натали к себе, полагая пригласить знакомых спиритов и поведать им обо всём увиденном. А возможно и провести спиритический сеанс. Молодой князь теперь украдкой бросал на Наталью Акимовну внимательные взгляды, и потирал лоб, будто постоянно о чём-то размышляя. И только Натали оставалась в обычном своём состоянии и отнеслась к случившемуся с холодным спокойствием.

За всю дорогу назад молодой князь проронил только одну фразу:

— Уж не мертва ли она? Рука холодна как лёд, при поцелуе даже сквозь перчатку чувствуется. Настоящая вдова вампира! Я читал в иностранном журнале... есть на эту тему научные изыскания, — и умолк, погрузившись в задумчивость.

Оставшись одна, в ожидании, когда батюшка отвезёт её домой, Натали ходила по чистым комнатам с новыми обоями, подходила к креслам хоть и в новых обивках, но тех же самых, в которых она сидела юная и беззаботная. Наконец, остановилась напротив портрета матушки:

— Мне и страшно, и сомнения есть, но думается, что халат на могилке Кузьмы Федотыча закопал Егор Петрович, потому что скрылся он из моей спальни в нём, и ничего лучшего, видно, не придумал, как спрятать на могилке хозяина. — Говорила Натали вслух, как в детстве, делясь с этим портретом матушки своими переживаниями. — Матушка, милая, посоветуй, рассказать ли мне батюшке всю эту историю, или пустое это и не стоит его душу тревожить?

— Что худшее для отца, когда единственная дочь душу свою открыть не желает? Вместе любые трудности пережить легче.

— Батюшка! — ахнула Натали, увлекшись, она не услышала, как вошёл Аким Евсеич.

— У порога пролётка, слуги уже перебрались. Поехали. Одним тут несподручно оставаться.

Разговор с рыбным расстегаем

Тёмный вечер превратил улицы в длинные чёрные рукава, и казалось, дороге нет конца. Во дворах лаяли и рвались с цепей псы, и редкий огонёк пробивался из кое-где незакрытых ставнями окон.

Однако дома царила благодать. Вернувшись на привычное место, слуги с должным усердием взялись за дела. Из кухни доносился запах свежей стряпни. На столе всё было готово к вечернему чаю.

— А я бы что-нибудь поосновательнее скушал... на сон грядущий, — втянул в себя приятный запах Аким Евсеич.

— Так расстегай рыбный только-только из печи вынула. Ежели желаете... — улыбалась повариха.

— Накрывай. А ты, Натали? Талию блюсти будешь?

Натали, в ожидании трудного разговора с бабушкой, о еде не думала. Да и прав бабушка, с плюшек, да расстегаев — только в неглиже ходить, а не в модных платьях.

— Пусть мне чаю с чабрецом заварят.

Натали всё больше волновалась, глядя на бабушку. Она даже представить опасалась, что её ждёт, узнай бабушка о том, что это она укрыла Егора Петровича красным бархатным халатом, а уж про то, как она его из бани выталкивала, сама старалась не вспоминать. А бабушка рыбный расстегай кушает, и разговор заводить не торопится. Аким Евсеич и в самом деле не торопился, потому что не знал, как себя вести с дочерью? Он давно понял, что дочь его взрослая дама, вдова, столько пережившая всего за несколько лет, что и на две жизни хватило бы. С виду хрупкая и нежная, но ему-то было известно, как использовала Натали то самое успокоительное лекарство, о котором Марье Алексеевне рассказывала. Ему, отцу родному, ни словом не обмолвилась, всё в себе держала. Вот и подумаетесь...

— Натальюшка, ты у меня одна единственная — свет в окне. Давно взрослая, вот уж и вдова. Да только для меня всё едино ребёнок мой. — Аким Евсеич замолчал, а Натали, ободрённая такими словами, заговорила спокойно и рассудительно. Рассказала, как неожиданно и без повода с её стороны пимокат в окно спальни влез, да всех слуг в доме перебудил. А когда выскакивал назад чрез окно, она халат этот на него и накинула, чтобы не узнал кто-нибудь ненароком.

— Кто бы, бабушка, поверил, что сам это он, без моего ведома? Слухи бы пошли — не отмоешься! Вот с тех пор этот халат то там, то тут вылезает на свет божий.

— Так что ж ты мне словом не обмолвилась? Не враг же я тебе!

— А что пользы было бы? Так были вы в неведении, люди глядя на вас, никакого сомнения в происходящем не имели. Да и что бы вы сделали? Неужели пошли бы тот халат отнимать? К чему? А так Егор Петрович пуще меня опасается, что прознаете про его проделки. Так что ничего вам про ту историю неизвестно, и вовсе мы об этом разговора не вели.

— Подумать только, я разговаривал с рыбным расстегаем?! Ну да ладно. Раз я знать ничего не знаю, то остаётся решить: что с тем халатом делать? Выходит, Егор Петрович зарыл его на могилке зятя не аккуратно, а земля усела от времени, вот и торчит халат

наружу.

— Батюшка... это не всё.

— Что, что ещё я не знаю? — схватился за голову Аким Евсеич.

— Из того, что знать следует, я думаю, всё знаете. Но есть нечто такое, что я объяснить не могу и спросить до сего дня не решалась.

— Ну?

— Повозку, ехавшую на кладбище, с Кузьмой Федотычем в красном бархатном халате, околоточный надзиратель видел до того, как Егор Петрович из окна спальни в нём выскочил.

— Э... значит, когда халат лежал у тебя в спальне... как же мог кто бы то ни было в нём в повозке ехать?

— Это меня и пугает, батюшка. Нет объяснения сему происшествию. Так что страсти в нашем городке доподлинные творятся.

Аким Евсеич заикнулся было рассказать о том, как зять к нему ночью приходил, но передумал. К чему?

— И как же теперь с тем торчащим из могилы куском халата быть? — вслух подумал Аким Евсеич.

— А нам зачем голову ломать? Егор Петрович плохо закопал, пусть и поправляет сам, — спокойно и без тени волнения сказала Натали.

— Откуда же он узнает?

— Городской голова давно Озерки не проведывал. Не плохо бы надоумить, да чтоб вас с собой взял. Счета проверки требуют. Не самому же Петру Алексеевичу карпеть? А там расскажите Егору Петровичу, как кусок халата князей напугал. Я думаю, он вскорости приедет в Бирючинск, да и наведёт порядок... на могилке.

— Натали... Натали... — Аким Евсеич с удивлением смотрел на дочь. Эта рассудительная, жёсткая, а с виду нежная и хрупкая дама, его послушная и ласковая доченька Натали?

— А скажи-ка мне дочь моя, что ты о молодом князе думаешь?

— Больно хил и напыщен... этот юнец.

— Натали? — Брови Акима Евсеича от удивления поднялись вверх.

— Не при вас, батюшка, будь сказано, но... молодость моя проходит, а я так и не узнала женского счастья и удовольствия в супружеской постели. Молодой князь пахнет, будто букет в столовой, из себя хил и по возрасту... мальчик он ещё, не муж. Опять в супружескую постель ложиться без желания и... терпеть супружеские ласки?

— Но у него титул, дворец, а возраст? Не крепкий дуб, конечно, но и не молодая поросль. Самая пора семьёй обзаводится. Что фигурой не взял... так, где же взять в нашем городке такого жениха, чтобы всё при нём и совершенно без изъяна?

— Да уж тогда лучше за Алексея Петровича...

— Ох, нахлебаешься ты с ним горького до слёз!

— Вы бы и князя Самойлова проверили: нет ли на его имущество закладных? Уж, не на наши ли денежки зарятся?

— Натали...

— Пойдёмте, батюшка, спать. А то растревожили душу и себе, и мне. Попробуй теперь усни?

И в самом деле, Акиму Евсеичу не спалось. То ли плотный ужин мешал уснуть, то ли тревожные мысли одолевали? Натали тоже долго читала, но ни любовные страсти романа, ни мягкая тёплая постель не навевали долгожданного сна. И уснули отец и дочь, когда сквозь щелки ставней стал пробиваться рассвет.

Утро следующего дня давно наступило, а в доме Натали стояла сонная тишина. Аким Евсеич кликнул Федота и велел ставни в спальне открывать, да приготовить умыться. И тут услышал, как в дверь кто-то с силой барабанит. А Федот, вместо того, чтобы направиться открывать ставни, вернулся назад:

— Аким Евсеич?

— Ну чего ты растележился? И кто там барабанит?

— Акинфий это. Говорит срочно вам доложить надобно.

— Пусть входит. А ты иди, отвори ставни. Не толкись без дела.

Акинфий вошел к Акиму Евсеичу в рабочем брезентовом фартуке, видно как занимался дворовыми работами, так спешно и отправился.

— Марья Алексеевна утренним поездом пожаловала. Без чемоданов и какого-либо багажа вообще.

— Боже мой! Что случилось? Ничего не говорит?

— Нет. Но просила вас срочно и тайно, никому не сообщая о её приезде, пожаловать к ней.

— Возвращайся, доложи, сей момент буду.

Неожиданность

Окна в комнатах дома Марьи Алексеевны были по-прежнему плотно зашторены, так, будто никого в доме нет. И только Настасья с чего-то поднималась в дом с накрытой корзинкой.

— Настя? — окликнул Аким Евсеич. — Что у тебя там?

— Так печь в доме разжигать не велено, вот приготовила завтрак у себя во флигеле...

"Боже мой, какая неожиданная напасть могла свалиться на её голову, чтобы она вот так срочно и не уведомив заранее, да ещё тайно, приехала?" — И воображение нарисовало ему едва прибранную, расстроенную или даже испуганную даму. Он пропустил вперёд себя Настю, немного постоял перед входом и вошёл в дверь, видимо специально для него оставленную не запертой.

За накрытым столом в хорошем дорожном костюме сидела Марья Алексеевна и собиралась пить чай.

— Аким Евсеич? Как же я рада вас видеть! — И не вставая из-за стола, подала для поцелуя руку... без перчатки.

— Марья Алексеевна, дорогая, что, что заставило вас приехать столь спешно и тайно?

— Прошу, садитесь. Вы успели позавтракать?

— Я... э...

— Так и думала. Пожалуйста, без особых изысков, но булочки очень вкусны, — улыбнулась Марья Алексеевна.

Аким Евсеич сидел как на иголках, а она пила чай и молчала. Наконец поднялась со стула, прошла по комнате и остановилась напротив Акима Евсеича.

— Я ожидаю ребёнка.

— Наконец сокровенное желание вашего супруга осуществится!

— Супруг тут не при чём по нескольким причинам, и главная — его долгое отсутствие, а дитё во мне... с недавнего времени. Я за тем и приехала тайно и спешно, чтобы сообщить вам — это ваш ребёнок. И следует принять меры, чтобы обеспечить и его будущее, и моё. А поскольку отцом этого дитя являетесь вы, то не можете остаться в стороне.

— Но что ж я могу?

— Достать ту самую микстуру... ну, вы понимаете?

— Зачем? Вам нельзя в вашем положении принимать такие капли! — но посмотрев ей в лицо, спросил вдруг севшим голосом: — Что вы задумали?

— Что тут не понятно? Не притворяйтесь, что не догадываетесь о чём речь!

— Вы уверены, что это мой ребёнок, а не князя?

— Я уверена! Но не навязываю вам его, потому что его будущее, если вы мне поможете, может быть прекрасна.

Аким Евсеич почувствовал, что кровь отлила от его лица, а в руках появилась непреодолимая дрожь.

— Вызовите врача к Наталье Акимовне, а полученную у него микстуру передайте мне. Сделать это надобно сегодня. Я получила телеграмму, извещающую о возвращении мужа. И должна вернуться назад, так, будто не из Бирючинска приехала, а вернулась из загородной

прогулки. И тогда, рождённое после смерти моего супруга... наше дитя будет не только законнорожденным, но и носить высокий титул.

— Боже мой, Боже мой! Какое коварство!

— Вы это своей дочери скажите!

— Вы о чём?

— Я же прошу вас всего лишь достать для меня успокоительную микстуру! Что тут коварного?

— Я... подумаю.

— Нет! Завтрашним поездом я должна уехать. Поэтому торопитесь.

Аким Евсеич встал, не спеша подошёл к окну, и выглянул из-за края шторы на улицу. А там безмолвно раскланивался и кривлялся, будто клоун в цирке, всё тот же странный человек, которого он видел из окна квартиры, когда в последний раз встречался с Марьей Алексеевной. Только теперь его чёрное пальто было совсем не по сезону, но он будто и не замечал этого. И тут из-за угла дома вылетела пролётка, кучер даже не придержал лошадей, они неслись прямо на этого незнакомца! Аким Евсеич, рванулся крикнуть, но... лошади пронеслись через этого человека, будто через пустое место, а странная фигура по-прежнему продолжала кривляться!

— Тьфу! Провались на этом месте! — в сердцах выкрикнул Аким Евсеич и фигура действительно, закрутившись волчком, исчезла сквозь мостовую.

— Что с вами? — Марья Алексеевна попыталась выглянуть в окно через плечо Акима Евсеича.

— Чужое имя, чужое богатство, преступление совершенное матерью, когда он был ещё в её чреве... Я приму этого ребёнка и признаю своим, даже если это не так.

— Вы не понимаете! Как только скрывать беременность станет невозможно... меня и моих детей ждёт незавидная участь. А уж этого, ещё до его рождения, вы, его отец, обрекаете на горькую судьбу. Тогда как участь моего мужа предрешена и это только вопрос времени...

— Мы все на этой земле временно! Я подам утром пролётку и сам отвезу вас на станцию.

— Вы об этом пожалеете!

Спиритический сеанс

Проводив Марью Алексеевну, Аким Евсеич заехал по делам в присутственное место оттуда ещё кое-какие дела неотложные давненько его ожидали, так что домой вернулся к вечеру голодный и уставший. Но, тем не менее, всё, за что он в этот день брался, получилось наилучшим образом. После сытного ужина, стал просматривать почту, да и обнаружил письмо от князей Самойловых, которые сообщали, что спиритический сеанс уже назначен и называли дату и время, приглашая для участия Акима Евсеича и Натали.

— Ну что, дочь моя? Надобно ехать. Да и наш доктор невероятные вещи рассказывал про эти сеансы. Заеду-ка как-нибудь к нему побеседую, что это за чудеса такие?

Натали только плечами повела:

— Коли вам угодно, батюшка...

— Тогда значит так, Натальюшка... Э... помнишь там в письме приписочка есть? Так вот, за сутки до сеанса жирного и мясного не кушаем, так же с вином, которым и без того не балуемся лишку. Да, будешь гардероб подбирать, помни, украшений на тебе из металла, буде даже золото, быть не должно. Ну и я отправлю в нужный день Федота, чтобы он комнаты нам снял, лучше бы прежние.

— Батюшка, уж ежели мы будем в уездном городе, так хотелось бы тамошний театр посетить.

— Будь по-твоему, — вздохнул Аким Евсеич. А сам подумал, как же раньше не ценил свою свободную и беззаботную жизнь? И всё-то ему хотелось женской ласки и тепла. И вот-с получил! И что теперь? Есть дочь, которую надобно выдать замуж, да теперь уж без нужды, а к её радости... по возможности. И тут отчётливая мысль возникла: "Что ежели Марья Алксевна сына родит? Надо бы Натали сказать. Хотя нет, рано ещё. Кто знает, как судьба повернётся? А судьба..."

— Что с вами, батюшка?

— Так, не хорошо что-то. Устал я. Пойду в кабинет.

Но не на следующий день, не через день Аким Евсеич не выбрал время, чтобы посетить доктора, да и поговорить о спиритических сеансах. Когда же, наконец, собрался, то доктора дома не оказалось. А слуга, хорошо знавший Акима Евсеича, пояснил с гордостью за хозяина, что доктору пришло приглашение из уезда, там какая-то очень знатная дама страдает нервным расстройством и желает лечиться непременно у него.

— Выходит и до уездного города слухи с самой наилучшей стороны о нашем докторе дошли! — Вот, мол, у какого знатного доктора служим! Но Акима Евсича будто что-то кольнуло изнутри. И пока, возвращаясь домой, тряся в пролётке, в голове его сложилась жуткая картина: "Марья Алексеевна вызывает врача, жалуется на мигрень и бессонницу, — думал Аким Евсеич. — Врач прописывает ей капли... те самые, что и в тот раз Натали. Марья Алексеевна добавляет их в вино, ведь ни вкуса, ни запаха эти капли не имеют, и поит своего супруга. Ежели такой столп, как Кузьма Федотыч... — далее даже помыслить о случившемся с зятем Аким Евсеич не решался, поэтому только и подумал: — Вампир, не вампир, но упокой Господи его душу! Так что же ждёт болезненного супруга Марьи

Алексевны?"

— Бр-р-р! — вслух передёрнуло Акима Евсеича.

Но что было делать? И в поездку эту Аким Евсеич собирался как на каторгу.

К проведению спиритического сеанса князь Самойлов отнесся серьёзно. Была приглашена дама — медиум одна из самых знаменитых — Флоренс Кук. В свете говорили, будто она умеет материализовывать дух Кэти Кинг, который признавался, что приходится дочерью пирату Генри Моргану. Но гостей мало интересовали и Кэти Кинг и её батюшка — пират. Заранее составленные вопросы адресовали к мужу Натальи Акимовны Кузьме Федотычу. Его и предполагали вызвать. Кроме Флоренс Кук, Натали и Акима Евсеича были приглашены: граф и графиня Сташено-Дагомьшские и в последний день дал согласие граф Немиров, самый завидный жених в уезде — высокий стройный красавец надменного характера. Жил граф на широкую ногу, и ходили слухи, будто бы он принят ко двору.

Небольшая комната напоминала тёмный колодезь. Высокий потолок терялся во мраке. Окно и входную дверь задрапировали плотными чёрными портьерами, оставив приоткрытой форточку, через которую, как предполагалось, должен появиться дух Кузьмы Федотыча. Посреди комнаты стоял круглый стол на трёх ножках, вокруг которого расставили семь стульев по числу участников.

На стенах в канделябрах зажгли по одной свече, отчего комната погрузилась в таинственный полумрак со странно двигающимися по стенам тенями.

Когда Наталья Акимовна с батюшкой вошли туда, то все остальные были уже в сборе. Напротив входа, спиной к окну сидела дама в чёрном платье под горло. Длинные рукава полностью закрывали руки. И только кисти рук покрывали белые перчатки, отчего казалось, что живут они отдельной, самостоятельной жизнью. Лицо её было сосредоточенно, губы плотно сжаты. Это и была сама Флоренс Кук. Справа от неё расположились хозяева: князь и княгиня Самойловы, слева сидела Марья Алексеевна и рядом с ней бледный, даже в этом полумраке, одетый по последней европейской моде, но без излишнего подражательства, мужчина, высокий лоб которого покрывала лёгкая испарина то ли от болезни, то ли от духоты, образовавшейся в комнате — граф Кирилл Романович Сташено-Дагомьшский. Граф Немиров, видимо ещё не определился с местом. Он стоял за спинкой стула госпожи Флоренс, оглядывая собравшихся, слегка скупающим, и всё-таки любопытствующим взглядом.

Платье Натали из плотного темно-зеленого шёлка, отделанное тонкими Елецкими кружевами с золотой каймой, открывало её шею и плечи мраморной белизны. Красиво уложенные чёрные кудрявые волосы роняли непослушные завитки на плечи и шею, ещё больше обращая внимание на их хозяйку. Лёгкий, едва уловимый аромат окружал её при каждом движении и улавливался даже в стоячем воздухе комнаты. В Акиме Евсеиче теперь вряд ли кто узнал бы того немоющего и болезненного писаря, каким он был каких пять — шесть лет назад. Одет с большим вкусом, в костюме из дорогих тканей, сохранивший хорошую осанку и стройность фигуры, умевший держаться уважительно, но привыкший за последние годы к общению с людьми самого разного общественного положения, производил самое благоприятное впечатление, как на мужчин, так и на женщин.

После взаимного представления друг другу князем Самойловым незнакомых между собой гостей, решено было перейти к сеансу, поскольку часы давно пробили полночь. Когда Натали и Аким Евсеич заняли свои места, то граф Немиров, естественным образом, оказался

справа от Натали, поскольку все другие стулья были заняты.

Глухим замогильным голосом госпожа Флоренс объяснила, как и что надо делать. Натали чувствовала непреодолимое волнение, и рада была бы вообще не пойти на этот сеанс, да батюшка заранее дал согласие. И вот теперь, ещё и сеанс не начался, а ей казалось, что супруг стоит за спинкой её стула и она ощущает его дыхание на своей шее. Акиму Евсеичу тоже было не легче. Куда бы он ни смотрел, взгляд невольно возвращался к мужу Марьи Алексеевны. Слава Богу, что темень в комнате, так что никто не обратил на это внимание.

Все присутствующие положили руки на стол, лишь чуть касаясь его поверхности, но ни в коем случае не надавливая и хором, размеренно стали призывать дух Кузьмы Федотыча. Время шло, ничего не происходило. Госпожа Флоренс, не меняя тона, попросила всех сосредоточиться, и думать только о Кузьме Федотыче, всем своим сознанием призывать его и не позволять своим мыслям отвлекаться ни на мгновение. А тем из гостей, кто был лично знаком с Кузьмой Федотычем ещё до его смерти, пытаться зрительно представить его, продолжая взывать вместе со всеми. Постепенно монотонные призывы перешли в общий стон: вздох — приди Кузьма Федотыч, приди! Выдох и снова вдох: приди...

Аким Евсеич никак не мог заставить себя сосредоточиться на вызывании зятя. С мучительным чувством своей вины смотрел на мужа Марьи Алексеевны, иногда переводя взгляд на неё саму, а она, как ни в чём не бывало, закатив глаза, взывала к Кузьме Федотычу. И это было страшно. "Неужели, — думал Аким Евсеич, — ей нипочём видеть, сидящих рядом за одним столом, любовника и мужа, которого она, собирается отравить?" От этих мыслей Акима Евсеича передёрнуло.

— Видели! Видели? Пришёл! — страшным шопотом прокомментировала Флоренс Кук.

А Акиму Евсеичу, тем временем, от всех его мыслей померещился муж Марьи Алексеевны в гробу. Картинка на мгновение повисла в воздухе и исчезла! И до того душа его заныла, жалость и совесть вдруг с двух сторон так жалить начали, что хоть вставай и беги! Да не тут-то было!!

А Натали, как замороженная, не могла оторвать взгляд от белых рук госпожи Флоренс. И вдруг руки будто подбросило над столом, Натали почувствовала холодное дуновение, штора на окне взметнулась, следом брякнула о пол ножка стола и стол пошел стучать о пол, будто хотел расколоть паркет напрочь. Ножки тола стучали и бил о пол так, что все невольно отпрянули. И только госпожа Флоренс не потеряла самообладания:

— Кто здесь? Вы ли Кузьма Федотыч? Или это другой дух?

— Я! Нет от вас покоя!

— Согласны ли ответить на наши вопросы?

— Дурь одна, эти ваши вопросы!

— Ждёт ли кого из здесь сидящих смерть в ближайшее время? — задала вопрос госпожа Кук.

— Ха-ха-ха!!! — заскрежетал смех, и Натали не сомневалась, это голос её супруга. От обморока её удерживала только горячая рука князя Немирова, который только сильнее сжал её ладонь, когда стол вдруг заходил ходуном.

— Между вас сидят убийцы и спрашивают о смерти? Ха-ха-ха!

Аким Евсеич занятый своими переживаниями, не особенно верил во всё это действо. Но когда дух провозгласил про убийц... Аким Евсеич впал в ступор, да так и сидел не в силах шевельнуться. Ведь он-то знал, о ком ведёт речь зять! Натали и Марья Алексеевна!

— Это дьявол! Это не Кузьма Федотыч! Изыди! Вон! Вон пошёл! — закричала госпожа Флоренс. Князь Самойлов зазвонил в колокольчик, вошел слуга, до того ожидавший в соседней комнате с канделябром из пяти свечей.

— Ха-ха-ха! — прокатилось эхом, потом послышался звук захлопнувшейся форточки и всё затихло. Участники сеанса были столь напуганы и впечатлены, что не сразу заметили, что Марья Алексеевна почти без чувств и Натали еле переводит дыхание. Аким Евсеич какое-то время неподвижно сидел рядом с дочерью и, не мигая, смотрел в одну точку на столе.

Тут вошёл другой слуга и, поскольку ничего из происшедшего не видел, то совершенно спокойной просил пожаловать в столовую на вечерний чай. После чего направился к закрытому шторой окну, чтобы открыть его и проветрить помещение. Но госпожа Кук остановила слугу, попросив немедленно принести воды для дам, готовых вот-вот упасть в обморок. А остальными делами заняться позже.

Выйдя из комнаты последней, госпожа Флоренс рассудила:

— Кто бы это ни был, это злой дух. С такими лучше не общаться.

— Я узнала по голосу, — еле слышно заговорила Натали, — это был Кузьма Федотыч. — Я и дыхание его почувствовала.

— Натали, успокойся, Натали. Это твоё воображение разыгралось. Впредь будем осмотрительней, после всего пережитого, не стоит тебе подобные опыты посещать! У меня у самого кровь в жилах стынет от таких картин! — попытался успокоить дочь Аким Евсеич.

— Ну да, а чего вы хотите? — заговорила Марья Алексеевна. — Тут всем известно, что Кузьма Федотыч, умерев, превратился в вампира! Вот и злобствует. Планида его такая.

— Да, да! — поддержала княгиня Самойлова. И стала, волнуясь, дрожащим голосом пересказывать, как была очевидицей его попытки выхода из могилы!

— Друзья, дорогие мои, ну что вы, в самом деле? Нисколько чувств Натальи Акимовны не щадите? — наклонился к Натали граф Немиров.

И все повернулись в сторону Натали. Перед ними была самая настоящая вдова вампира!

— Говорят, он к вам с того света приходил, желая забрать с собой? — задала вопрос госпожа Флоренс. — Вы не волнуйтесь, милочка. Я поставлю вам защиту, чтобы больше он вас не беспокоил. Цена этой защиты... э... — она посмотрела на Акима Евсеича, и в этот момент раздался грохот из комнаты, где только что проводили сеанс.

— Такую красоту и я бы не оставил, — успел шепнуть Натали граф Немиров, так и не отходивший от неё.

— Не уймётся никак! — возмутилась госпожа Кук и решительно направилась назад, но навстречу, прихрамывая, вышел всё тот же слуга, который намеревался навести в комнате порядок.

— Не пугайтесь! Я усмирю воинствующий дух вампира! — кивнула Флоренс Кук.

— Погодите, я свечи зажгу. А то, как только окно открыл, ветер дунул, свечи-то и потухли. Я уж и не разобрал, за что запнулся, показалось вроде какая-то веревка. Да откуда ей взяться? А может в бахроме штор запутался, Бог его знает, — оправдывался слуга. — Простите великодушно.

— Я когда готовность комнаты к сеансу проверяла, никаких веревок не видела. Это всё проделки злобного духа! — Авторитетно заявила мадам Кук. И вошла в комнату, строго наказав никому за ней не следовать. Мало ли что может натворить злобствующий вампир? Надобно убедиться, что изгнан вон! А то слугу уже достал! Да ни у кого и особого желания

идти следом за ней не обнаружилось. По комнате плыл расслабляющий аромат подогретого красного вина и великолепной закуски.

После обильного и изысканного угощения, все постепенно пришли в спокойное расположение духа. Но время было позднее, если не сказать ранее, потому что сеанс начался за полночь, да пока вызывали Кузьму Федотыча, потом приходили в себя, потом лёгкий перекус с подогретым вином, вот и получилось, что за окном на заднем дворе уже питух прокукарекал. Значит, скоро солнышку вставать, а господам ещё до дома добираться. И было собралось гости разъезжаться, да Марья Алексеевна спохватилась:

— Аким Евсеич, будьте любезны, задержитесь буквально на минуту. Мой супруг Кирилл Романович, желает с вами побеседовать.

— М... да-с? Я вас слушаю. — Постепенно, в течение этой ночи Аким Евсеич от сострадания и чувства вины к мужу Марьи Алексеевны перешёл к злости, непонятной, необъяснимой толком, но разрывающей душу. А ведь это он, Аким Евсеич, виноват перед Кириллом Романовичем, а не наоборот. Но этот хилый, потный фронт имеет полное право обнимать и... быть с Марьей Алексеевной, которую обижает, унижает! Он ей противен! Она сама рассказывала это Акиму Евсеичу! Но сегодня они будут в одной постели! А ведь она ждёт ребёнка Акима Евсеича, и муж тут ни при чём!

— Простите? Ночь на исходе, вы устали. — Кирилл Романович промокнул платком вспотевший лоб.

— Да, да, я слушаю вас. — Взял себя в руки Аким Евсеич.

— Моя супруга рассказывала мне о вас, как о честном и умелом управляющем её усадьбой. Говорила, что дом буквально преобразился. Я, конечно, понимаю, что доходов там еле хватает на его содержание, она обращалась ко мне за материальной поддержкой, сетуя, что вы неизвестно как выкручиваетесь...

Аким Евсеич окончательно сбился с толку. К чему вёлся этот разговор?

— Так вот, наш дворец... э... несколько запущен. И жена рекомендовала мне вас как управляющего ремонтом. Нет, нет! Я не в коем случае не хочу принизить ваше положение в обществе... но мне нужен человек, который будет распоряжаться выделенными на ремонт средствами. Насколько возможен наш дальнейший разговор на эту тему?

Аким Евсеич перевёл взгляд на Марью Алексеевну. А та о чём-то оживленно беседовала с хозяйкой, потом будто почувствовав взгляд, повернулась в их сторону:

— Ну как, дорогой, вы договорились?

— Аким Евсеич пока ничего не ответил.

— Аким Евсеич, ну как же так? Неужели откажите в помощи своей бирючинской соседке?

— Я... подумаю.

Удивлённый и обиженный взгляд, брошенный украдкой в его сторону Марьей Алексеевной, заставил его язык сказать нечто другое:

— Я очень занят, вот и опасаясь не успеть.

— Ну, вот и замечательно. Значит, встретимся и обговорим условия. Ведь практически вы будите распорядителем немалой суммы денег.

Усаживаясь в свою пролётку рядом с Натали, Аким Евсеич готов был рвать и метать. Никогда в жизни такого сумбура чувств в его душе не происходило. И только выработанная

годами сдержанность позволяла не показывать вида.

Граф Немиров

На следующий день с рассыльным Аким Евсеич получил записку от графа Немирова, в которой тот просил Акима Евсеича пожаловать к нему на мужской ужин. Такого-то числа, этого месяца, мол, собираются у него холостые господа поговорить об охоте, лошадях и разных других вещах, которые, конечно же, не интересны дамам. Аким Евсеич прекрасно понял, что этот клуб холостяков, скорее всего повод, чтобы поговорить приватно. И, судя по тому, как граф не отходил от Натали на сеансе спиритов, разговор поведётся именно о ней.

В столь роскошном особняке Акиму Евсеичу ещё бывать не приходилось. Вместо свечей комнаты освещали электрические лампочки! Удовольствие пока дорогое и редкое. Лакеи одеты в одинаковую форму из дорогого сукна и все как на подбор крепкие седобородые мужики с внимательными цепкими глазами. Так и держат тебя под прицелом, шагу лишнего не ступить! Из гостей кроме Акима Евсеича приехали ещё двое молодых щёголей, поболтали о том о сём и незаметно исчезли.

— Уважаемый Аким Евсеич, не буду лукавить, — начал разговор граф, — я тщательно выбираю будущую графиню Немирову. Но у меня особенные требования. Она должна быть не просто красива, но настолько красива, чтобы выделяться из ряда светских красавиц. Да, конечно, требования таковы, чтобы девица была невинна. А, ваша дочь вдова, и с этой стороны...

— С этой стороны у Кузьмы Федотыча нареканий не имелось! — Аким Евсеич всем видом продемонстрировал своё негодование.

— Я не к тому, чтобы... в общем, поскольку Наталья Акимовна вдова, то этот пункт моя забота. Должен сказать, что мне её статус придётся отстаивать перед родственниками!

— Да, я озабочен будущим своей дочери. Траур она соблюла самым строгим образом, и теперь держать молодую даму в одиночестве... — Аким Евсеич покачал головой — не дело! Но я вам не навязываю свою дочь, это вы завели подобный разговор. В то время как я о вас почти ничего не знаю. Каков вы по характеру? Не покажется ли самый злостный вампир — безобидным злокой?

— Ваши слова продиктованы отцовской любовью. Это понятно. Но у вас есть только одна возможность вывести дочь в высший свет — это брак со мной. Если я решусь на ней жениться.

— Однажды я уже воспользовался единственно представившейся возможностью...

— Неужели жалеете? — чуть иронично, но как-то всё же по-доброму улыбнулся Немиров. — Так вот, кроме того у моей невесты должен быть безупречный вкус в одежде и во всем остальном. А главное она должна быть настолько умна, чтобы показаться... на самом высшем уровне. — Граф, кивнул Акиму Евсеичу и поднял бокал с рубиновым вином.

— В столице, говорят, образованных красавиц — что цветов на клумбе. А Натали воспитана в провинции. — Аким Евсеич тоже пригубил вино, немного согрел бокал в ладонях, понюхал, прищурился явно от удовольствия. Граф опять улыбнулся, теперь уже чуть лукаво.

— Ум и образованность не всегда одно и то же. Хотя одно другому не мешает. А ещё...

должна графиня иметь в себе нечто такое, чего бы не было и быть не могло ни у одной другой женщины!

— Боже милостивый, граф, и что же это может быть? — неподдельно удивился Аким Евсеич. — Возможно, сказочное состояние? Такое, чтобы всех поразить?

Граф улыбнулся, покачал головой:

— Если вы беспокоитесь о моих делах... Я богат. Я не мот, не ветреник, но игрок...

— Э...

— На политической арене. — Немиров немного помолчал и продолжил: — Нечто такое, что имеет ваша дочь, и нет ни у кого — это имидж вдовы вампира. — Увидев определённое выражение на лице Акима Евсеича, граф поднял руку, жестом предупреждая, что он не завершил мысль.

— Не полагаете же вы, что я верю, пусть и талантливым, одарённым, но мошенникам?

— Вы столь уверены, что ничего подобного существовать не может? — Теперь уже сарказм звучал в голосе Акима Евсеича. Граф внимательно посмотрел на него. Было нечто такое в голосе и во всём внешнем виде Акима Евсеича, что граф Немиров ответил даже более серьёзно, чем ожидал Аким Евсеич:

— Я полагаю, что да, существует нечто неземное, понять которое мы пока не в силах. Но ещё больше мошенников, чем настоящих экстрасенсов. Поэтому надо быть внимательным, чтобы не попасть на их уловку. Однако, мы сейчас о другом.

— Да вы правы. Разговор наш несколько отклонился в сторону Флоренс Кук. И тут я должен сказать, что трудно рассмотреть в тёмной комнате грань между одаренным экстрасенсом и талантливой мошенницей.

— Вы посетовали, что почти не знаете меня. Сейчас имеете возможность, замечу, почти никому не доступную, познакомиться со мной поближе. Так вот, меня направляют послом в... очень сложную страну. И графиня Немирова, последовав за мной, будет представлять там Россию. Она даже в большей степени, чем я, будет стоять под ударами хитросплетений политических интриганов. Поэтому жизненный опыт, который она приобрела, находясь в статусе вдовы вампира, и есть то редкое качество, которого нет ни у одной юной девицы. Ведь повлиять на мужа можно и через жену. А если жена не дальновидна, падка на лесть? Наконец, просто ревнива или того хуже — глупа? Каждое это качество будет работать против меня. Вот и подумайте, какую женщину я должен найти, чтобы не разочароваться. Я в чужой стране хочу иметь надёжный тыл за спиной и при необходимости умного помощника, которому мог бы доверять.

— Но вы желаете обрести семью, или принять на... э... работу даму? — Немного даже растерялся Аким Евсеич.

— Желая найти жену, с которой поднимусь до самых возможных высот в карьере, с которой буду делить не только постель, но и свои мысли, чувства.

— Я право, не знаю...

— Наталья Акимовна заинтересовала меня.

— Но, за всё золото мира невозможно купить счастье.

— Дорогой, Аким Евсеич, вы же в своей жизни попробовали... счастья без золота? Быть богатым и несчастным — можно. Но вот быть бедным и счастливым? Не знаю, не знаю.

Аким Евсеич вытер платком выступившую на лбу испарину:

— Мы обеспечены. Нищета нам не грозит. Конечно, по сравнению с вами, мы бедны как церковные мыши. Но, у меня недавно состоялся разговор с дочерью... Я уже говорил

вам, что тоже озабочен брачным вопросом. Надобно подыскать партию Натали. Но с ней всё не так просто. Она... не желает идти под венец с... э... нелюбимым.

— Впервые вижу отца, который говорит о любви дочери, а не о состоянии будущего зятя и считает, что если нищета не грозит, то денег достаточно! Однако мне нравится то, что ваша дочь не корыстна. Это, редкое теперь качество, плюую к её самообладанию. Вы должны понимать, она зачахнет в этой глуши. Застоявшийся омут маленького городка вскоре начнёт теснить ей грудь уже одним своим воздухом, каждодневной скукой похожих как две капли воды дней. И потом, бриллиант должен иметь соответственную оправу. Меня бы не удивило такое отношение к браку юной девицы, но вдова... вампира... А ещё пуще удивили вы.

Аким Евсеич почувствовал, как к его лицу приливает кровь.

— Просите, мы не имеем такого состояния как вы, но... Я вынужден откланяться.

— Просите меня, если невольно обидел! Я только имел в виду, что ваша дочь не только красива, она умна, хорошо воспитана, ей выпало немало пережить, и она достойно держит на себе этот груз.

— Что сказать? О таком женихе я и мечтать не мог. Но теперь — как решит Натали. И... да, вы, верно заметили: моя дочь, скажу без лишней скромности, красивая и умная. А теперь подумайте о том, какая это гремучая смесь? А с годами добавится опыт и уверенность в себе... Так что...

— Аким Евсеич! Вы не перестаёте меня удивлять! Любой отец двумя руками ухватился бы за такое будущее для своей дочери. А вы пытаетесь вселить в меня сомнения в правильности моего выбора. Это как же понимать?

— Что ж, дорогой граф? Буду с вами откровенен до конца. Кроме Натали у меня никого нет. И расставание с ней... возможно навсегда, для меня невыносима сама мысль об этом.

— Я вас понимаю. Но счастье дочери — ни это ли главное? И потом, вы ещё... — граф замолчал, подбирая слова.

— Простите, граф. Я понимаю, о чём вы. Но всё это возможные перспективы, а расставание — скоро и неотвратимо. — Аким Евсеич вздохнул, грустно улыбнулся: — Совсем недавно я держал на коленях маленькую кудрявую девочку и вот... — Аким Евсеич усмехнулся краешком губ, как-то грустно наклонил голову: — вдова вампира.

Граф был поражён откровенным, но без излишних подробностей личной жизни, разговором с Акимом Евсеичем.

— А потом, с чего вы взяли, что я навсегда умыкну у вас дочь? Ведь будут, я надеюсь, внуки, и если вы сочтёте возможным, ваше влияние на них было бы благотворным. Да и меня очень бы устроил такой тесть как вы.

— Простите, граф! Мы говорим с вами, как о решённом вопросе, а это не так. Каждый из нас услышал мнение собеседника и пока на этом остановимся.

Выгодный заказ

Жизнь заворачивала Акима Евсеича во всё более крутой водоворот. Пришлось привыкать ложиться спать за полночь, а ужинать в то время, в которое в прежние годы спать ложился. И всё бы ничего, но вход во вновь открывшиеся двери, оказался очень дорог. Большие траты на гардероб, на ответные обеды и ужины, устраиваемые у себя дома, частые поездки в уездный город, а это траты на дорогу, на проживание в дорогих съёмных квартирах... В общем всё это влетало Акиму Евсеичу в копеечку, которую надобно было зарабатывать. И вроде, грех жаловаться, дела выгодные и постоянные, будто сами собой напрашивались, только успевай поворачиваться. А ведь так хотелось вечером сесть у камина, взять в руки бокал подогретого вина и дремать за чтением газет. Ан, нет. То визит к одним, то к другим, то к ним с визитом. То бумаги накопились, требовали внимания, то деловая встреча в ресторации. Нанять себе помощника пока Аким Евсеич не мог. Вот и приходилось крутиться как белке в колесе. А тут ещё предстоящая встреча с Кириллом Романовичем. Оно конечно, дело намечается выгодное не только с финансовой стороны, но и в плане новых деловых знакомств. А уж если удастся восстановить дворец во всём блеске... да чтоб не задолго и по деньгам в разумные пределы уложиться, тогда... Что может ожидать его тогда, Аким Евсеич даже представить не мог, но чувствовал, понимал, что возможности откроются куда больше теперешних. Но Кирилл Романович — законный супруг Марьи Алексеевны!

— Чёрт его дери! — вслух выругался Аким Евсеич. Однако поехать следовало в один из ближайших дней, чтобы вновь из Бирючинска сюда не ехать, там тоже дела не ждали.

Встреча состоялась ближе к вечеру. Граф провожал Акима Евсеича лично, показывал покои, рассказывал историю каждой комнаты и вовсе не казался крайне обессиленным болезнью человеком. И, странное дело, не испытывал Аким Евсеич в этот раз к нему ни злости, ни ревности. Хотя видеть его всё одно было крайне неприятно.

— Горный воздух и отвары неизвестных мне трав, пить которые я вначале опасался, поддержали моё здоровье. И я намерен заняться своим родовым гнездом. А вот жена советует продолжить лечение. Она очень озабочена моим здоровьем. И даже выразила желание поехать вместе со мной.

— Пока вы с супругой отдыхаете на свежем воздухе, я постараюсь выполнить ваш заказ, — раскланялся Аким Евсеич, напряжённо ожидая, каков будет ответ на эту его реплику. И Кирилл Романович не заставил себя ждать:

— Ах уж эти дамы! Марья Алексеевна, склонив голову, высказала своё согласие сопровождать меня, — Кирилл Романович развёл по сторонам руки, а Аким Евсеич вдруг поперхнулся. Ведь он знал то, чего не знал Кирилл Романович о своей жене, то, что она ждала ребёнка.

— Но это было сказано таким несчастным голосом, да и дети... требуют родительской заботы и внимания. Однако оставить жену в доме, где начнётся ремонт, я тоже не могу и поэтому решил отправить её на время моего отсутствия в её родное гнездо — в Бирючинск. Жена неоднократно говорила мне, что дом её находится в приличном состоянии.

— Вы, вы — умнейший человек! Ведь что такое женщина в условиях... э... горной

местности? Сколько забот вам предстояло бы? Вы на природе, пьёте полезные отвары трав, а она скучает без общества, без своей портнихи, опять же парикмахер... Конечно, ваша супруга преданная жена, поскольку решила ехать вместе с вами в такую... э... глушь. Но, но вы же себе не враг?

Негромкий, бархатистый смех прервал излияния Акима Евсеича, которым он и сам был не рад, но вот вдруг посыпались!

— Ха-ха-ха! — смеялся Кирилл Романович. — Мне говорил князь Самойлов, что вы очень деликатный и умный человек. Но я не предполагал насколько! Понятное дело, дама, привыкшая к сонму слуг и жизни в обществе, оказавшись в горном селении, превратит жизнь мужа в сплошной кошмар, ещё и сама будет выглядеть страдальницей!

— Я, я... простите, не хотел сказать ничего... такого, — растерялся Аким Евсеич.

— А вы ничего такого и не сказали, мой смех относится к моим мыслям. Так вспомнилась одна старая смешная история, как жена поехала за мужем на каторгу и испортила ему всю каторгу, — опять смеялся граф.

И вроде не было ничего унижительного в его словах о Марье Алексеевне, но Акиму Евсеичу чудился какой-то подтекст. Похоже, всё, что она рассказывала об этом человеке — не преувеличение обиженной женщины, а чистая правда! Но ведь и понятно, Кирилл Романович взял Марью Алексеевну с "приданным" в виде двух детей, за что брат обеспечил его финансами, коих хватает и на лечение и на ремонт давно запущенного здания. Взять-то взял, но любить и уважать не обязывался! Вот и соблюдает правила хорошего тона, а недовольство и ревность — берут своё. Хорошо, что дети родные племянники, поскольку их отец его родной брат. И то, Марья Алексеевна сетовала, что ни тепла и ни заботы Кирилл Романович к ним не проявляет.

— Вам следует определить сумму средств необходимых для ремонта, а также указать сумму вознаграждения, которую вы желали бы получить за свою работу. Потом мы с вами обсудим сроки и все остальные необходимые в этом деле вопросы. Я оставлю на ваше имя банковский счёт, по которому вы будите отчитываться передо мной письменно, каждые десять дней, либо в случае крупных трат.

Раскланявшись, Кирилл Романович и Аким Евсеич разошлись. Аким Евсеич, решив, не тратить зря времени, принялся делать осмотр и составлять перечень работ необходимых к исполнению. Он переходил из одной комнаты в другую и уже понял, что не за день не за два эту бумажную рутину не завершит, когда, открыв дверь в очередную комнату, увидел Марью Алексевну. Полумрак, царивший в этом помещении, делал фигуру женщины и окружающие предметы таинственными, будто сама царица спустилась с небес, и медленно идёт ему на встречу.

— Я не ожидал вас тут увидеть.

— Мне кажется, вы стали избегать встреч со мной. — Она двигалась почти бесшумно, лишь лёгкий шелест шелка её платья слышался в тишине. — Но почему, почему чистая, бескорыстная любовь греховна? — Она подошла и прислонилась к его груди. Он обнял её ласково и нежно поцеловал волосы, глаза:

— Потому что пред Богом вы чужая жена.

— Только ваши руки коснутся меня, я забываю обо всех бедах и заботах. На меня будто благодать Божья снисходит. Что это, если не его промысел?

— Божий? Или дьявол над нами смеётся? — Акиму Евсеичу вспомнился странный

кривляющийся человек под окнами вовремя их встреч.

— Богу ли, дьяволу — я благодарна за счастье испытать такое чувство.

В соседней комнате послышались какие-то звуки. Аким Евсеич, жестом показав Марье Алексеевне отойти в сторону, нарочито громко шагая, направился в сторону, откуда слышались звуки, открыл дверь и увидел крупную крысу, что-то тащившую по полу. Захлопнул дверь, повернулся назад, но комната была пуста:

— Уж не привиделось ли мне? — Приблизил свечу к тому месту на полу, где только что стояла Марья Алексеевна. Вдруг, какой след остался? Но что можно разглядеть на гладком и чистом паркете?

— Кто я? Счастливейший из людей, или несчастный греховодник? — Но вопреки всему душа пела и блаженство, заполнившее его тело и душу в эти краткие минуты разговора, было сильнее и прекраснее даже того наслаждения, которое он испытывал с этой женщиной в постели.

" Как же так? Не может людское счастье быть грехом! Но... не возлюби жену ближнего своего... А если возлюбил?" — думал Аким Евсеич, возвращаясь назад.

— Значит, испытание такое Бог посылает! — вслух проговорил сам себе. Но заботу Акима Евсеича было, что называется, по горло, поэтому вскорости мысли его перешли на деловой лад.

Пока Аким Евсеич занимался составлением перечня работ, Натали пользовалась всё возрастающей популярностью. В каждом доме желали принять самую настоящую вдову вампира, да ещё мадам Кук страшным шёпотом кое-кому по секрету поведала, что на спиритическом сеансе Кузьма Федотыч посетил этот мир! И не только говорил, но злостный вампир чуть ноги слуге не переломал! И перечисляла свидетелей происшествия: всего семь человек! Да ни кто-нибудь, а какие все важные и серьёзные господа! Один граф Немиров — тот ещё скептик, чего стоил! Но и он не отрицал, что грохот слышал, и слуга жаловался — было дело. Стол? Да, и стол ходуном ходил, и голос был. Но в подробности граф не пускался, разговор завершал, мол, более ему сказать нечего. Зато княжна Самойлова рассказывала много и охотно, тем более что ей-то уж точно было что рассказать! Она живая свидетельница, как злостный вампир пытался из могилы восстать.

Аким Евсеич сколько ни откладывал разговор с дочерью о графе Немирове, однако пришлось завести.

В город с гастролями приехала труппа знаменитого театра. Билеты разлетелись — глазом моргнуть Аким Евсеич не успел. Натали сетовала, что упустили редкую возможность — увидеть таких артистов в знаменитой и популярной постановке! Уж не говоря, что все уважаемые в городе люди обязательно посетят театр, и самое желанное — попасть на премьеру! Но как!?

И тут пришла записка от графа Немирова. Он приглашал на эту самую премьеру Акима Евсеича с дочерью в свою персональную ложу! Странно было Акиму Евсеичу видеть обычно спокойную и рассудительную Натали взволнованно примерявшую новое платье и вдруг заявившую, что в этом платье пойти на премьеру, где будут самые известные и представительные люди города, она не может.

— Это платье, сшитое по самой последней моде, даст повод говорить, будто у меня нечего надеть и мы его к этому случаю купили. Хуже того, фасон необычный, ещё не знакомый в городе. Платье невольно будет бросаться в глаза... платье, а не я. Платье не

должно быть привлекательней хозяйки, оно должно быть скромным по фасону, но роскошным по ткани и крою.

Вот в свете этих событий, дождавшись, когда с Натали немного спадёт первоначальный пыл сбора на желанную премьеру, выбрав удобный момент, вечером, сидя в мягком кресле напротив дочери, Аким Евсеич издалека начал разговор. Но, сказать по чести, он и сам не знал: желает ли выдать дочь замуж за графа Немирова? Уж слишком далеки друг от друга их миры, могут и не пересечься больше. А ещё, странное, необъяснимое недоверие к графу теснило грудь Акима Евсеича. Но, делать нечего, Аким Евсеич счёл за лучшее, честно и откровенно рассказать всё как есть Натали. Он не умолчал ни о разговоре с графом, ни о своих сомнениях.

— Я всё думаю, что при его богатстве и знатности, он властен выбирать невесту из юных красавиц высшего круга, и вовсе не вдову. Да и кто мы такие для графа Немирова? А его: хочу невероятного, хочу иного... Что до меня, так более похоже на капризы избалованного юнца, что совсем не вяжется с личностью графа.

Натали молчала. Лицо её было спокойно и задумчиво, будто разговор шёл не о её собственной судьбе.

— Натали, я не тороплю тебя с ответом. Ты знаешь всё. Подумай, давать ли повод графу для ухаживания, или мне просить его оставить эту затею?

— Но теперь, сейчас, как же быть с театром? С приглашением в его ложу?

— Нет, отказаться очень не вежливо... нет, нет... это обидит его, может даже унизит, в какой-то мере. Такой поступок для нас непозволительная глупость. По крайней мере, я так думаю. Да и решения ты ещё не приняла.

— Как же нам быть?

— Мы примем приглашение, но в ложе я сяду рядом с графом, а ты с моей стороны.

Видение

В день премьеры парикмахер так долго колдовал над причёской Натали, что Аким Евсеич, заглянув в комнату, осведомился — не уснул ли он с раскалёнными щипцами в руках?

Вечером к театру одна за другой подъезжали кареты, в зеркалах фойе отражалось столько красавиц, будто представление началось уже от входа.

Шорох пышных юбок, лёгкий шелест разговоров, блеск огней и звуки настраивающегося оркестра создавали атмосферу наступающего праздника, торжества чуда, когда все собравшиеся будут свидетелями чужой жизни, чужих переживаний, трагедий и восторгов и все это произойдёт перед их глазами, под светом пюпитров на сцене.

Натали стояла у зеркала, когда увидела в отражении подходящего к ней графа. А за его плечом вдруг показалось и будто растворилось такое знакомое, такое... родное лицо! Натали продолжала напряженно всматриваться в зеркало. Граф шёл к ней, сопровождаемый восхищенными взглядами женщин и девиц, пытавшихся спрятать свои взгляды за развёрнутыми веерами. И вдруг... белое платье с пышными рукавами по... давно ушедшей моде, причёска...

— Матушка, — одними дыханием прошептала Натали.

"Как? Каким чудом она здесь? Нет, не может быть, мне показалось" — мелькнула мысль. — Натали пыталась успокоить, убедить себя, что это только видение или какая-то дама, лицо которой напоминает лицо матушки на портрете. Но платье? Натали осмотрелась. Ни одной дамы в таком платье не было, да и быть не могло. Натали перевела взгляд на графа... За его плечом, почти прозрачная, но всё равно явно различимая, двигалась фигура дамы. Оставалась пара шагов и граф подойдёт к Натали. На мгновение призрак встал между Натали и графом, который вдруг замер, будто что-то внезапно ощутив. Натали прижала руки к груди, опасаясь потерять сознание, и в это мгновение призрак исчез, граф удивленно осмотрелся по сторонам и с улыбкой шагнул к Натали.

Рядом зашептались:

— Вы видите? Видите? Она так влюблена в него, что чуть не потеряла сознание! — шептала одна дама.

— А он, он... смотрите, смотрите... будто заворожён! — отвечала другая.

— Что же вы хотите от вампирицы? — прошептала третья. — Приворожила.

И все трое с любезной улыбкой раскланялись явно самой красивой паре сегодняшнего бомонда.

Светло-кремовое платье из тончайшего китайского шёлка украшали только скромные фиалки по вырезу декольте и один единственный букетик этих цветов, прикрепленный к атласному персиковому поясу, подчёркивал тонкую талию. На стройной шее тонкая атласная лента держала один единственный цветок фиалки голубой эмали, в сердцевине которого блестел бриллиант. Эта изысканная, дорогая скромность выгодно выделяла Натали из ярких, броских кружев, обилия рюшей и оборок, от которых пестрело в глазах и все дамы сливались в сплошном, будто карнавальном, наряде.

Граф был одет в чёрный фрак, чёрные брюки, белую жилетку и белоснежную рубашку с

белым галстуком — бабочкой, тонкой чёрной окантовкой выделяемого на рубашке, в центре галстука поблескивала бриллиантовая булавка. Белые узкие перчатки и чёрные туфли завершали его туалет. Граф Немиров, рядом с ним Наталья Акимовна и её батюшка — привлекли такое внимание общества, что чуть было, не затмили премьеру. Ведь Аким Евсеич, хоть и не дворянин, но снискал репутацию человека состоятельного, деятельного, а кроме того: холост, внешне привлекателен, ещё не стар и одет с большим вкусом. Все эти качества немало ценились у местных матрон. Ведь в каждой семье часто имелось по несколько дочерей, и всех следовало выдать замуж. Что даже имея титул, но не имея достаточного состояния, либо того хуже, имея нажитые и всё увеличивающиеся долги, не так-то просто. Где же на всех набраться таких женихов как граф Немиров?

Однако когда расселись в ложах и партере, то зал опять был удивлён. Натали сидела со стороны батюшки, а не графа. И это могло значить что угодно: деловое знакомство графа с Акимом Евсеичем, или пока не решённый вопрос в отношении Натали. И возможно, на графа как на свободного жениха ещё можно надеяться? Или нет? Вот и разбери тут!

В ночь, после триумфального выхода в театр, как только в доме все успокоились, и Натали укрылась одеялом, ей всё слышались какие-то шаги да шорохи. Съёмная квартира была невелика: кухня, комната прислуги, папенькина комната, опять же её спальня и общая столовая, которую заодно использовали как гостиную, могла Настасья пройти или батюшка. Так убеждала себя Натали, но сон всё равно не шёл. В окно светил слабый свет уличного фонаря, и непонятные тени метались по стенам. Не в силах более лежать, она встала с кровати и тихонько, чтобы не разбудить батюшку, вышла в зал. Там, смежная с кухней стена печного отопления была тёплой, рядом с ней располагалось большое мягкое кресло. Натали, закутавшись в шаль, устроилась в нём с ногами. От стены веяло теплом, и она задремала. Однако сквозь дрему видела неясные очертания предметов в комнате и как мельтешит на стене тень ветки дерева, будто чья-то рука в окно машет. Натали продолжала неподвижно сидеть в кресле, пока неясный шорох не заставил обернуться к дверям. А там, в белом бальном платье, невесомая и лёгкая, почти не касаясь пола, стояла матушка.

— Матушка? — Натали совсем не было страшно. Выражение лица матушки было точно таким, как на портрете. Черты лица оставались неподвижны, но всё-таки Натали каким-то чудом слышала её беззвучные слова.

— Если выйдешь замуж за Немирова — поднимешься на большую высоту. Но старость твоя будет горькой, умрёшь в большой роскоши и одиночестве. Похоронена будешь должным образом с надлежащими почестями.

— Матушка, я так тоскую по вас! Матушка! — Натали слушала её слова, а душа не хотела верить, что это всего лишь призрак, настолько объёмно и явственно было видение! — Не уходи, матушка!

— Если выберешь любимого, познаешь счастье любви, горечь измен. Жизнь проживешь в скромном достатке, временами безо всякого достатка. В старости будешь окружена многочисленным потомством. Помрёшь — дети, и внуки горевать долго будут, и помнить будут.

— Матушка!

Но призрак дрогнул, отшатнулся в сторону двери, при этом ни одна оборка на платье не колыхнулась, ещё раз резко переместившись в сторону входа, видение поблекло и исчезло.

Натали продолжала сидеть в кресле. Душа наполнилась теплом, лаской и горечью

расставанья, будто не призрак вовсе привиделся, а сама матушка была рядом с ней.

Натали медленно поднялась из кресла, подошла к окну. За шторой, на улице махал на ветру перед жёлтым фонарём ветками тополь. И только теперь подумала, что видение было не просто так. Матушка и с того света предупреждала, оберегала как могла, свою дочь. Но никто не может прожить жизнь другого. Каждый сам выбирает свою дорогу. Натали стояла на распутье. Жизнь не всегда предоставляет человеку выбор, но в этот раз у Натали он был. Однако её ногам стало холодно, и она поспешила в спальню. Спрятавшись под тёплым одеялом, тут же заснула, будто и не мучилась от бессонницы половину ночи.

А утром батюшка объявил Натали, что завтра возвращаются в Бирючинск, поскольку городской голова, помня давешнее обещание Акима Евсеича помочь с проверкой счетов, прислал депешу и просит сопроводить его в Озерки, чтобы произвести эту самую проверку. Мол, сам он проверит, как там новый управляющий — Егор Петрович справляется по хозяйству, а Аким Евсеич бумажными делами займется. Всё ли в порядке и нет ли где воровства. А в качестве оплаты за услугу предлагал новые кованые ворота. И вроде плата слишком велика, но, похоже, деть ворота голове некуда, вот и решил сплавить, а там придумает ещё, что пустить в счёт оплаты тех ворот. Местный кузнец изрядно задолжал, да всё никак денег наскрести не мог, вот и предложил ворота, а городской голова в свою очередь, предложил их Акиму Евсеичу. Нужны ворота, не нужны ворота — дело десятое, ехать всё одно надо. А то того и гляди вытащит тот проклятуший халат из могилы зятя какой бродяга, который ни сном ни духом про вампира не ведает. А раз не ведает, то и вовсе не опасается. Что тогда? И Аким Евсеич стал обдумывать, как бы так деликатно, чтобы пимокат не заподозрил, что Акиму Евсеичу всё доподлинно известно, настропалить его, чтобы он быстренько съездил в Бирючинсук, да хорошенько закопал этот зловредный предмет одежды.

Рассказывать о ночном видении батюшке Натали не стала, чтобы не волновать его. Но сама всё ещё была под впечатлением от случившегося. Разум твердил ей, что это может быть только сон. А душа не сомневалась: матушка действительно была тут, рядом с ней! И Натали поверила душе.

Озерки обольстительные

Укатанная многими подводами просёлочная дорога петляла среди бескрайних полей, кое-где перемежающихся перелесками. Ехать до Озерков не сказать, что далече, но ухабы и крупные камни, выпирающие во многих местах по всей дороге, не позволяли дать лошадям прыти. И пара гнедых коней, отгоня чёрными хвостами паутов и всяких мелких кусачих насекомых, еле тащилась, изнывая от скуки. Скучали и седоки.

— Это что же, Пётр Алексеевич, кругом поля, местность ровная, что твой стол, а дорога виляет, будто бычок по малой нужде ходил? — вздохнул Аким Евсеич, всматриваясь в бесконечную бурую ленту, петляющую до самого горизонта.

— Сам диву даюсь. Помнится, с папенькой из Озерков ехали, я ещё мальцом был, тоже у него спрашивал. — Пётр Алексеевич улыбнулся в усы: — Так он сказал, что для бешеной собаки семь вёрст не крюк.

— Выходит, дорогу бешеная собака прокладывала?

— Не-е-е. Говорят, пьяные мужики, из города возвращаясь, зигзагами дорогу-то и протоптали, — хохотнул городской голова. — А там, пёс его знает. Сколько помню в нашем уезде все они такие.

— Кто? Мужики?

— Дороги, — опять хохотнул голова. Настроение у него явно поднималось по мере приближения к Озеркам.

Так, коротая время в разговоре о том о сём, они выехали на пригорок. И тут Акиму Евсеичу открылась сказочная картина. Меж зелёных склонов невысоких холмов круглые, словно блюдца, смотрели в небо пять голубых озер. Вокруг каждого густо зелёным кудрявым кольцом разрослись деревья и кустарники. А дорога, по которой они ехали, сделав лихой завиток, входила в деревеньку.

— Вон, вон, видите? — не вытерпел и поднялся на ноги городской голова. — Жёлтый дом, как игрушечка стоит! — И столько радости звучало в его голосе, что Аким Евсеич тоже невольно стал всматриваться вдаль. И действительно увидел двухэтажный барский дом, окруженный, по-видимому, парком, парой флигелей по бокам, и ещё какими-то постройками, рассмотреть которые пока было невозможно.

— А девки, Аким Евсеич, какие девки в Озерках! — жарко зашептал в самое ухо бывшего писаря городской голова.

— Так ведь... грех непростительный! — смутился Аким Евсеич.

— А вот пусть тот камень в нас кинет, кто без греха! — ерзал на сиденье Петр Алексеевич.

— Ждут, наверное вас, жарят, парят, баньку топят, — перевёл скользкую тему Аким Евсеич.

— Ан, нет! Не угадали. Я, так сказать, как снег на голову — нежданно-негаданно! Уж проверка, так проверка!

— Да-а-а... — немного растерялся Аким Евсеич, не любивший никаких сюрпризов и неожиданностей. Тем более тут, как ему казалось, ничего хорошего ожидать не приходилось. Тем временем повозка подкатила к барской усадьбе и остановилась возле ворот, которые,

казалось, были выполнены из кружев, а не из тяжелого и хрупкого чугуна. Поражённый красотой этих ворот, Аким Евсеич поинтересовался: не один ли и тот же мастер выполнил эти ворота и те, что ему Пётр Алексеевич "сватает"?

— Нет. Эти ровесники моего деда, он их ставил. А твои, — как о решённом вопросе высказался голова, — твои внук того мастера делал. Дед по чугунному литью мастер был, а внук, вишь, в ковку ударился.

— Это же сколько будут стоить мои ворота? — ужаснулся Аким Евсеич. — Не придётся ли мне их пожизненно отрабатывать?

Городской голова кашлянул в кулак, хитро улыбнулся:

— Ни Боже мой! Ну, когда по-дружески вот так съездим вместе с ревизией. Опять же природа, отдых, ну и грешные дела, разумеется.

— Пётр Алексеевич, куда мне такие?

— Слышал я, граф Сташено-Дагомышский за ремонт своего дворца взялся...

— Так ить там каждая копейка на счету.

— Оно так. А ворота у него на въезде проржавели. То и гляди рухнут, да кого из гостей придавят! Я тебе новые по сходной цене отдам. А уж там как вы с графом между собой договоритесь — моё дело сторона. Чистая выгода и тебе, и ему. — И тут голова сменил тон на недовольный: — Да что же это такое? Привратника — след простыл! Где обретается душа беспутная?! — указал тростью на располагающуюся возле ворот сторожку. — И из дома видать подъездную аллею!

— Так, наверно, редко открывать ворота ему приходится. Вот от скуки и направился куда-никуда. А на аллею мы пока не въехали, — но договорить Аким Евсеич не успел, по той самой аллее опрометью мчался мужик.

— Смотрите-ка, хватились!

Следом, хоть и не так прытко, размахивая веником, бежала деревенская баба, по виду, будто даже крупнее мужика.

— Ишь как засуетились! — Сбежавшаяся к крыльцу прислуга, наконец, рассмотрела за воротами повозку. К воротам спешно направился небольшой мужичок. Приблизившись, и узнав хозяина, бегом кинулся открывать ворота, да так заторопился, что обогнал бежавшего впереди мужика. Тот от неожиданности запнулся на ровном месте, и рухнул лицом на землю. Тут его и догнала баба с веником.

— Похоже, не до нас им. — Не в силах скрыть улыбку, Аким Евсеич, добавил: — Сами желали сюрприза, — и осекся. — Э... похоже это Егор Петрович... ваш... новый управляющий, — вытер мгновенно вспотевший лоб. Неужто каких дел натворил? Да назад вернётся? Только этого не хватало!

— Марфа, чёртова кукла, — совсем не зло строжился Петр Алексеевич, — это с чего ты своё начальство веником лупцуешь?

— Батюшки мои, Пётр Алексеевич, свет вы мой! — бросив веник прямо на голову Егору Петровичу, кинулась целовать руку городскому голове. И хоть одежда на Марфе была деревенская, но чистая, богато вышитая, и видно, что грязную работу этой Марфе выполнять не приходилось. Егор Петрович, тем временем, поднявшись с земли, красный как варёный рак, отряхивался от пыли. От удивления Аким Евсеич замер на манер каменной статуи. Где это видано, чтобы в имени управляющего так обихаживали? А хозяин и глазом не повёл, только усы расправил, да облобызал устроительницу побоища.

— Ладно, ладно, в доме разберёмся, — пресёк голова всякие попытки объясниться со

стороны Егора Петровича. Но взглядом окинул и аккуратно скошенную траву, и чистую аллею. Крыльцо дома также показывало прилежность управляющего: чисто выметенные ступени вели к дверям, открывшимися бесшумно и легко. В доме тоже был полный порядок. Так, что если бы и возникло желание придраться, то и не нашли бы к чему.

Обильный ужин, сдобренный сливянкой местного приготовления, поверг Акима Евсеича в расслабленное состояние духа. Не в силах противостоять природе, он вышел на веранду и вдыхая чудный деревенский воздух, устроился в мягком кресле возле настежь распахнутых дверей, выходящих в сад. Как задремал, сам не заметил. Сквозь дрему ему слышался странный шёпот, и сладострастные звуки.

"Это ж надо, как деревенский воздух, против городского силён? — думал в полудрёме Аким Евсеич. — Поневоле согрешишь. И сны и мысли грешные..." — но тут вдруг встрепенулся. Ну не могли такие звуки в мыслях происходить! Окончательно выйдя из дремотного состояния, Аким Евсеич прислушался. Напротив веранды пряталась в густых плетях вечно зелёного плюща небольшая беседка. Вот оттуда и доносились обрывки сладострастных звуков. И тут Акима Евсеича осенило: "Не иначе как Егор Петрович какую-либо девицу обихаживает. Зато и получил веником от её мамы. А вот я его сейчас! Всё-то ему неймётся!" — подумал так, и стал аккуратно пробираться к этой самой беседке, решив вначале узнать как далеко там дело зашло. А там уж видно будет. Главное, чтоб Пётр Алексеевич не раздосадовался на такое поведение управляющего, да не выгнал его взащей. Подкрался Аким Евсеич к беседке и замер за густыми ветвями. И тут слышит, как женский голос кавалера голубем сизокрылым величает, и жаркие слова говорит, призывая переместиться из беседки на сеновал.

— Мало ли, кого сюда принесёт? Да и неудобно тут.

— А помнится, прошлый раз очень даже удобно получилось, — хохотнул мужской голос. И таким знакомым показался Акиму Евсеичу этот голос, а из знакомых здесь городской голова, да бывший пимокат. Ну, ни голова же в беседке тешится? Не иначе Егор Петрович! И Аким Евсеич, не медля более, решился! Со всей прыти оббежал беседку и заскочил внутрь с криком:

— Ах ты, кот блудливый! Так вот за что тебя ве... ве... веником... — и поперхнулся на полуслове. Прямо напротив его две белых филейных половинки нижней части мужского тела, в объятии женских ножек на мгновение замерли и оба тела грохнулись на пол. Он, не имея возможности подняться в спущенных штанах, она, запутавшись в широких складках вышитой юбки. Это были городской голова и та самая крестьянка, что обихаживала бывшего пимоката веником. Аким Евсеич в растерянности проронил:

— Господи, да что ж это за напасть такая на меня? Сначала сына в беседке застукать сподобился, так балясиной прилетело. Теперь вот отца его... А прилетят, однако, кованные ворота.

— Ты... никак молишься, чего — то там про отца и сына шепчешь? — потирая ушибленные колени, спросил Петр Алексеевич. — Тоже мне, святой дух выискался!

— Простите, Христа ради, я... я подумал совсем о другом человеке.

— Ну чего встал? Испортил всю обедню! — и, повернувшись к своей даме, добавил: — Пошли, однако, Марфа, и правда, на сеновал! Не дадут тут нам покою!

На подкашивающихся ногах вернулся Аким Евсеич на веранду. Это ж надо так подсуропить самому городскому голове? Зато теперь ясно, как белый день в кого Алексей

Петрович пошёл! А Натали всё вздыхает украдкой! Нет, принуждать дочь, конечно не дело, но совет родительский, не связывать жизнь с блудливым котом, он дать в праве и даже обязан!

Только устроился Аким Евсеич в прежнем кресле, да пропустил рюмку холодненькой водки под маринованный опёнок, как из комнаты на веранду бочком вошёл Егор Петрович. Весь его вид говорил о том, что дело у него к Акиму Евсеичу неординарное и крайне волнительное.

— Чего тебе, Егор Петрович? — спросил Аким Евсеич. И вроде не было, после пережитой истории никакого желания у Акима Евсеича вести разговоры — переговоры, но и кто знает, как дальше обстоятельства обернутся? А дело и у него к Егору Петровичу имелось.

— Помощь ваша нужна. Вам это ничего не будет стоить, а уж я в долгу перед вами не останусь. Помните давешнюю картину, нелицеприятную для меня?

— Да уж, отличился, нечего сказать! — покачал головой бывший писарь, а сам подумал: "Лучшего времени поговорить о халате, закопанном на могиле зятя, не придумать!"

— Все из-за Катеринки. С веником — это матушка её меня... значит...

— И за что сподобился?

— Любовь у нас с Катенькой. С обеих сторон и с моей, и с её... значит.

— Жениться собираешься? А матушка её против?

— Матушка пока против, но согласится. Куда как охотно согласится.

— Да-а-а? — начал догадываться Аким Евсеич к чему дело бывший пимокат клонит. — Ты управляющий в богатом имении, не последний человек! Так что за счастье дочери должна счесть такого зятя. — Про себя Аким Евсеич даже трепет радостный почувствовал, ведь не это ли главное, оженить пимоката вдали от Бирючинска?

— Тут дело такое... Катерина дочь не только той крестьянки с веником, но и... Петра Алексеевича.

— А-а-а... — тут у Акима Евсеича всё разложилось по полочкам. И главное вспомнил, ведь ещё когда "сватал" пимоката городскому голове на должность управляющего, тот говорил, что в имении живёт девушка, воспитанная, как настоящая барышня и отец её, очень уважаем в этой местности. Будучи человеком практичным, Аким Евсеич решил, что городскому голове услужит, пристроив незаконнорожденную дочь замуж. Да не абы как, а к вполне приличному человеку, каким вполне обоснованно считается Егор Петрович. А история та с веником... так вряд ли Петр Алексеевич осудит, сам не промах. Это с одной стороны, а с другой — пимокат на веки вечные привязан будет к Озеркам, да ещё обязанным будет по гроб жизни Акиму Евсеичу.

— Оно, конечно, — принял задумчивый, и даже озабоченный вид Аким Евсеич, — с Петром Алексеевичем, мы можно сказать на дружеской ноге. И замолвить словечко, конечно, можно.

— Да уж поспособствуйте.

— Тут в Бирючинск князя Самойловы приезжали... на могилку к Кузьме Федотычу полюбопытствовали. А там, говорят, будто опять вампир подняться пытался.

— Э... э... Я-то тут причём?

— Так обряд-то ты производил. А княгиня чуть чувств не лишилась, когда край красного бархатного халата из могилы показался!

— Что ж мне теперь уговаривать его из могилы не вылезать? — совсем не просительным, а скорее раздражённым тоном, проговорил Егор Петрович.

— А мне городского голову с какой стати уговаривать свою единокровную дочь за тебя замуж отдавать, да ещё спешно? Может у него кто другой на примете есть? Девка-то не бесприданница! — Увидев, что Егор Петрович пытается что-то возразить, жестом остановил его.

— Ну, кто без греха? А хорошее приданное... многое покрывает. Так что езжай, хочешь молебен закажи, хочешь — как хочешь, но чтоб более вампир по городу этим злополучным халатом не размахивал! Вот тогда и поговорим о твоей женитьбе.

— Опасаюсь, вдруг её матушка заподозрит...

— Так, так. Тебе-то позорить такую девку, ох как не с руки! Боком выйдет! Можно и места лишиться.

— Да и в мыслях не держал худого! Жениться честь честью желаю.

— Вот и надо было честь честью. А ты?

— Как же быть-то? — не на шутку взволновался бывший пимокат.

— Завтра ревизию у тебя начну. А тебя... а тебя отправлю в Бирючинск. Записку на стройку подручному передашь. Ну и заодно... про халат не забудь. За пару дней обернёшься. А я к твоему возвращению... уж так и быть, поспособствую скорейшей свадьбе, ежели воровства не обнаружу!

— Ежели какую бумагу пропустил, что не надлежаще оформил, не взыщите строго. За дорого ничего не покупал, дешёво не продавал. Желал себя с наилучшей стороны показать. Так что воровства за мной не числится, как на духу заявляю!

— Ладно, ладно, погляжу... там. А ты, как бумагу от меня получишь, езжай немедля. Да помни про халат!

— Всё будет в лучшем виде! — кинулся к выходу, но остановился. Странно посмотрел на Акима Евсеича и было заикнулся что-то спросить, но передумал, скрылся за дверью.

Кладбищенские жители

На следующее утро, только успел Егор Петрович по хозяйству дела завершить и собирался перекусить, чем Бог послал, а послал, похоже, пироги с вкуснейшей начинкой, услышал голос Акима Евсеича:

— Егор Петрович, а не будите ли так любезны, съездить в Бирючинск с необременительным поручением? Я уж и у Петра Алексеевича разрешение для вас выпросил.

— Ежели Петр Алексеевич позволяет, так я с превеликим удовольствием, — удрученно вздохнул бывший пимокат. Ну, это же надо, и тут достал проклятый халат! И пошёл собираться в дорогу, подумав, что не бывает худа без добра, заодно этот злосчастный пояс в могилу проклятого вампира зароем. Ну, тот, что необъяснимым образом у него в кармане домашнего кафтана очутился. Сунулся в одно место — нет пояса. Поискал в другом — нет, как нет! Быть такого не могло. Ведь отчётливо помнил, как прятал его по приезду: красный с золотыми драконами. Ежели переложил в другое место, да запомнил? Обыскав все возможные места, почувствовал, что обуревают его тихая паника. И ни ехать нельзя и ехать, не найдя этого жуткого пояса, ни то ни сё. Как тут быть? А солнце тем временем, стало подбираться к полудню. И Аким Евсеич не выдержал. Чего это пимокатишка копаётся? Давно бы уж полдороги отмахал, а он всё тут толчётся!

— Егор Петрович, уж больно долги ваши сборы. Дел то, на копейку!

И бывший пимокат решил: "А была ни была. Расскажу Акиму Евсеичу всё и про этот халат и про пояс! И то мне показалось вечером на веранде, будто он что-то смекает. Может, что дельное посоветует". Подумал так и тут же понял, что тогда придётся рассказывать и каким путём этот халат у него оказался. Что за такое дело по головке не поглядят — так это и к бабке не ходи! А следом история с Катериной в затылок прилетит! Прощай тогда доброе отношение хозяина и хорошая репутация. Что ни сделай, всё с подозрением смотреть будут, а то и вообще места лишишься!

И тут на крыльце показалась Катерина. Она в волнении теребила кончик косы и с мольбой смотрела на Егора Петровича. Хороша была Катерина не только приданным и воспитанием. Длинная коса, голубые глаза, белолица! Эх, как с картинки сошла! При одном взгляде на неё мыли у Егора Петровича, тут же переменились:

"Чёрт с ней, с этой тряпкой, — решил Егор Петрович, — суждено, так вновь объявится! А нет — так на нет и суда нет". Но напоследок, проговорил матушкину скороговорку, она, когда что теряла и долго найти не могла, всегда твердила: "Чёрт, чёрт, поиграй, да отдай!" Проговорил так Егор Петрович в сердцах трижды и направился к повозке. Глядь, на лошадиной упряжи оголовье и подхвостник красным цветом с чего-то сделались, да ещё блеснули как-то странно. Присмотрелся: бархат красный и возле лошадиного хвоста четко золотая голова дракона виднеется!

— Ивашка, — не помня себя, закричал Егор Петрович. Молодой и расторопный конюх как из-под земли вырос у повозки:

— Откуда на лошадиной упряжи эти лоскуты взялись?

— Так, Егор Петрович, смотрю, борзые тягают красную тряпицу. А она ещё и золотом

блестит. Петрушка собак приструнил, а мне сказал, не узрел, откуда они эту тряпицу вытащили. Ну не пропадать же такой красоте, вот я и приспособил поперх на оголовье и подхвостник.

Егор Петрович сидит, и слова молвить не может, онемел будто. А конюх, видя, что управляющий слова против не говорит, хоть и всем известно, строг, разошелся:

— У меня там ещё клочок остался, так я себе к кольшку на картуз...

— Ах, ты...

С чего так взвился управляющий, Ивашка так и не понял, но получив порцию ругани и указание срочно снять с упряжи эту срамоту, очень был обижен такой неблагодарностью. Выяснить, как борзые выискали спрятанный пояс, Егор Петрович не стал. Когда Ивашка привел упряжь в надлежащее состояние и принёс остатки этой красоты, Егор Петрович собственноручно побросал всё это в печь, на которой готовился обед. И не дожидаясь напоминания от Акима Евсеича, понужнул лошадь.

Матушка Егора Петровича вместе с ним в Озерки переезжать отказалась. Говорила, что пока руки ноги гнутся, из своего дома никуда! Тут она сама себе хозяйка, как хочет, так и строчит. А ещё, уж какой год водила она дружбу с церковным сторожем. Хаживали друг к другу в гости на чай и коротали долгие зимние вечера. На советы соседей прибиться к одному углу, оба головой качали, утверждая, что у каждого свои привычки и теперь уж поздно их менять. А вот помощь посильную друг другу оказать — это сам Бог велел. Учитывая их преклонный возраст, никаких сплетен про них в городке не плели, а некоторые даже завидовали.

Ещё в дороге Егор Петрович рассудил, что на кладбище прикапывать злосчастный халат направится ранним утром, чтобы упаси Бог, кто не приметил. И наступивший вечер проводил с матушкой и её гостем, церковным сторожем, за чаем и пирогами. Напившись чаю, Егор Петрович дремал на старом диване, оказавшись невольным слушателем разговора матушки и сторожа.

— А вчера, мужики с кладбища вернулись, и не поверишь, ни в одном глазу. А могил выкопали три штуки. Конечно, родственники акромья оплаты выпивку поднесли.

— Никак случилось что? — Пододвинула сторожу пироги: — Ты Никодимыч, кушай пироги, кушай.

— Так вот я и говорю, батюшка к мужикам с вопросами: что случилось, что тверезые вернулись.

А они трясутся и токмо что зубами ни клацают от страха. Ну, каждый из них ни по первому году могилы копает, так что всякого навидались. А тут...

Егор Петрович прислушался внимательней. И тревожное предчувствие засвербело под ложечкой. А Никодимыч тем временем продолжает:

— Батюшка, — говорят, — не подумай, что по пьяному делу, но покойнички некоторые, слава Богу не все, из могил повылезали и жить на поверхности устроились!

— Ох, ах! — Схватилась за голову матушка Егора Петровича. А сторож, даже пироги кушать перестал, через стол перегнулся, глаза округлил, и продолжил:

— Известное дело, батюшка, не поверил. И велел пьянку прекратить, а то вон до чего допились! А мужики крестятся и утверждают, что среди восставших покойников главарём Кузьма Федотыч в своём красном бархатном халате. Сам с лица чёрен и халат местами истлел до того, что тело изъязвлённое просвечивает. Оно и понятно, сколь годков в земле

возлежал, попортился чуток.

— Ну и?

— Ну и отобрал вампир проклятый водку-то у мужиков, да ещё пригрозил, чтоб околоточному жаловаться не вздумали.

Сна у Егора Петровича как не бывало.

— Мужики-то те где? — спросил как бы нехотя, вроде как для интереса.

— Так по домам все тверезые и разошлись. А уходя, добавили, что могила Кузьмы Федотыча разрыта, мол, своими глазами видели. Так что, пойду я, матушка, домой, пока не стемнело. А то как-то на душе муторно. Кто его знает, вдруг опять по городу шастать начнёт?

Этого только не хватало Егору Петровичу! С одной стороны, он-то знал, что за злостный вампир по городку раскатывал, а с другой — прекрасно помнил тот ужас, когда покойный Кузьма Федотыч ночью пожаловал, и пояс от своего халата ему в карман кафтана сунул. И так и этак прикидывал Егор Петрович, получалось, что сам он дел натворил, конечно, но и есть нечто такое, что объяснить он не в силах. Так или иначе, а на кладбище утречком идти придётся. А там уж видно будет, что и как.

Улёгся Егор Петрович в свою кровать, а взор в ночном сумраке вперился в то место на стене, откуда прошлый раз Кузьма Федотыч появился, только прикроет глаза, они будто сами собой открываются и опять смотрят туда же. И сон ни в какую не идёт. Состояние такое будто ждёт чего-то. Вот и за полночь перевалило, а всё тихо, мирно. Он было успокаиваться начал. И тут слышит смешок, отвёл взгляд в сторону, а там в кресле сидит Кузьма Федотыч и посмеивается. От лампадки свет как раз на него падает. И видно все так отчётливо, что даже чёрное тело через дыры на истлевшем халате просматривается. А на голове кожа сморщилась и ключьями в некоторых местах отошла. А тут ещё запах сырой земли и ещё чего-то незнакомого, но отвратительного до того, что Егора Петровича чуть в кровати ни стошнило.

— Чего рожу-то воротишь? Не нравлюсь? А уж мне-то как не нравится в таком виде обретаться!

— Так я тут причём? — сам не свой от страха, попытался осенить себя крестом Егор Петрович. Кузьму Федотыча передёрнуло:

— Прекрати сей момент, — и злоба так исказила это ужасное подобие лица, что Егор Петрович замер, натянув одеяло до подбородка.

— Ты-то? Ты-то причём? Назвался груздём — полезай в кузов. Взятся моё воплощение в земной жизни представлять — изволь исполнять. Сам ввязался, никто не заставлял. Не ты ли в опочивальню к моей вдове влез в ту ночь, когда я заживо похороненный тяжкую муку терпел? Ни ты ли кол в моё мёртвое тело вбивал? Так что не открестись, не отмолишься. Ладно, будет время тратить. Ещё немного и петухи запоют. Так что по делу говорить буду, а ты слушай, и не вздумай ослушаться.

— Кузьма Федотыч, смердишь ты уж больно сильно. Невмоготу мне, — едва подавляя рвоту, выговорил Егор Петрович.

— Тут уж ничего поделывать не могу, дела мои земные так пахнут, — и опять усмехнулся. — Ты тоже не лучше смердеть будешь.

— Не хочу... Я кроме как в тот раз в окно влез, более-то ни в чём и не грешен!

— Не грешен? А кто в моём облиии в повозке раскатывал? А кто честную Катерину корысти ради обманул? А помнишь, как в баньке уговаривал мою вдову согрешить с тобой и

выдать твоего отпрыска за моего?

— Так ничего же не вышло. А в мыслях и не считается вовсе, — пытался оправдаться бывший пимокат.

— Это ежели сам отказался. А тебе по сусалам дали.

— А с Катериной у нас всё полюбовно. Я жениться очень даже желаю.

— Была бы она бедной крестьянкой, а не внебрачной дочерью городского головы, тоже бы желал? — хохотнул синими губами Кузьма Федотыч. — Тот ещё греховодник!

— И откуда это вам всё известно, что грешно, а что и не считается?

— С Богом разговаривал.

— И что он сказал, — округлил глаза Егор Петрович.

— А не хочет он со мной говорить. — И криво усмехнулся, оскалив пожелтевшие зубы. — Но расстаться со мной ты можешь.

— С превеликой радостью... — и бывший пимокат сам испугался своих слов. — Что же мне делать в таком разе предстоит?

— Дать обед бедности и блюсти его всю жизнь. Взять мне с тебя будет нечего, и значит, приходить не зачем. — И на удивление грустно закончил: — Зато на беседу к Богу попадешь. И вид такой, как у меня тебя не коснется.

— У- у-у... — заскулил Егор Петрович. Воняет, оно конечно, воняет, но кого хошь после смерти через долгое время из могилы подыми, тоже благоухать не будут. А при жизни опять считать каждую копейку, да ещё и от Катерины отказаться! Нет уж! И тут поймал себя на мысли, что беседует с Кузьмой Федотычем как с живым и ничуть не смущается его внешним видом.

— Охо-хо! За деньги людишки ещё не такое терпели. Слушай, — хлопнул себя Кузьма Федотыч по коленке, а она возьми и отвались. — Тьфу, ты! — поднял, пристроил на прежнее место, прикрыл грязной полкой халата.

— Значит так, во-первых, кладбищенских жителей помой, накорми и в ночлежку пристрой. — Обещал я тому, что в мой халат вырядился.

— Так вроде на вас надет халат-то...

— Я вообще-то мёртв. Нет меня тут, и значит, халата нет.

— А...а...а... как же, — высунул палец из под одеяла бывший пимокат и ткнул в сторону Кузьмы Федотыча.

— А вот так. — И исчез из кресла.

Ранним утром, ещё только-только птички запели, а матушка печь растопить не успела, шагал Егор Петрович вдоль кладбищенской ограды. Вдруг, глядь, из старых венков и высохших веток шалаш у входа. Постоял немного Егор Петрович, кашлянул для острастки. Слышит, в шалаше кто-то завозился. А немного погодя вылезли оттуда три грязных, ещё толком не проспавшихся с вечерней попойки, забулдыги. Обмороженные ещё в прошлую зиму ноги, покрыты язвами. Лица грязные, в коростах. Волоса слиплись и не понять пеплом или вшами покрыты. А на одном и в самом деле, халат Кузьмы Федотыча. Истлел в земле, в дыры черное изъязвленное тело виднеется. И прямо к Егору Петровичу с распростёртыми объятиями прёт:

— Сон-то, мужики, в руку! Вижу этой ночью, покойничек один сидит на краю своей могилки и манит меня пальцем. Подхожу, а у него вся грудь в крови, но улыбается так-то ласково: "Ты, — говорит, — будь на кладбище, сюда человек придёт и будет тебя искать. Как

найдет, то помоеет, покормит и на зиму в ночлежку устроит. А пока спи, и до утра не просыпайся".

Тут я спрашиваю, вот чудо-то, безмолвно:

— Как же он меня узнает? А покойничек отвечает:

— По халату, что ты на моей могилке без спросу взял, да свои язвы прикрыл которым.

— Что не так, обидел коли, так верну, — понимаю, что сплю, а все одно как наяву. А он мне:

— Носи на здоровье. Язвы пройдут на теле. Других бы не нажил.

Присмотрелся Егор Петрович к мужику, пока он сон рассказывал, да два его товарища слипшиеся глаза протирали, и обомлел. Дыры в халате в тех же местах и язвы через них виднеются, прямо как ночью на Кузьме Федотыче.

— Тьфу! Стойте там, не подходите ближе. — Крикнул так бродягам, про себя подумав, что всё вполне объяснимо: наслушался вечером рассказов церковного сторожа, а перед выездом из Озерков ещё эта история с поясом, вот и примерещилось ночью. А нищие на кладбище отродясь обретаются. Люди на могилах помянуть оставляют, бродяги и поминают. Тут и выпивка и закуска. Халат же виднелся из под тонкого слоя земли. Вот, и следовало его закопать понадёжнее,

чтоб такие забулдыги не вытащили его людям на показ. Да бродяги опередили. Так что, ничего тут необыкновенного и страшного. Но как теперь быть? Не отбирать же этот полусгнивший халат у этого несчастного? И уж было решил рукой махнуть и домой вернуться, как мужик его окликнул:

— Слышь, Егорка!

Егор Петрович, чуть на земь от неожиданности не грохнулся.

— Откуда имя знаешь?

— Так покойничек ещё кое-что сказал.

— Чего ж ты молчишь, дурень?

— Скажи, — говорит, — Егору, что когда будет вас в ночлежку устраивать, то пусть купит другую одежду. Не дорогую и не новую, чтоб не пропили, — мужик тяжело вздохнул, почесал пятернёй шевелюру. — И что ему за беда на том свете, пропьём али нет?

— И всё что ли?

— Э... что-то ещё... Погоди, дай Бог памяти... А, велел, чтобы ты новую одежду передал когда в помывочную поведут. Тогда старую, ну и этот халат, значит, сожгут. Сказал, очень тебе это надобно. На кой чёрт? Не понятно.

Какое-то время Егор Петрович стоял неподвижно, потом вдруг засуетился, прямо зуд одолел торопливый:

— Давайте отправляйтесь к ночлежке. А я следом приду, одежду вам прикуплю по дороге. Ну и не идти же вместе с вами людям на смех!

— Э...э...э... нет. Руки трясутся и в ногах слабость. Пока не опохмелишь, с места не сдвинемся!

"Это ж пока я до шинка добегу, да потом назад. Разбредутся эти бродяги по погосту, или того хуже шуганёт кто-нибудь, совсем уйдут. И как тогда быть? И даже если принесу выпивку, как я их потом в пьяном состоянии в ночлежку пристраивать буду? Да и до ночлежки ещё довести надо будет".

— Нет, так не пойдёт. Вот когда выйдете из помывочной, оставлю монетку, чтоб каждому на казённый шкалик хватило.

— Ну... — недовольно загудела троица.

— А не хотите, как хотите. Идите к своему покойничку, пусть он вас опохмеляет. — И сделал вид, будто уходит.

— Стой, — крикнула троица нестройным хором. — Пошли уже. — И побрели в сторону города, не разбирая дороги.

Далее всё прошло как по писаному. И к обеду Егор Петрович был уже дома. Оповестил матушку, что утром следующего дня отправляется назад в Озерки, поскольку все свои дела тут завершил. И только собрался пышный гречневый блинчик, специально для сыночка матушкой испеченный, в рот положить, в дверь ввалился церковный сторож.

— Матушка моя, я ненадолго, предупредить только. Чтобы из дома сегодня ни ногой! И вам, Егор Петрович, тоже не советую!

— Что приключилось-то? — Схватила за грудь пожилая женщина, а Егор Петрович блин из руки выронил.

— Кузьма Федотыч в ночлежке поселился! И ещё двоих с кладбища привел! — Еле перевёл дух старик.

— Глупости всё это, — опять поднёс блинчик ко рту Егор Петрович.

— Что вы, батюшка, что вы? Он там свою фамилию и имечко назвал, указал, когда родился и когда помер. Халат свой любимый сдал в стирку, но потом передумал и велел сжечь.

— Свят! Свят! — упала на колени пред иконами матушка.

— Халат этот Марфа опознала, говорит, видела его на Кузьме Федотыче при жизни, когда нанималась к нему бельё стирать. А потом водовоз не поленился, доехал до кладбища, проверить слова их, а там... — и сторож, сбившись с дыхания замолчал, махая рукой.

— Накось, Никодимыч, кваску, испей!

Выпив полный ковш резкого забористого кваса, отдышавшись, Никодимыч продолжил:

— Вернулся водовоз и говорит, что всё с точностью совпадает и имя, и когда родился, и когда помер! Всё в точности как на памятнике указано. А рядом ещё две могилки. Вот они и пришли с Кузьмой Федотычем. Имена опять же с точностью назвали и когда родились, когда померли тоже. Да и нет сомнений. Одежда на них истлела, сами все в язвах. Полежи кА с их в могиле!

— Боже милостивый! — Опять бросил блин Егор Петрович. Понятное дело, на могилке Кузьмы Федотыча почти что склеп соорудили, чтобы посетителей от непогоды укрыть. Бездомные видно там некоторое время обретались, вот и запомнили имя хозяина и его соседей. А уж почему своими именами в ночлежке не назвались? Кто знает, какие дела за их плечами?

Выскочил Егор Петрович из-за стола и опрометью кинулся в ночлежку. Прибежал, видит, подвыпившая троица в окружении бездомных и разных других несчастных сидит и рассказывает каково-то жить на том свете. Егор Петрович даже заслушался, так складно заливал тот, что Кузьмой Федотычем назвался. И как уловил бывший пимокат момент, что глянул на него этот мужик, поманил его пальцем. Мол, иди сюда. А как вышел он к нему, прошептал на ухо:

— Деревню Капустино знаешь?

— Угу, — не понимая, к чему клонит Егор Петрович, и потому настороженно кивнул липовый Кузьма Федотыч. — Далече отсюда будет.

— Я там возле кладбища на помин одной души выпивку и закуску оставил. Смотрите, не

вы одни такие ловкие, успеете, так ваша будет. — И ушёл не оглядываясь. Понимал, где же пьющим людям вытерпеть? А ему главное, чтобы отсюда убрались.

Утром следующего дня уезжал Егор Петрович в Озерки с чистой совестью. Поскольку теперь-то уж точно, конец этой истории! Сгорел халат. Нет его. Но он даже представить не мог, как эта история аукнется в Бирючинске!

По возвращению в Озерки Егор Петрович без лишних подробностей, как бы между делом, сообщил Акиму Евсеичу, что бродяги добыли халат Кузьмы Федотыча, а он, купив им другую, хоть и подержанную, одежду, халат выменял и сжёг. Других подробностей Егор Петрович не сообщал, а Аким Евсеич не спрашивал. И уже через день после возвращения Егора Петровича по усадьбе разнеслась новость, что управляющий женится на Катерине. А ещё через пару дней Пётр Алексеевич и Аким Евсеич уезжали домой в Бирючинск.

Важные гости

Вернулся Аким Евсеич домой, и опять потекла жизнь по уже накатанному руслу. И вроде был разговор с графом Немировым, однако, где тот граф? А Натали в каждодневной скуке ходит по дому тенью от окна к окну. А тут, как-то раз глядь, напротив окна дрожки городского головы остановились, высунулся из них сыночек его, Алексей Петрович, на окна смотрит, шляпу снял, раскланивается. Ясно, у окна Натали стоит. И чего тут дожидаться можно? Но с другой стороны, это самый заметный жених в их городке. И состояние имеется и титул, да и как не крути, единственный сынок у Петра Алексеевича. М-да, единственный. А Катерина, так она тут ни с какого бока повредить не может. Да и замужем она теперь уже. И выходило, что выбор женихов невелик. Тут как раз приглашение на обед от городского головы получили. Натальюшка оживилась, стала наряды перебирать. И как раз в это время, будто специально подгадывал, приехал в Бирючинск граф Немиров Михаил Михайлович собственной персоной, а с ним его родной дядюшка граф Николай Михайлович Немиров. И все будто на могилу вампира любопытствовать, да рассказы местных очевидцев послушать. Граф и его дядя сняли самые дорогие апартаменты, но и это ещё не всё. Дотошные соседи видели, как в дом Натали заходил человек в ливреи с позументами и вышитым графским гербом на спине. Чего только не передумали жители! Основных предположений было два: одно из любопытства к дому, где некогда проживал вампир, да и саму вдову вампира многие любопытствовали увидеть. Другое: какое-то дело имел граф к Акиму Евсеичу. Но были и такие, что предполагали невозможное: мол, притянула его вампирша к себе в полнолуние совершенным заговором, вот граф и прибыл, потому и вид имеет странный, будто во сне движется, людей не замечает. Проехал мимо батюшки, не раскланялся!

Графский лакей действительно посетил дом Натали и передал приглашение ей и Акиму Евсеичу на ужин в лучшем и единственном ресторане города. Ужин назначался буквально на следующий вечер после того дня, когда Натали и её батюшка должны обедать у городского головы.

В доме уже давно все угомонились, а Аким Евсеич всё ходил из угла в угол по кабинету и никак не мог решить, что же ему посоветовать Натали? С одной стороны, ну приехал граф Немиров, ну прислал приглашение в дорогую ресторацию, однако, уж слишком высокого полёта птица — граф Немиров, чтобы полагать, что на провинциалке Натали для него свет клином сошёлся. А с другой — зачем ему тогда весь этот сыр бор разводить? Пожилого человека, дядюшку беспокоить? Аким Евсеич сел в кресло и задумался: "Красивая, умная, с хорошими манерами, без всяких связей, вся в его полной власти окажется". И мысль такая совсем не радовала отца. Но и представить, что такой человек сделал предложение, а невеста отказалась — нет, это нонсенс! Даже Аким Евсеич столько переживший и повидавший, не мог.

Не спала и Натали, она, закрыв глаза, явственно представляла, как матушка изволила пожаловать и что она сказала. Сердце Натали тоскливо сжималось, от одной мысли, что расстанется с единственным родным человеком, с батюшкой. Уедет с чужим, мало

знакомым мужчиной, которому полностью будет отдана во власть. А замужней жизни она уже хлебнула. С другой стороны, ей представлялась свадьба её с Алексеем Петровичем. Как все горожане будут смотреть на них, вздыхая от умиления, а некоторые от зависти. Как по утрам она будет просыпаться рядом с Алексеем Петровичем, как у них появятся дети. У них будет много ребятишек. Как будет радоваться батюшка... И постепенно все забудут, что Наталья Акимовна — вдова вампира, а будет она невестка городского головы и жена того самого красавца Алексея Петровича. Так будет и через день, через месяц, через год... и через много, много лет. Каждый прошедший день, каждый прошедший год будут похожи как две капли воды. Но... но тёплые и нежные капли. И тут она вспомнила предупреждение матушки о том, что её ожидают измены любимого мужа, и жить придётся не всегда в достатке. А что такое недостатки и нехватки, она испытала в юности сполна. Ожидать подобного от Алексея Петровича очень даже можно. Натали припомнился дворец графа Немирова, его ложа в театре... Такую жизнь она даже представить пока не может, ежели только по книжкам? Зажмурила глаза и почти осязаемо увидела себя в роскошном золотом платье, идущую под руку с графом Немировым по залу, одна стена которого полностью зеркальная и их пара отражается в зеркалах: красивая, гордая... А по сторонам склоняются в поклонах седые головы и головы с роскошными прическами.

— Кто бы из нашего рода мог достичь таких высот?! Нет, в угоду своим женским чувствам, я не откажусь от графа Немирова... если, конечно, с его стороны последует предложение, — не в силах сдержать эмоции, проговорила вслух. Прислушалась к ночной тишине. В кабинете скрипнуло кресло. Значит, батюшка тоже не спит. Она тихонько подошла к дверям кабинета, приоткрыла. С порога ни громко окликнула:

— Батюшка?

Аким Евсеич открыл глаза, встал, поправил на плечах тёплый плед, кивнул на кресло:

— Садись. Не спится?

— Батюшка, если граф Немиров сделает предложение, я выйду за него замуж.

— Натальюшка. — Аким Евсеич обнял дочь, поцеловал кудрявую макушку и замер, сам не зная отчего-то стараясь запомнить запах её волос, в её детстве они пахли также, и ощущение её тонкой, хрупкой фигурки. — Доченька.

Немного помолчал, беря себя в руки:

— Ну, ты тогда... завтра на обеде у городского головы веди себя так, чтобы повода Алексею Петровичу не давать...

— Я понимаю, батюшка.

Потом они вспомнили, как Аким Евсеич вырывал у неё молочный зуб, привязав за дверную ручку. Как она рыдала, когда увидела, как купленной для супа курице отрубили голову, а он её успокаивал, как... и все воспоминания их были добрыми и тёплыми, такими, будто они на многие годы вперёд пытались согреть друг друга любовью отца и дочери.

Обед у городского головы был роскошным. Блюда подавались одно за другим искусно приготовленные поваром, которого кто только не пытался сманить у него, но Пётр Алексеевич закрепил за выписанным из Франции поваром уютный домик, с условием, что тот перейдёт в собственность повара через пятьдесят лет! На грустный взгляд приезжего француза, не дожидаясь

словесной мольбы с его стороны, произнёс:

— Корми так, чтобы эти пятьдесят лет как один обед пролетели.

И бывший француз постепенно обрусел, женился на местной девушке, пошла детишки. И он решил, что жизнь удалась.

Вот теперь на третью перемену блюд принесли утку под рыжиками, а на четвёртую жареную дичь: куропаток, на гарнир к которым подали соленые лимоны и яблоки, а ещё телячью голову с черносливом и изюмом. Блюда фигуру, Натали ела очень мало. И третий час сидения за столом порядком утомил её. Но гости были в восторге. Особенно усердствовал за столом местный стихотворец. Не уставая воспевать оду поданным блюдам, умаял тридцать блинчиков с икрой, и продолжал менять тарелки. Слуга, стоявший за его спиной, только успевал ставить чистую посуду, да подкладывать в неё яства.

Однако сидевший напротив Натали Алексей Петрович, казалось, не замечал времени, он выразительно поглядывал на Натали, а она делала вид, будто занята очередным блюдом. Десерт был приготовлен в соседней комнате. Сначала мокрый: компоты, холодные кисели со сливками, ягодное суфле, бисквиты и мороженое. Их кушали ложками. Потом сухой: слоеные пироги, зефиры, миндальные печенья. Так же десерты были накрыты в биллиардной комнате. Там

собирались любители выкурить трубку. Но таковых за столом выискалось мало, поэтому большинство гостей переместились в зал. Устав сидеть, Натали стояла у колонны, слушала лёгкую музыку, смотрела, как гости поглощали вкуснейшие десерты, и хотела, и боялась только одного, чтобы Алексей Петрович подошёл к ней.

— Простите... я... помешал вам?

И вон он, тут как тут.

— Нет. Нет, нет... Я слушаю музыку.

Глаза их встретились. И Натали не в силах отвести взгляд, чувствовала, как непрошенные слёзы туманом закрыли лицо Алексея Петровича. Она старалась не моргать, но слёзы всё равно катились по щекам.

— Натали? Что с вами? — растерянный голос Алексея Петровича прозвучал будто издалека.

Очнулась она в кресле. Аким Евсеич держал стакан с водой. Из настежь распахнутого окна лился прохладный воздух.

— Ничего, ничего. Утомилась, милая. — И Аким Евсеич раскланялся с хозяевами. — Простите великодушно. Направимся — ка мы домой.

Оно, конечно, бывало, молодые девицы и дамы падали в обморок, тут ничего необычного, когда тело сжато жестким корсетом, да и иногда, в некоторых ситуациях дамам такой выход был очень даже удобен. Но от Натальи Акимовны... от вдовы вампира, никто подобного не ожидал. И хоть взволновал Акима Евсеича непритворный обморок дочери, отчасти он понимал почему, и даже полагал, что уехать пораньше по уважительной причине, это, наверное, к лучшему. Поскольку граф Немиров ещё предложения не делал, то заранее отказываться от возможного сватовства Алексея Петровича, по меньшей мере, глупо. Натали же, даже понимая все эти нюансы, с трудом заставляла себя держаться избранной роли.

Местную ресторацию было не узнать. Такое заведение одно единственное на весь невеликий городок. Поход туда выливался в кругленькие суммы, поэтому бывали там, в основном, либо приезжие гости, либо местные толстосумы свои сделки увенчивали роскошными ужинами в красивой зале, на белой крахмальной скатерти, да под музыку, хоть и местного, новполне приличного оркестра. А в этот раз ресторан граф Немиров откупил

полностью. Ярко сверкали люстры, на столах возвышались изысканные букеты, таких цветов местные отродясь не видывали, их специально доставили, полностью заняв одноместное купе в поезде. На скатерти постелили шёлковые салфетки, посуду хозяин выставил наилучшую. Пуговицы швейцара, начищенные до яркого блеска, стройными рядами красовались на красной ткани мундира. Что творилось на кухне — не высказать. Оказалось, граф привёз с собой своего повара.

От всех этих новостей городок вдруг начал преобразовываться: дворники надели чистые фартуки и с раннего утра взялись мести улицы. А пожарники, чтобы показать себя с лучшей стороны возле конюшни не только навоз убрали, но свои упряжки начистили и рядом с пожарным сараем выстроили, пусть, мол, именитые гости видят, что и в Бирючинске пожарная команда не лыком шита!

Когда открываются двери

Казалось, Натали не замечала происходящего, бледная, бесшумным призраком ходила по комнатам.

— Натали, ты хорошо подумала? Я не буду тебя принуждать принять то или другое решение. У меня душа и разум между собой спорят и я... я сам не знаю как тут быть? Ведь вместе с графом приехал его дядюшка, а поскольку родителей молодого Немирова в живых нет, то... то это смотрины... можно считать.

— Батюшка, судьба дважды такие двери не открывает. Бог даст, будут у меня дети, у тебя внуки... И их жизнь будет проходить там, — она подняла глаза вверх, — или тут. — Кивнула на окно, за которым дворник выяснял банальную, всем надоёвшую истину:

— Токмо что всё собрал и вот! Нате вам! Чья это лошадь успела насрать? Ездют, тут ездют...

Натали захлопнула оконную створку.

— Да, конечно, бедности такой, как в моём девичестве нас ожидала, мы теперь можем не опасаться. Но я одним глазком подглядела другую жизнь, и если меня туда впустят — войду!

— Но я же вижу, ты сама не своя.

— Если сказать правду, то да, Алексей Петрович очень мне к душе. Да и с вами не хочу расставаться. Но, меня одолевают заботы, которые не позволяют душевному смятению взять надо мной верх.

Упаси Бог сделать неуклюжий первый шаг в те самые двери. А как там надобно? Сказать некому. И от того мне так волнительно.

— А граф Немиров? Тебе с ним жизнь коротать.

— Я жить хочу интересно, красиво, а не коротать долгие годы, хоть в сытости и довольстве.

Впервые за последние годы Аким Евсеич почувствовал себя старомодным, чего-то не понимающим человеком. Он полагал, что дочь будет рыдать и говорить, что любит Алексея Петровича и жизнь с не любимым ей не мила, а выходило, Бог весть что выходило! В растерянности, он поднял с кресла шляпу Натали.

— Вот и кстати. Эта шляпа из бронзового муара с золотым узором ещё в моде? Или я буду выглядеть в ней ни камильфо. Откуда мне знать? А знать надобно.

— Натали, это всего лишь шляпа. Конечно, гардероб это важно, но...

— Милый батюшка, шляпа — это изысканность, элегантность, возможность показать свой стиль и вкус. А от этого, как ты знаешь, зависит мой будущий статус и моя надежда на возможное в будущем высокое положение в обществе.

— Натали... — Аким Евсеич не находил слов.

— Да, конечно, душа моя болит и плачет, но сейчас я очень занята. Мне недосуг страдать и заламывать руки. Я потерплю. Ведь терпела раньше, в бытность супругой Кузьмы Федотыча? — Увидев, как дрогнули руки отца, Натали подошла к нему ближе, положила голову на плечо.

— Батюшка, милый батюшка, я очень тебя люблю. Ты ещё устроишь свою судьбу.

Например, приедешь ко мне в столицу в гости и встретишь там прекрасную даму...

Родного дядю по отцовской линии графа Немирова Михаила Михайловича величали Михайло Николаевич. Аким Евсеич ожидал увидеть высокого, грузного с пышными бакенбардами господина, а на входе гостей уважительно встречал лощеный метрдотель, коего никогда прежде никто из местных здесь не видывал, и после громкого объявления имени и титула, провожал к племяннику и дяде Немировым.

Рядом с высоким и стройным Михаилом Михайловичем, его дядя Михайло Николаевич выглядел шуплым, маленьким подростком. И только бакенбарды были именно такие, как представлял заранее Аким Евсеич.

Натали присела в глубоком реверансе.

— Ну, будет, будет вам. Почти все приглашенные уже в сборе. Прошу вас, — и подал Натали руку. Она подняла глаза, и Аким Евсеич увидел в потемневших до глубокой синевы глазах дочери сверкающие бриллианты слёз. Яркий свет люстр переливался и отражался от её глаз, как от драгоценных сапфиров.

— Что вы, милочка, что вы? — в голосе Михайло Николаевича звучала неподдельная растерянность и почти отцовская нежность.

— Простите меня. Быть представленной вам... так волнительно, — почти прошептала Натали. Эта простая бесхитростная фраза, в купе с искренним взглядом её прекрасных глаз, произвели самое благоприятное впечатление.

Граф Михаил Михайлович через плечо дядюшки выразительно глянул на Акима Евсеича, еле заметно, чуть наклонил голову и приподнял вверх левую бровь, давая понять, что оценил момент по достоинству. Затем направился следом за дядюшкой и Натали к столу. Постепенно напряжение первого знакомства спало, и хотя Аким Евсеич все-таки держался на стороже, вечер прошёл к обоюдному удовольствию сторон.

Когда мертвецы приходят помывться

Не прошло и двух дней, после посещения ресторации, как Аким Евсеич получил депешу, в которой супруг Марьи Алексеевна, граф Кирилл Романович просил Акима Евсеича приехать для внесения некоторых уточнений в первоначальный план ремонта, указать которые в письме он не считает возможным. Ехать нужно было безотлагательно, поскольку указывалось, что Кирилл Романович планирует в ближайшее время отъезд.

— Боже милостивый, как я могу в такой важный для моей дочери момент отлучиться? — Метался по кабинету Аким Евсеич. — И как могу отказаться от столь доходного дела? Такая свадьба, а всё к тому идёт, немалых денег стоит.

А утром следующего дня нарочной почтой получил небольшое письмецо от Марьи Алексеевны: "Приезжайте срочно. Дело не терпит отлагательства". И прикинув: день туда, день там, день обратно — за трое суток обернётся, Аким Евсеич решил ехать. А ещё через день, когда поезд уносил Акима Евсеича в уездный город, в Бирючинске сразу после полудня разыгрались удивительные события.

В виду знатности гостей сам городской голова показывал графу Немирову и его дядюшке места происшествия необъяснимых и пугающих событий. Вначале посетили могилку Кузьмы Федотыча, проехав по мосту, на котором околоточный надзиратель собственными глазами видел и даже окликнул, ехавшего на повозке на второй день после своего погребения, Кузьму Федотыча.

Жуткую историю выхода вампира из могилы Михаил Михайлович уже однажды слышал на спиритическом сеансе: княгиня Самойлова в подробностях обрисовывала, поэтому откровенно скучал, а дядюшка его и вообще задал откровенно странный вопрос:

— А не скажите ли мне, любезный Пётр Алексеевич, часто ли Наталья Акимовна посещает могилку мужа?

— Так она-то тут при чём? — Столь же откровенно удивился Пётр Алексеевич. — Девицей была скромной, тихой. А вот Кузьма Федотыч до неё трёх молодых жён со свету сжил. Только пока не преставился, никто и подумать не мог, отчего здоровые и молодые дамы безвременно на тот свет уходят. Теперь-то очевидно — это дело рук злостного вампира. — Убеждал знатных гостей в подлинности происшедших событий городской голова так, что сам почти что верил в эту историю. Да и что тут удивительного?

— Так Наталья Акимовна вроде в городке вдовой вампира числится? — не отставал Михал Николаевич.

Поскольку сын его всё-таки имел определённые виды на Наталью, то распускать подозрительные слухи городской голова не пожелал:

— Вдова-то она конечно, вдова. Не иначе Бог уберёт от проклятого вампира душу чистую, безвинную, — перекрестился Пётр Алексеевич. И на всякий случай сообщил, что подтвердить всю эту историю могут несколько человек, подлинных очевидцев. Тут уж и Михаил Михайлович проявил заинтересованность. А Пётр Алексеевич добавил к сказанному:

— Вот, к примеру, истопник. Много может порассказать. А, кстати, он сейчас должен в церковной лавке находиться, ну той, что возле входа на кладбище. — Увидев удивлённый

взгляд молодого Немирова, городской голова пояснил:

— Обычное дело. Когда приезжают любопытствующие господа, истопник на всякий случай приходит в лавку. Господам интересно, вот вам интересно? А ему доход.

С этого-то всё и началось. Истопник действительно был в лавке и по-своему обыкновению, увидев знатных гостей, принялся рассказывать давно и хорошо обкатанную историю. Голова слушал его в пол уха, пока не уловил какую-то странность.

— Стой, стой! Это ещё что за чертовщину ты несёшь?!

— Христом Богом клянусь! — перекрестился истопник. — Доказательства имеются.

— Какие доказательства? В уме ли ты? Рехнулся, похоже!

Но знатные гости заинтересовались так, что пришлось ехать в ночлежку для бездомных. А там, в книге регистрации постояльцев чёрным по белому были записаны фамилия, имя, отчество, дата рождения и дата смерти Кузьмы Федотыча.

— И вот, вот... эти двое иже с ним с кладбища пришедшие, — показывала ничуть не удивляясь нереальности события, пожилая регистраторша ещё две записи с датой рождения и смерти.

— Водовоза отправляли на кладбище удостовериться. Приехал, всё так и есть в точности имена и даты на памятниках. А у Кузьмы Федотыча могилка сильно потревожена. Неаккуратно вылезал, однако.

Тут в дверях показалась распаренное дебелое лицо.

— А вот и Марфа подтвердит.

— Да! Да! Так оно и было. От них смердело так, что кто бы сомневался — с кладбища! Ей Богу с кладбища! И пролежали в гробах не иначе как не по одному году. Тела местами попортились, подгнили малость...

— Тише, будьте добры, — схватился за голову Михаил Михайлович. А Михаил Николаевич смотрел на Марфу так, будто она сама с того света явилась.

— Вы так тараторите, я ничего не разберу.

— Что тут разбирать? Пришли покойнички, помылись, переоделись, а в ночь исчезли. Никто не видел, как и когда. Одно слово — мертвяки! — Пожала плечами регистраторша.

— А я-то, я-то — опять вклинилась в разговор Марфа, — халат Кузьмы Федотыча узнала. Правда теперь он тоже местами истлел, но я помню, как-то, когда он, Кузьма Федотыч, значит, жив был, бельё ему стирала, и халат тот на нём собственными глазами видела. — Заметив, что господа вроде решили её перебить, замотала головой: — Нет, нет! Никак не обозналась. Больно приметный: красный бархатный с золотыми драконами.

Пётр Алексеевич перелистал книгу, записи ровные аккуратные. Тверёзой рукой писано, никак не спяну. Быть такого не могло. Но записи-то вот они, есть! Значит и люди... были. Следом другие страдальцы вписаны. Документ официальный, книга регистрации прошнурована, листы пронумерованы, печатью заверена! Так что по документам выходило, что три покойника пришли, помылись и... вернулись на кладбище?

— Бред! — Промокнул выступивший на лбу пот городской голова. Верить во всё это или не верить — это вопрос второй. А сейчас надо было как-то выкрутиться перед знатными гостями. И Пётр Алексеевич взял себя в руки:

— Вот видите, как в наших краях злостный вампир бесчинствует? — Озабоченным голосом хозяина города прокомментировал сей факт Пётр Алексеевич. — Есть что приезжим людям показать, чтобы душа в пятки ушла. Где ещё подобное случается? — Хорохорился городской голова, а в душу мерзкий осадочек из суеверного страха червём

могильным впился.

Старший граф Немиров, несмотря на преклонный возраст, юрким живчиком оббежал ночлежку, остановившись перед обустраивающимися мужиками. Сопровождавшая толпа протиснулась следом через двери. И только Михаил Михайлович явно тяготился этой экскурсией, он лениво шёл следом. А дядюшка его поздоровался с мужиками и спросил, не особо чинясь: что им известно о ночевавших тут покойничках? Рассказывать мужики кинулись наперебой, поскольку ничего более удивительного в жизни не видали. Наконец терпение у Михаила Михайловича лопнуло:

— Дядюшка, милый дядюшка, у нас на сегодня ещё множество дел намечено. Может быть, перенесём более подробную беседу на другой день? — И аккуратно оттеснил Михаила Николаевича к выходу.

По дороге назад граф Михаил Николаевич всё ерзал на сиденье в карете, будто что-то мешало. И, наконец, не вытерпев, повернувшись к племяннику, высказался:

— Ты доходные дома видел?

— Да, для такого городка... откуда только гости берутся?

— Вот! Вот, вот! Я и то думаю, чего это городской голова взялся убеждать нас, что тут запросто так покойнички с кладбища прийти в ночлежку или ещё куда, могут? А он не так прост, как казаться желает! Интересно, кто строительством заправляет? Хваткий, однако, человек должен быть!

— Ну да, едут люди посмотреть на все эти страсти, а местным доход. Но нам-то что за дело? — удивился Михаил Михайлович.

— Нам-то? Да пока никакого. Но, думаю, надо забирать этот чудный бриллиант из этого сумасшедшего дома. А тот факт, что вдова она, не девица... да... не желателен, конечно. Но прецедент в нашем роду был. Бабка моя, царствие ей небесное, хоть и под венцом до деда не стояла, но отбил он её у... э... очень, очень... высокородного господина. И скрыть этот факт не удалось. Так вот и ты, не вздумай прятать прошлое Натальюшки... кхе, кхе... А то найдутся люди, всунут нос, пляши потом под их дудку. Прошлым её поражать общество должно, тогда даже польза будет. Пусть опасаются, как ни крутись: вампир, он есть вампир! Да ещё подлинно из умершего восставший! Кхе- кхе!

Михаил Михайлович с удивлением взглянул на дядю, уж больно по-родственному, по-свойски прозвучало имя Натали. А характер у старшего Немирова был тот ещё! Чем взяла она его? Одному Богу известно. Но младший Немиров понял, что одобрение дядюшки получено.

Акима Евсеича у поезда встречала карета графа Сташено-Дагомьшского, которая и доставила его прямо во дворец. А там, на входе учтивый слуга, забрав у него саквояж, пояснил, что специально для него приготовлена комната и сам Кирилл Романович ожидает его в своём кабинете.

— О-о-о! Аким Евсеич! — граф светился каким-то радостным внутренним светом. — У меня такая новость, которую я пока не сообщаю даже самым близким людям. А вот вам, — граф вытащил большой батистовый платок и промокнул бисеринки пота на лбу. — А вот вам сообщу. — Он улыбнулся счастливой и даже немного глупой, как показалось Акиму Евсеичу, улыбкой.

"Что за странная личность? И жаль его, и видеть невыносимо. Раздражает все: и потный лоб, и огромный платок, и дурацкое лицо счастливчика". — Так думал Аким Евсеич, но

внешне вежливо раскланялся и пояснил, что у его дочери в эти дни судьба вершиться, поэтому он желал бы поскорее покончить с делами и вернуться в Бирючинск.

— Моя жена ждёт ребёнка, — наклонившись к самому уху Акима Евсеича, прошептал граф. Не удержавшись, Аким Евсеич непроизвольно отстранился, но тут же сделал удивлённый вид:

— Да?

— Да! Да! Мы пока это держим в секрете. Так жена пожелала. Мы даже врача вызывали из Бирючинска, чтобы раньше времени слухов не наделать. И он подтвердил. Ну, понимаете, капризы беременной женщины, но... но я счастлив! Это всё горный воздух и травы! Мне говорили тамошние травницы, что с этих трав, даже древние деды отцами становятся! Я не верил! И вот, вот, свершилось! — От столь длинной тирады граф задохнулся и сел на диван, хватая воздух ртом как рыба. Аким Евсеич немного подождал, когда он придёт в себя и спросил:

— Так я-то тут причём?

— Вы? Вы? Вы включите в ремонтный список переделать одну из комнат в детскую и рядом комнату для кормилицы.

— Укажите какую?

— Вам потом моя жена укажет. А мне нужно уезжать назад. Видимо я не долечился. Городской воздух мне вреден. Жену же в таком положении я не могу с собой взять, хоть она и настаивает! Вы понимаете? Я... я — граф опять задохнулся и вынужден был некоторое время молчать, набираясь сил. — Я не могу позволить ей рисковать моим ребёнком. Дорога дальняя, мало ли что?

— Вы, как всегда, правы. Прикажите супруге указать мне нужные комнаты.

— Что вы? Что вы? Прикажите? Я её попрошу...сейчас. Побудьте здесь. — И вышел из кабинета. Мысли у Акима Евсеича пошли на раскоряку. Как Марья Алексеевна надеялась скрыть срок? Уму непостижимо! Когда ребёнок вместо девяти месяцев родится через шесть? Жуткая мысль обожгла Акима Евсеича, он вспомнил, что бирючинский врач выезжал сюда по приглашению знатной дамы. А кто из местных знает этого доктора? Только Марья Алексеевна! Да и граф подтвердил, что приезжал именно этот врач. Тем более она уже высказывала страшное намерение. Но и это жуткое предположение при таком раскладе приходилось отбросить. Ведь всем известно, когда граф вернулся после лечения и значит, ранее этого срока Марья Алексеевна не могла понести ребёнка.

— Ах, дорогой, с этим бесчувственным сухарём, нет, нет! Пусть за мной приедет Настасья. Она служит в моём доме. — Голос Марьи Алексеевны, капризный до неузнаваемости, её нарочитая игра, (или не игра и она, в самом деле, считает его сухарем?), неприятно царапнул слух Акима Евсеича.

— Хорошо, хорошо! Но он нам нужен, и... и ремонт на нём. Осторожней, аккуратней... — сюсюкал граф. И так всё это препротивно выглядело для Акима Евсеича, что он поторопился завершить разыгрывающуюся сцену.

— Простите, я невольно услышал ваш разговор. — Аким Евсеич раскланялся перед Марьей Алексеевной. — Вы назовите комнаты. Или укажите их на плане. А Настасью я пришлю за вами к указанному сроку.

На том и порешили. Утром следующего дня карета везла Акима Евсеича на вокзал. И удивительное дело, как только дверь купе закрылось, и поезд тронулся, Аким Евсеич испытал такое облегчение, будто тесную обувь с ног сбросил. Не прошло и двадцати минут,

как он уснул спокойным сном.

Зато сразу по приезде, Федот, третий год находившийся у Акима Евсеича в услужении, дождавшись пока хозяин устроится на сиденье, крикнув для порядка, начал издали:

— Дозвольте спросить, Аким Евсеич...

— Давай, Федот, не тяни.

— А ежели в ночлежке в книге чья фамилия записана, значит тот человек там точно побывал?

— Федот, что за окоlesiцу несёшь? Регистрируют каждого, кто остался ночевать по имени отчеству и дате рождения. Тебе-то зачем? Вроде отдельной каморкой обеспечен.

— Я-то благодарствую. Каморка тёплая, с лежаком. Не то что в сырой земле обретаться. — Федот заёрзал на облучке и даже оглянулся на Акима Евсеича.

— Никак помирать собрался? — Улыбнулся Аким Евсеич. — Лучше бы за дорогой следил. А дурь из головы повыкинул.

— Так, тут такое дело, выходит... — и, набравшись решимости, продолжил: — Зятёк ваш — Кузьма Федотыч и двое его суседей кладбищенских, пришли в ночлежку, помылись, переоделись, а Кузьма Федотыч даже свой любимый халат сдал сначала в стирку, а потом рукой махнул, да и велел сжечь.

Аким Евсеич поначалу своим ушам не поверил:

— Ты с утра к бутылочке, случаем, не прикладывался?

— Бог с вами, Аким Евсеич, не пьющий я вовсе.

— Так что ж несёшь такое непотребство?

— Не верите, так граф Немиров и его дядюшка собственными глазами убедились.

Дыхание у Акима Евсеича перехватило, и он еле выговорил:

— Это, каким же образом?

— Обыкновенно. По первоЙ истопник рассказал, да хоть бы и кто другой мог. Весь город знает. А как энти господа про такие чудеса услышали, тоже не поверили. Направились в ночлежку, чтобы убедиться.

— Боже милостивый! — схватился за голову Аким Евсеич.

— А там Кузьма Федотыч вкупе с двумя дружками, тоже мертвяками, в книге записаны. И Марфа подтвердила, что будто бы самолично узнала Кузьму Федотыча.

— Какая ещё Марфа!? — Подскочил на месте Аким Евсеич.

— Та самая, которая в бытность Кузьмы Федотыча среди живых, бельё ему стирать нанималась. Вот она-то сразу как увидела, так и узнала. А потом и водовоз подтвердил!

— Он-то каким боком?

— Так его отправляли на кладбище проверять, не врут ли пришлые? Водовоз и подтвердил, всё в точности назвали, как на могильных памятниках указано. Да и особо сомневаться не приходилось. Марфа говорит, по виду и запаху и так понятно было, что не один год каждый в могиле прибывал.

И тут, слава Богу, пролётка подкатила к дому. Как быть и куда бежать после таких новостей, Аким Евсеич не представлял. И решил, освежившись и переодевшись, направиться к городскому голове. Пётр Алексеевич в подробности и обрисовал случившееся. Услышав всю историю от здравомыслящего человека, Аким Евсеич сделал для себя определённые выводы, которые за исключением некоторых подробностей, полностью совпадали с реально происшедшими событиями. Ведь Егор Петрович, вернувшись из Бирючинска в Озерки, так и

сказал, что халат оказался у бродяг, промышляющих на кладбище, ещё сказал, что выменял халат на купленную для них одежду, и велел сжечь. Не раскрывая городскому голове некоторых подробностей, Аким Евсеич так и предположил, что бродяги побираясь на кладбище, ночевали какое-то время в склепе Кузьмы Федотыча, вот и запомнили его имя и имена с двух соседних могил. А потом назвались ими в ночлежке, видимо желая скрыть свои настоящие имена.

"И как отзовется сие происшествие для Натали? Кто ж его знает?" — в растерянности думал Аким Евсеич. Откуда ж ему было знать, какие мысли посетят седую голову старшего Немирова?

Пропустив по рюмочке, закусив огурчиком, Пётр Алексеевич и Аким Евсеич стали думать, как теперь быть? Но так ничего не придумав, решили отложить вопрос до завтра. Ещё целая ночь впереди, мало ли что может в таком городке как Бирючинск приключиться?

Свадьба вдовы вампира

А утром, не успел Аким Евсеич как следует после вчерашних передраг в себя прийти, да обдумать дальнейшее поведение, как графский лакей принёс записку от старшего Немирова, в коей он сообщал, что есть необходимость конфиденциального разговора. И предлагал встретиться, совершая вечерний променад.

"Встретиться на вечернем променаде? То есть будто случайно, чтобы лишних пересудов не наделать. Умно, однако. Особенно в свете происшедших невероятных, идиотских! — думал про себя Аким Евсеич, — событий, кто знает каково-то теперь мнение о нас, и какую тень бросило это происшествие на Натали? Но она-то тут при чём? Хотя, куда деться, жена, тьфу, вдова Кузьмы Федотыча, вампира, пришедшего с кладбищенскими друзьями в ночлежку помыться!"

— А, Чёрт его дери! Опять пимокатишка опростоволосился! За что не возьмется — везде какого-нибудь дурака свалает! Даже будущая тёща успела венником отходить! — выкрикнул в сердцах Аким Евсеич. Но графу Михаилу Николаевичу следовало отвечать. Лакей дожидался. И Аким Евсеич красивым, выработанным каллиграфическим подчерком написал, что с превеликим удовольствием совершит совместную прогулку.

Вечером принаряженная, чопорная публика прохаживалась по бульвару, своему обычному месту прогулок. Аким Евсеич приехал один, справедливо решив, что про Натали в записке не упоминалось, более того, речь идёт о конфиденциальном разговоре. Аким Евсеич степенно двигался в нарядной толпе, то и дело с кем-нибудь раскланиваясь. А ведь каких четыре, пять лет назад ему и поздороваться тут было не с кем. Вспомнилось, как вот на этом самом бульваре он впервые заговорил с Марьей Алексеевной о том, что готов на многое для неё. Он прищурился, выискивая именно то место, да, вот тут они и стояли, рядом Натали и знакомая дама Марьи Алексеевны. Вспомнился жар предыдущих ночей, волнение той встречи и Аким Евсеич даже вздрогнул, когда его окликнул Михаил Николаевич.

— Всё в делах и заботах? — после обычного приветствия вежливо поинтересовался старший Немиров. Так же как и Аким Евсеич, он приехал один, оставив племянника в гостинице.

Разговор завязался на удивление легко и просто. Оба этих человека были не просто из одного времени, много повидавшие и испытывшие в жизни, они прекрасно понимали друг друга. И решение о свадьбе графа Немирова Михаила Михайловича и Натальи Акимовны вдовы действительного статского советника Злыднина Кузьмы Федотыча, приняли без промедления.

Далее всё по заведённому порядку. И опять время для Натали полетело быстрее птицы. Однако Немировы настаивали на венчании в их родовом имении под Питером в Спасской церкви. Значит, полагалось заранее церковному батюшке объявлять о предстоящем венчании в приходе Натальи Акимовны и в приходе Михаила Михайловича, о чём Михаил Николаевич письменно уведомил батюшку Спасской церкви, велел готовится к богатому венчанию.

Весь следующий день Аким Евсеич составлял список приданного Натали. А вечером дочь опять, в который раз удивила отца. Прочитав составленный им список самым

дотошным образом, обратилась к Акиму Евсеичу с настоятельной просьбой: чтобы всё, что не перешло к ней по наследству от мужа, а переходило от её семьи, кроме бант-сквалажа матушки, было вычеркнуто.

— Батюшка, наследство Кузьмы Федотыча и так не малое, да ещё за эти годы вами преумножено. Так что уж никак ни бесприданница!

— Натали, ты у меня единственная. Кому ещё, как не тебе?

— А я и не отказываюсь. Однако берёжёную Бог бережет. Пусть остальное имущество остаётся в ваших руках.

— Натали, я моложе не становлюсь...

— Я понимаю ваши опасения, батюшка. Мне и думать такое страшно, однако приходится. Ну, напишите завещание с условием, и пусть об этом никому кроме нас двоих не будет известно.

На следующий день, когда Николай Михайлович с удивлением читал список приданого, Натали стояла, отвернувшись к окну, а Михаил Михайлович нетерпеливо переминался с ноги на ногу за стулом дядюшки.

— Михайло, куда твоя хвалёная выдержка делась? Терпи, милоч, терпи. До свадьбы ещё далеконько.

— Милый дядюшка, вы лучше других знаете, не из корыстных побуждений женюсь!

— А зря, зря!

— Вы же знаете... я... — пока племянник подыскивал нужные слова, дядюшка продолжил говорить:

— Я к тому, что с тестем тебе повезло. Мы вот с Акимом Евсеичем давеча бумаги просматривали, и знаешь, что я выяснил? Помнишь, удивлялся, кто доходные дома строит?

— Помню. Хвалили, говорили, хваткий человек.

— Так кому, как не бывшему тестю вампира доходом с этой... э... напасти заниматься?

Натали только чуть повернула голову, но так и продолжала стоять у окна. Михаил Михайлович прищурившись, смотрел на дядюшку.

— Наследство, доставшееся Натальи Акимовны от Кузьмы Федотыча, — Михаил Николаевич всячески избегал называть Натали вдовой, — её батюшка не только не растратил, но и преумножил... значительно преумножил. За счёт строительства тех самых домов, часть квартир в которых как раз и принадлежит Натали. Так что Наталья Акимовна могла бы вести безбедную жизнь даже в нашей столице, если, конечно, деньги по ветру не пускать. Но я слышал, за ней такой грех не водится.

Подготовка к свадьбе всё больше заставляла Натали волноваться. Ведь вдова должна выходить замуж без всякой помпы. И свадебный наряд вдовы должен быть простым и не бьющим в глаза. А граф Немиров имел право и желал богатое венчание и видеть невесту в роскошном свадебном наряде. Ведь даже художника знаменитого призвали, чтобы нарисовать их семейный портрет!

Но сложнее всех пришлось Акиму Евсеичу. Дела не давали ему возможности отлучиться из Бирючинска, а свадьба должна состояться далеко отсюда. И как быть? Следовало найти человека, который бы представлял интересы Акима Евсеича на время его отсутствия. А это дело не простое, если вообще возможное.

Никак не могли согласовать свадебный наряд Натали. Вдове веночек из мирта или

флердоранжа не полагался. Натали решила украсить голову искусно выполненными цветами ландышей, как символами добродетели. Не полагались по этикету белое платье и вуаль. Поэтому платье персикового цвета, вроде и не было светлым, но и не было темным. И хотя вуаль, как и положено, отсутствовала, но начинающийся от уровня талии и плавно переходящий сзади в длинный атласный полукруг шлейф, создавал образ изысканной и благородной грациозности.

— Дядюшка, милый дядюшка! Натали должна выглядеть не хуже принцессы! А тут: того нельзя, сего нельзя!

— М... да вроде она уже всё решила.

— Пойдут пересуды, сразу начнут склонять: вдова, вдова...

— погоди. Давай попросим Натали примерить свадебный наряд так, как будто ей сей момент к венцу?

Михаил Михайлович пожал плечами:

— И чем это нам поможет?

— Ты видел её небрежно одетой, в неэлегантном наряде? Вот, вот!

На следующий день Натали должна была продемонстрировать наряд. Договорились, как она будет готова, пошлёт Федота в гостиницу пригласить Немировых.

На следующее утро из зала вынесли всю мебель кроме большого зеркала и любимого кресла Натали. Потом пришёл парикмахер. А после обеда Федот отправился в гостиницу уведомить, что Наталья Акимовна ожидает в полной готовности.

Михаил Михайлович стоял у двухстворчатых дверей и не решался войти.

— Федотка, открывай, — наконец, скомандовал его дядюшка. И дверь распахнулась.

В зале с лепными барельефами и дорогими обоями бордового цвета из мебели ничего кроме зеркала в человеческий рост и массивного старинного кресла не было. На кресле в пол оборота к дверям, чуть откинувшись на подлокотник, расположилась Наталья Акимовна. Персиковый цвет платья на фоне тёмных обоев выхватывал из пространства только контуры этой фигуры. Шлейф её платья роскошными волнами дорогого шёлка спускался с кресла и растекался овалом вокруг него. Руки в перчатках под цвет платья держали букет нежных ландышей, эти же цветы украшали черные, блестящие, кудрявые волосы, уложенные в великолепную прическу. Не было ничего лишнего, ни одной оборки, ни одного волана, казалось это и не женщина вовсе, а мраморная статуя застыла тут, изваянная великим мастером.

— Натали! — выдохнул граф.

— Федотка, закрывай! — Опять скомандовал Михаил Николаевич.

— Но, дядюшка! — рванулся в двери младший граф.

— Стоп! Не велено. Примета плохая видеть невесту до свадьбы в подвенечном наряде!

— Так я уже...

— Приснилось тебе! Привиделось! Сказано, не велю!

Ночная жизнь в небольших провинциальных городках имеет свои особенности. Как только тьма накрывает город, колдобины на улицах кажутся ещё глубже, а выступающие кочки отбрасывают уродливые тени, порождаемые ночным светилом, потому как фонарей тут, кроме как на главной улице, отродясь не было. Мрак и холод навевают тоску на уличных

псов, и они воют, задрав или опустив морду, смотря, что улавливает их чуткий нос. И только чёрный бархат неба, усыпанный россыпью бриллиантов-звезд, смотрит на всё это и не видит, за прошествием многих миллионов лет. А вечера осенние, да зимние тёмные, долгие. И бирючане, сидя по домам, вели разговоры, теща себя жуткими то ли байками, то ли всамделешными страстями. Но о том, что в прошлом их теперь всем известный горожанин и батюшка самой Натальи Акимовны перебивался перепиской бумаг, говорили разве что в полголоса. И, склонившись друг к другу, обсуждали как прежний зятёк Акима Евсеича, ужасный вампир Кузьма Федотыч, по улицам их городка раскатывал, да ночлежку с двумя кладбищенскими сотоварищами посетить изволил. При этом обязательно крестились и добавляли: "Не к ночи будь помянуто". Конечно, а как же? На дворе темень, в переулке собаки воют. Жуть!

И никто в Бирючинске даже представить себе не мог, кого выберет Аким Евсеич заниматься текущими делами на время своего отсутствия! Особенно теперь, переходя в статус тестя графа Немирова, это же высота-то какая!

— Так, что вот мой тебе наказ, — наставлял Аким Евсеич Акинфия, — проследишь за выполнением тех работ, что я тебе указал. Ежели кто с какой просьбой обратится, так пусть меня дожидаются.

Хотя горожане не очень-то и удивились, когда смотреть за выполнением работ в своё отсутствие Аким Евсеич поставил мужа Настасьи — Акинфия Полуянова. Ни для кого не секрет, как перебрались Акинфий и Настасья во флигель усадьбы Марьи Алексеевны, так преобразились её дом и сад. Всех работников он да она, а порядок, будто в десять рук работают! Теперь же под наблюдением Акинфия оставался ещё дом Натальи Акимовны, ну, то есть бывший дом вампира и дом самого Акима Евсеича, недавно отремонтированный. А ещё завершающаяся стройка. Так что Акинфий работал, работал не покладая рук, да и заработал честное имя и доверие к себе. Но сказать, чтобы бирючане завидовали? Так нет! Знали требовательность Акима Евсеича. И понимали, что крутиться Акинфию по делам придётся так, что и света белого не взвидишь! Безбедно жить и уважаемыми быть — хотели все до единого жителя Бирючинска, но что бы так "пахать"? Нет, извольте радоваться: три дома под наблюдением! А это и чтобы слуги не заворовались, и чтобы в ленность не ударились. Опять же в потраченных средствах надо будет до последней копейки отчитаться. А что учёт Аким Евсеич вёл строгий — кто ж не знал? Уж не говоря про стройку! Только глаз отверни, тут же сядут на перекус, или перекур! А вот что в уплату за труды положил Акинфию Аким Евсеич — никто не знал. И тут уж судили да рядили кто во что горазд.

Определившись с одним вопросом, Аким Евсеич с нетерпением ждал ответа на свою депешу от мужа Марьи Алексеевны, графа Сташено-Дагомьшского, в которой просил уточнить время приезда Марьи Алексеевны в Бирючинск, поскольку сам отбывал на свадьбу дочери.

Наконец письмо было получено, граф указывал число и писал, что самолично приедет вместе с женой, а проследив за её безопасном обустройстве, направится для дальнейшего прохождения курса лечения. Ещё граф сообщал, что по его расчётам ко времени появления младенца на свет Божий, он успеет вернуться к своей дорогой супруге, дабы не оставлять её одну в столь важный момент.

— Уж и не знаю, что хуже, когда покойнички в ночлежку помыться приходят, или, когда граф Кирилл Романович Сташено-Дагомьшский желает присутствовать при родах

своей супруги?

— Да, Бог с ним, пусть присутствует, — пожала плечами Натали.

— Доченька, когда по расчётам графа должны состояться эти роды, младенцу уже месяца три от роду исполнится! И как тут быть?

— Это забота Марьи Алексевны. Вы-то тут причём?

Аким Евсеич чуть склонил голову, поднял руку, прося внимания дочери.

— Батюшка?

Он сжал ладонь в кулак, будто собирая из воздуха невысказанные мысли. И в этот момент Федот доложил:

— В прихожей дожидается Акинфий, говорит спросить надобно, покель вы не уехали.

Аким Евсеич вздохнул, как показалось Натали с облегчением, и вышел из комнаты.

Вампир самозванец

В день приезда Марьи Алексеевны и Кирилла Романовича в городе опять случилось невероятное событие. Церковную лавку, ту, что у входа на кладбище, кто-то обокрал. Украден был ларец с прорезью специально приспособленный для пожертвования верующими во искупление грехов. Утром, когда служка подошел к лавке, чтобы открыть её, увидел, что большой висячий замок вырван вместе с проушинами. И крупные следы, чуть поменьше медвежьей лапы, ведут вглубь погоста. Идти один по этим следам служка не решился, поэтому побежал к околоточному надзирателю, дабы уведомить о происшествии. И пусть разбираются те, кому положено. А его дело — сторона.

В это же время Аким Евсеич встретив Марью Алексеевну и её супруга, препроводив их в усадьбу и поручив Настасьи, вернулся домой. А там его уже дождался посыльный от околоточного надзирателя, который сообщив о происшествии, добавил:

— А когда прошли по следам, то выяснилось, что ведут они к склепу Кузьмы Федотыча. И там пропадают. Вот меня и отправили по вашу душу.

— Тьфу, на тебя! По мою душу Господь Бог разве что послать может. А моему брэнному телу придётся вместе с тобой на пролётке трястись! — В сердцах ругнулся Аким Евсеич.

На кладбище возле склепа Кузьмы Федотыча на лавочке соседней могилки восседал околоточный надзиратель. Он периодически доставал огромный носовой платок и издавая трубный звук, сморкался. Напротив него приплясывал от нетерпения церковный служка. А из склепа слышалось, будто там ещё один надзиратель, не переставая, сморкается. Аким Евсеич подошёл ближе:

— Фу, это чем же тут несёт? — Брезгливо сморщился он.

— Так севухой, однако! — нетерпеливо переступил с ноги на ногу служка. — А может и, спаси Господи, покойничком. Ведь ежели он опять вылез из могилы, а мыться-то за всё время токмо раз и приходил... ну, в ночлежку, помните?

— Будет вам! — одёрнул служку надзиратель. И не вставая с лавочки, указал на склеп. — Загляните. Тамошний житель утверждает, что он и есть Кузьма Федотыч.

Аким Евсеич только головой покачал:

— Глупость, ей Богу, глупость!

— Однако для порядка гляньте: узнаёте зятка или нет?

Аким Евсеич сделал шаг в склеп, некоторое время присматривался к полумраку. Наконец разглядел какую-то бесформенную фигуру, устроившуюся в груди какого-то тряпья на лавке рядом с могилой. Фигура издавала непрерывный храп, и вонь стояла такая, что Аким Евсеич выскочил назад как ошпаренный.

— Я тут для полноты картины отправил человека в ночлежку за Марфой. Пусть посмотрит: не этот ли Кузьма Федотыч к ним приходил? — И надзиратель опять протрубил носом. — Простуда сильная, а вот, поди ж ты, никакого покоя! Вон, похоже, приехала. И кто это с ней?

Меж могильных холмиков и крестов петляли четыре человеческих фигуры. Когда фигуры приблизились, Аким Евсеич только и мог, что с удивлением спросить:

— Эти-то зачем? — и сел рядом с приставом.

— Кто ж их знает? — тяжело вздохнул пристав и поднялся с лавки.

Дородная женщина, в широкой юбке, то и дело цепляясь подолом за высохшие на могилках ветки и прутья, первая пробралась к склепу.

— Кузьма Федотыч? Кузьма Федотыч? Это я, Марфа! Покажитесь, Христа ради! — Она просунулась в склеп, и стала теревить лежавшего там человека.

— Марфа? Какая ещё Марфа?

— А помните, как помыться приходили в ночлежку? Токмо темно туточки, не разгляжу толком. Пахните точнёхонько как в прошлый раз, ежели по запаху — вроде Кузьма Федотыч. Но вышли бы на свет божий, чтоб мне уже определённю узреть вы это, али не вы? Должно быть...

— Умолкни, чёртова кукла, голова раскалывается.

В склепе послышалась возня и из него сначала подбоченья вышла Марфа и остановилась, прикрывая лицо ладошкой так, чтобы свет не мешал рассмотреть того, кто пытался вылезти следом.

— Не рассыпался бы. А то ить сколь лет в земле-то... Ох, охохоненьки! Матушки мои! — попятилась за надзирателя Марфа.

— Цыц, дура! — И из темного прохода показался крупный грязный мужик.

— Он! Ей Богу он! Как на духу говорю! Своими глазами видела. И халат тот помню. Ну, теперь-то его уж нет. Халата нет, значит, — крестилась Марфа. — Сожгла я халат-то. Истинный крест, сожгла. Хоть и материя с золотой вышивкой, но истинный крест, сожгла! А было время, стирала я его. Все рученьки...

— Умолкни, Марфа! — рявкнул надзиратель, поняв, что никаким другим способом заткнуть этот словесный фонтан невозможно.

В нескольких шагах от склепа, возле соседней могилки в сопровождении извозчика стояли граф и графиня Сташено-Дагомьшские.

— Боже милостивый, Кирилл Романович, Марья Алексеевна, вы-то как тут оказались?

— Мы первые, а там и другие пожалуют посмотреть. Говорят, околоточный надзиратель вас Аким Евсеич и Марфу пригласил, чтобы, как полагается по закону, оформить вот уж не знаю воскрешение Кузьмы Федотыча или восстание вампира из гроба? — Спокойно, как о чём-то обыденном высказался граф Кирилл Романович. — Так что очень разумно с вашей стороны, строить доходные дома. Прелюбопытная история. — Кивнул в сторону оборванного и грязного персонажа и улыбнулся так, будто в цирке на клоунов смотрел.

— Мы теперь свидетели и можем сами доподлинно рассказывать о странном и пугающем происшествии. Особенно важно, что и околоточный надзиратель — Марья Алексеевна повела рукой в его сторону, — это событие в соответствии с законом подтвердит! Вот, всем неверующим доказательство! — указала пальчиком в кремовой перчатке на мужика ошавшего то ли от женского стрекота, то ли просто ещё не совсем протрезвевшего. И продолжила:

— А по дороге нам Марфа в подробности рассказала, как Кузьма Федотыч мыться в ночлежку приходил! И что сей факт, тоже документально зафиксирован.

И тут у Акима Евсеича лопнуло терпение:

— Да вы что, господа хорошие, все с ума посходили! Какой это Кузьма Федотыч? Пьянь подзаборная!

— Значит, вы своего зятя не узнаете? — осведомился надзиратель.

— Нет! — Не помня себя, взвизгнул Аким Евсеич и бросился вон с кладбища.

— Зато я помню! Он это! Как есть он! Я-то помню. Вот в тот раз...

— Понятно, замолчите! — заткнул фонтан надзиратель.

— Дорогая, пойдём. Мы достаточно увидели. Теперь ты с полным правом сможешь рассказывать в свете странную, просто жуткую историю. — И граф Кирилл Романович, поддерживая жену под руку, повёл её к ожидающей у входа бричке. Следом за ними, поминутно оглядываясь и мелко крестясь, плёлся извозчик. Ещё один доподлинный свидетель восстания вампира из гроба. И можно было не сомневаться, местный трактир сегодня вечером будет переполнен гудящей толпой.

Вкус вина и женских губ

Домой Аким Евсеич вернулся уставший и измученный. Раздевшись и умывшись, от ужина отказался. Сидел за столом в ожидании чая, плакал и смеялся одновременно. На вопрос Натали: что произошло? Ответил, что знать ей этого не обязательно, пустяки одни, да местные глупости, а ей теперь другие мысли надобно держать в голове. Постепенно Аким Евсеич успокоился, и взялся пить чай с любимым липовым мёдом. А на следующий день Аким Евсеич и Натали уезжали в столичный град. Но до отъезда ещё оставалась целая ночь. Ночь в таком городе как Бирючинск всякие сюрпризы может преподнести. И тут уж каждый хозяин-барин как этот сюрприз принимать и понимать.

Аким Евсеич долго ворочался с боку на бок. То ему становилось жарко и дышать нечем, он вставал, подходил к окну, прислонялся лбом к холодному стеклу, то мёрз и закутывался с головой в одеяло. Наконец до того устал и измучился, что решил налить бокал вина и устроиться в кресле с книжкой, которую уже давненько собирался прочесть. Он зажёт калетовские свечи в тяжёлом медном шандале и, освещая себе путь, направился к буфету. Калетовские свечи очень дороги, но их приходилось покупать, чтобы не коптить вечерами новые обои, когда Аким Евсеич засиживался за бумагами. Свечи горели ярко, и мебель в зале отбрасывала движущиеся тени. Будить слуг в такой час Аким Евсеичу не хотелось, решил, что обойдётся сам. Однако краем глаза уловил, что в дальнем углу зала, вовсе не игра теней закрывает пространство в кресле. Но он уже стоял напротив буфета, где обычно хранились вина и настойки для повседневного пользования. Поставил рядом на небольшой столик шандал, открыл дверку, налил бокал красного французского божоле и повернулся, чтобы рассмотреть, что же там такое?

Аким Евсеич смотрел и чувствовал, как холодный пот выступает на его лбу, как каплями струиться по спине. Рука с бокалом будто онемела.

— Поставь бокал, разобьёшь. Ох, с каким наслаждением я бы выпил бокал, другой подогретого бордо!

Аким Евсеич поставил бокал рядом со свечами, их свет искрился и играл темно-красными всполохами вина в чистом хрустале.

— Вы? Опять вы...

— Давно не виделись, ты уж и думать обо мне забыл? Чего замер? Садись! Да бокал убери с глаз моих. Сам подумай, каково-то мне бестелесному желать и не иметь возможности получить?

Аким Евсеич на ватных ногах подошёл к стулу, сел так, чтобы столик и бокал на нём оказались за спиной.

— Нет у тебя детей. Значит, чувствовать отцовскую боль, тебе не дано, — беззвучно, одним дыханием шептал Аким Евсеич. — Но я отец, значит, за дочь в ответе. Возьми расчёт с меня, оставь её в покое. Не должен был я выдавать Натали за тебя замуж. Отсюда всё и пошло. Моя вина. Бедности испугался, хотя не столько за себя, как за неё. — Дыхание Акима Евсеича перехватило, и он замолчал.

— Почти все земные желания у меня поблекли. Но вкус вина и губ твоей дочери помню! И простить не могу, и забыть не в силах! Горю! Тебе также не понять меня, как и мне

тебя. — Призрак до этого почти реальный, будто живой человек, вдруг стал почти прозрачным, так что спинка кресла через его фигуру просматривалась.

— У- у — у - у! — То ли стон, то ли вой прошёлся ветерком над Акимом Евсеичем!

"Господи, помоги Господи!" — не произвольно шептал Аким Евсеич. Злость, ненависть, отвращение и страх за дочь свою, смешались в его душе.

— Не прогонял бы! Счёт оплачивать всё одно придётся!

— Возьми с меня! — упал на колени Аким Евсеич.

— Только кровью можно искупить! Либо сын твой, либо внук твой погибнет мучительной смертью у тебя на руках. Выбирай.

— Нет у меня ни сына, ни внука. Путаешь ты что-то.

— А ты подумай. Пораскинь мозгами, — прошелестел то ли смешок, то ли вздох.

В мгновение ока в голове Акима Евсеича пронеслась Натали, примеряющая подвенечное платье и Марья Алексеевна, ожидающая ребёнка. Его ребёнка.

— Изыди! Гад проклятый! При жизни от тебя муку мученическую терпела моя дочь, да до неё сколь девиц со света сжил? И после смерти не успокоишься никак? Изыди! — Захлёбываясь собственным дыханием, хрипел Аким Евсеич. И вдруг воочию увидел, как огромная кошка в рыжую и чёрную полоску отделилась от него и бросилась в сторону жуткого призрака, и только светящиеся нити связывали её с Акимом Евсеичем! Бесформенный серый сгусток дернулся в одну, в другую сторону и исчез так, будто и вовсе его не было. А тигровая кошка вернулась к Акиму Евсеичу и медленно улеглась по очертаниям его тела, слившись воедино. Тут же непреодолимый сон напал на него, так, что он чуть не свалился со стула. Кое-как добредя до кровати, уснул, не успев коснуться подушки.

Утром Аким Евсеич проснулся со странным ощущением: будто ночью он жил в реальном мире, а теперь спит. Самые обычные вещи казались непривычными, неудобными, не настоящими. А главное он постоянно помнил о том, что сказал призрак. А ещё донимало гнетущее ощущение, будто надел на себя малую одежду и пытается разместиться в ней. Постепенно это мучительное состояние стало отпускать. Помогла придорожная суета, когда хочешь не хочешь, надо выезжать. Билеты куплены, день венчания Натали и Михаила Михайловича назначен.

"Рассказать Натали? Нет. Это омрачит столь важные для неё дни". — И Аким Евсеич втянулся в предотъездную сутолоку.

В усадьбе князей Немировых

В усадьбе князей Немировых Натали и Акима Евсеича встретили достойно. Дабы жениху и невесте до венца под одной крышей не спать, Натали и Настасью, (а как без неё собраться под венец?) — отправили в город, где заранее были сняты роскошные номера. Аким Евсеич остался на некоторое время в имении, чтобы уточнить тонкости завтрашнего дня. Дело-то хлопотное!

Конечно, из города до имения следовало добираться по просёлочной дороге и не сказать, чтобы далеко, но Натали следовало проделать этот путь в подвенечном наряде. Однако, как оказалось, и это было предусмотрено.

По предварительной договорённости с Михаилом Николаевичем выезд для невесты обещался подготовить он сам, всё-таки далековато Акиму Евсеичу до имения князей Немировых. Вот и успокоил его дядюшка будущего зятя, мол, не беспокойся, всё будет в наилучшем виде. Но Аким Евсеич даже представить не мог, что за зрелище его ожидает.

Невероятная роскошь выезда, который подготовили для Натали, поразила Акима Евсеича. Карета оказалась одним цветом с платьем Натали, колеса сверкали позолотой. Запряжена она была шестеркой лошадей изабелловой масти, нет не белой, а цвета слоновой кости или сливок. Шестёрка лошадей оказалась настолько ослепительно красивой, что Аким Евсеич долго не мог поверить своим глазам. Длинные золотисто-молочные гривы роскошным шёлком растекались по шеям лошадей. Под стать гривам были и хвосты. Копыта лошадей аккуратно обёрнули тряпицами.

— Это пока по просёлку до города едем. А там — разуем коней. Золотом заблестят. — Горделиво пояснял конюх.

— Это, это чьи же такие? — еле перевёл дух Аким Евсеич.

— Его благородие, граф Михаил Николаевич подарил на свадьбу племяннику своему, зятю вашему, значит. — Поклонился Акиму Евсеичу в пояс. И видя заворожённый взгляд Акима Евсеича, продолжил рассказ:

— К каждой из этих лошадок приставлен отдельный конюх. Головой отвечает. Спит рядом, до преж чем лошадь кормить, сам пробует. Родились-то они "цветными" — рыжими да гнедыми — но уже в молодом возрасте стали темно-серыми в седых "яблоках". Ну а потом уж и все поседели. Михаилу Николаевичу за каждую из них целое состояние предлагали. Отказался.

Аким Евсеич глядел на всё это великолепие и вдруг поймал себя на том, что разговаривает с женой, так, будто она живая, только по какой-то причине не может всего этого видеть.

В город Аким Евсеич приехал поздно. Но Натали ещё не спала.

— Батюшка, Аким Евсеич, уж и не знаю, как быть? Ничто не помогает. Бродит как тень по этим комнатам и сна ни в одном глазу, — зашелестела над ухом Настасья. — Я ей чаёк приготовила, а она пить отказывается. Вас ждёт, чтоб удостовериться всё ли в порядке. Вишь, выезд-то для невесты с нашей стороны должен быть, а получилось, Немировы предоставляют. Вот и волнуется.

Аким Евсеич устало улыбнулся, чуть помахал рукой, мол, успокойся. И тут, услышав их разговор, вышла Натали.

— Уж и не знаю, рассказывать ли тебе, всё одно завтра сама увидишь? — улыбался Аким Евсеич. — Карету подадут на рассвете, когда горожане ещё спят. А как проснуться увидят чудо чудное! — И Аким Евсеич, не удержавшись, рассказал про увиденных красавцев лошадей.

— Батюшка, Аким Евсеич, позволь, Христа ради, уложить нашу голубушку в постель. Да и вам пора. Завтра день-то какой! Да и настой травяной стынет, а его горячим пить надобно, чтобы душа ночью не тревожилась, а отдыхала.

— Да, конечно. Чуть не забыл. Парикмахер прибудет чуть свет. Ну, уж сначала меня обиходит, потому как время мало потребуется, потом за тебя возьмётся. А сейчас, Настасья права, спать, спать, спать.

Туманное утро за окном делало карету и лошадей плохо различимыми. Гривы и спины их были прикрыты покрывалами, даже хвост заправлен в специальный чехол. Кучер, дожидаясь в прихожей, пояснил, что вот туман осядет, солнышко проглянет, он снимет попону и хвост распустит, с копыт тоже тряпицы снимет. А то вода каплями осядет и никакого вида не будет.

Как только первый солнечный луч ударил в окно, Натали вышла на крыльцо. Аким Евсеич держал дочь под руку, и видел, сколь бледна она.

— Натали, смотри, как красиво!

— Да, конечно.

Он помог дочери сесть в карету, и удивленно повернулся к ней.

— Натали, что с тобой?

— Мне страшно, батюшка.

— Тебе? Страшно? С чего бы?

— Смогу ли я, сумею? Я покидаю родной дом не для того, чтобы быть последней среди первых.

— Дочь моя, весь народ выходит из одних ворот!

Не ожидавшая таких слов от Акима Евсеича, Натали улыбнулась.

— Вот, уже лучше. Ты не безродная, не бедная. Что нам с тобой, кроме собственных страхов, угрожает? — И вдруг почувствовал, как внутри кольнуло неприятное воспоминание. Но он взял себя в руки: — Это вековая традиция невесте плакать перед венцом. Но ты-то своё уже выплакала. А кроме того, как полагается, уезжая исповедовалась, второй день маковой росинки во рту не держала, с раннего утра до прихода парикмахера стояла перед образом, коей мы с собой привезли. Помни, тебя не из милости берут в жены, это ты снизошла и согласилась.

Натали отодвинула шторку, выглянула в оконце:

— Батюшка, мы странно едем, сначала в центр, потом... будто опять в центр.

— А, совсем запомнил. Михаил Николаевич распорядился, даже вчера специально на пролётке с кучером проехал по нужным улицам. Чтоб кучер знал, где следует быть замеченной карете невесты графа Немирова.

— Настасья наказывала, из-под венца другой дорогой возвращаться.

— Другой и вернёшься. В Спасском со своим супругом останешься. — И вздохнул грустно.

— Что-то и вы не очень рады...

— Я? Да что ты? Я... — и постарался сделать озабоченное лицо, — я беспокоюсь, как там в церкви, всё ли готово к венчанию.

— Батюшка, милый батюшка, я буду писать тебе часто и приезжать друг к другу будем...

— Ну да, ну да. Вот как только вернётесь с графом из-за границы...

— Пока ещё не уехали. А потом, если придётся — не на веки же вечные.

За этими разговорами дорога до имения оказалось вовсе не долгой.

Церемония венчания происходила в крайне торжественной атмосфере. Родителям при венчании присутствовать не полагалось. Михаил Михайлович и так к этому времени был сиротой, поэтому посаженным отцом пошел Михаил Николаевич, который заранее переговорив с Аким Евсеичем, и получив его предварительное согласие, пригласил своего давнего друга Светлейшего князя Ипата Тихоновича Безбородко. И это титулование: Светлейший князь — произвело на Акима Евсеича сильное впечатление. С людьми такого ранга ему даже встречаться не приходилось, ведь это высший княжеский титул, дававшийся за особые личные заслуги. И вот Светлейший князь будет на свадьбе его дочери посаженным отцом. Занятый своими делами и загруженный разными хлопотами Аким Евсеич, не особенно задумывался о той перемене места своей дочери и соответственно, его собственного места, в обществе. Ведь среди окружения Акима Евсеича ни один человек не устраивал Михаила Николаевича на роль посаженного отца Натали. Тут-то и понял Аким Евсеич всю глубину и важность совершаемого шага и по достоинству оценил старания дядюшки своего будущего зятя. На что Михаил Николаевич пояснил, что своих детей у него нет, и племянник единственный. Поэтому род продолжать следует с особым чаянием.

— Но Натали вдова и мы не столь богаты. Вот и многие заботы, например, карету вы взяли на себя. — Вежливо интересовался Аким Евсеич.

— М... тот факт, что Натали вдова, очень затруднял принятие моего решения о согласии на брак. Однако юной девицы равной вашей дочери по красоте и уму, мы не нашли, хоть и предприняли все возможные усилия. А время поджимает. Я ведь тоже в летах, хотелось бы увидеть продолжателей нашего рода. — Он помолчал, с прищуром глядя на Акима Евсеича, и продолжил: — Хотя, скажу откровенно, если бы не чрезвычайное чувство, которое испытывает мой племянник к вашей дочери, возможно я бы и воздержался. И скорее всего, воздержался бы от такого решения.

— Но и богатств равных вашим мы не имеем...

Михаил Николаевич махнул рукой:

— Будет вам, будет! Наши дети вот вот встанут на белый плат перед аналоем, а вы всё о суетном...

После свадьбы началась визитная неделя, молодые посещали родственников. И поскольку родственников со стороны Натали Акимовны в столичном граде не было, то посещали родню князей Немировых.

Уставший от всей этой суеты, Аким Евсеич не чаял вернуться домой. Глядя на дочь, не переставал удивляться: откуда взялись эти манеры, эта властность. Не прошло и двух недель, как Натали стала графиней Немировой, а будто родилась ею. И было видно, что жизнь такая ей по душе. А что ещё желать отцовскому сердцу? И только одна тайная мысль угнетала его.

Воспоминание о том, последнем посещении призрака Кузьмы Федотыча в ночь перед отъездом из Бирючинска. Однако пока об этом думать было рано. И Аким Евсеич душевно распрощавшись с зятем и его дядюшкой, обняв Натали, отправился назад в Бирючинск, где, как он думал, дела его уже заждались. Здесь же пустое, по его понятию, время препровождение утомляло пуще всякой работы.

Провинциальная мистерия

Вернулся Аким Евсеич в Бирючинск уставший и грустный. С ним приехала и Настасья которая сразу же отправилась в дом Марьи Алексеевны, где Акинфий уже дождался свою женушку. Однако грустить и скучать Акиму Евсеичу, совершенно не было возможности. При всем старании Акинфия, скопилось множество дел требующих срочного его вмешательства. Время бежало столь быстро, что два месяца миновали как один день. Почти каждый вечер, сидя в кабинете Кузьмы Федотыча, сильно изменившимся за эти годы: с новыми обоями по стенам, новой мебелью, Аким Евсеич полагал, что давно бы уж пора переехать в собственный давно отремонтированный дом. Да все не досуг заняться переездом. Ведь надобно сначала слуг перевести, гардероб, опять же документы, разложенные здесь в определенном порядке и имеющие каждый своё место. А тут всё сложить в кучу, потом разобрать... При этих думах, всякое желание переезжать незаметно уступало место обычным делам и чаяниям.

В этот вечер Аким Евсеич получил письмо от Натали, где она писала, что всё у неё слава Богу, но сильно скучает по нему, поскольку никогда прежде так долго отдельно от батюшки не проживала. А вскорости предстоит им с мужем поездка в страну, куда Михаил Михайлович назначен посланником. Далее Натали писала, что занялась изучением языка той страны, куда надлежит отправиться. Супруг очень одобряет такое её начинание. А кроме того балы почитай что каждый вечер, иногда по два к ряду. И везде надлежит появиться. Домой возвращаются за полночь, а чаще под утро, сетовала Натали. Но в этих её словах чувствовалось и удовольствие от такой жизни, и лёгкое хвастовство. Перед кем, как не перед родным батюшкой позволить себе порадоваться? Ещё писала: "Михаил Николаевич также занят государственными трудами и ежели раньше он управлял и своим дворцом и (тут Аким Евсеич был приятно удивлён), и нашим — писала Натали, то есть это означало, что чувствует она себя там как дома, — то теперь, труды его направлены на казенное поприще и заниматься дворцовым хозяйством совершенно некому. Найти же достойного человека, коей мог бы относиться к имуществу как собственному, по утверждению Михаила Николаевича, совершенно немыслимо". Далее Натали писала, что муж и его дядя собираются писать письмо Акиму Евсеичу с просьбой продать недвижимость в Бирючинске и переехать на постоянное жительство в Питер, с тем, что бы управлять всем немалым имуществом. Жить, по желанию, он может в любом из дворцов, либо купить отдельный где-либо поблизости. Ещё Натали писала, что умоляет батюшку не отказываться, поскольку жить одной семьёй куда благополучней, чем быть разделёнными многими вёрстами.

Прочитав письмо, Аким Евсеич впал в растерянность. Шаг серьёзный, а он уже не молод. В Бирючинске его каждая собака знает, каждый будь то служивый или гражданский человек, на слово верят. А там?

Слуги в доме давно спали. И только Аким Евсеич даже не пытался лечь. Он стоял у окна и вспоминал... как писал записку Марье Алексеевне. Тогда это были мучительные, жгучие переживания, а теперь — приятные воспоминания о любовном трепете, который, к горькому сожалению Акима Евсеича, куда-то улетучился. И не то, чтобы женщины перестали его интересовать, скорее наоборот, женщины... ну просто как женщины, теперь

интересовали даже более чем прежде, а вот того трепета, что он испытывал только к двум из них: к своей супруге, матери Натали, и Марье Алексеевне — не было. Не смотрел он другим в глаза, не придумывал по ночам слов. М... да. Старость, что ли, подбирается? Но с какого-то странного бока она подбирается. Ранее он и подумать не мог, что друг заметит как прогуливается мясничиха, а чуть ниже спины на платье у неё турнюр туда — сюда, туда — сюда...

— Тьфу! О чем это я? Надобно о деле. Вон, бумаги не разобранные. А у меня на уме турнюр мясничихи! — так негромко убеждая себя в приближении старости, Аким Евсеич сел в рабочее кресло и уж было взял в руки бумагу, как вдруг ему показалось, будто где-то котёнок что ли, мяукает? Но в доме никакой живности не водилось. Аким Евсеич затаил дыхание. Звук не прекращался, а казалось, даже усилился. Он осторожно поднялся из кресла и, стараясь не шуметь, пошёл на звук. В прихожей и вовсе замер. Звук доносился с улицы. А лето давненько кончилось. Он осторожно отворил запоры на входных дверях и выглянул на улицу. Прямо на последней ступени крыльца лежал свёрток, из которого и раздавался слабый писк.

"Подкидыш" — обомлел Аким Евсеич, и хотел было кликнуть Дуняшу или Федота, как вдруг почувствовал, будто кто-то его за рукав тронул. Обернулся: тень в плащ завернутая:

— Это я, Настасья. Погодите людей звать. Марья Алексеевна родила. Велела вам подкинуть и мне не показываться. Но мне-то известно: ваш это сынок.

От неожиданности Аким Евсеич дар речи потерял.

— Несите дитё в дом, застудите.

Он кивнул и, не оглядываясь, на негнущихся ногах стал спускаться со ступеней.

В маленьком свёртке кто-то слабо трепыхался. И Аким Евсеич, войдя в дом, не знал, как быть. Куда деть этот свёрток, чтобы закрыть дверь? От шума хлопнувшей входной двери проснулся Федот, потом истопник и Дуняшка, за ними вышла повариха. Все недоуменно выстроились напротив хозяина, который в домашнем халате стоял возле распахнутой настежь входной двери и держал, судя по виду, спеленатого младенца. Несколько секунд так и стояли, молча, глядя друг на друга, пока не охнула Дуняшка:

— Подкидыш!

И тут пришёл в себя Аким Евсеич:

— Чего замерли, как столбы солёные? Спите, хоть обкричись! Дуняшка, возьми... э... дитё.

— Куда его? В уют-то утром только... А пока — ко мне что ли? — И заулыбалась, заглянув под уголок простынки: — Ма-а-ахонький. И голодный, вон рот разинает.

— Счас нажую в тряпицу, да пусть до утра вместо мамкиной титьки мякает... — договорить поварихи Аким Евсеич не дал:

— Чего это раскомандовалась? Нажует она? У кого тут из баб дитё недавно родилось?

— У Маняши, но это не её дитёнок. Ейному более месяца будет. А этот... — голос Дуняши дрогнул. — Несчастный, родным папеньке и маменьке не нужен, покинут, позаброшен...

— Дура! Иди с дитём в кабинет, обустрой его как-нибудь пока на диване, там тепло. А ты Федотка, беги к Маняши. Скажи, срочно кормилица требуется. Да не стой ты истуканом! Приведёшь Маняшу, беги за доктором. Надо осмотреть. Мало ли?

— Дохтур денег стоит. А на подкидыша чего тратить? Больно мал, вряд ли долго протянет! — Вроде как себе под нос, но чтоб все слышали, высказалась повариха.

— Цыц! — вдруг взвился Аким Евсеич. — Распустились тут без меня. На короткое время оставить невозможно. Сам решу, как быть и что далее делать! Иди, — подтолкнул Дуняшу к кабинету.

Услышав слова поварихи о том, что подкидыш долго не проживёт, Аким Евсеич под тёплым халатом покрылся холодным потом, потому что тут же вспомнил угрозу жуткого призрака Кузьмы Федотыча о том, что на его руках умрёт либо сын его, либо внук. И вот он держит на своих руках сына.

Все стали расходиться. И только повариха не могла успокоиться:

— Чудит барин. Уехала Наталья Акимовна, он тоскует по ней. Вот помяните моё слово, повесит себе на шею это ярмо.

— Ну, повесит, его дело. С чего-то ему ни кому другому подкинули?

— Тю-ю-ю, бабника нашёл! Сколь в его доме служу, ни к одной служанке не подкатился. Это, думаю, дело тё-ё-ёмное. Родила богатая барынька, видел простынка какая? Вот и выбрала, чтоб дом не бедный и хозяин не злой.

— Ладно, утром посмотрим, каков хозяин. А Дуняшка-то чего лыбится, будто подарок получила?

— Дурак ты, хоть и истопник! Наталья Акимовна в отъезде, кому Дуняше прислуживать? А-а-а? Откажет ей Аким Евсеич, куда податься? Где ещё такое место найдёт? Она сейчас костями ляжет, убеждая оставить дитёнка, вот и в ней необходимость обозначится.

В кабинете Дуняша распеленала младенца. Аким Евсеич смотрел на маленькое, сморщенное, розовенькое тельце сына и думал: "Мой сын! Радоваться бы, от такого счастья. А я трясусь как осенний лист. И ладно, что незаконнорожденный, потом что-нибудь придумаю. Усыновлю, найду способ, но как его жизнь сохранить?"

И тут, ни с того ни с сего, вдруг представился ему маленький гробик, а в нём вот этот малец!

— У-у-у-у — то ли застонал, то ли завыл Аким Евсеич, такую душевную муку причинило ему это видение. Он выскочил за дверь. Где же Федотка? На четвереньках что ли за доктором и кормилицей ползёт?

Дуняша, вроде дитём занята, а сама краем глаза за хозяином следит. Такая его реакция не укрылась от неё, и утром она по большому секрету рассказывала домашним, как Аким Евсеич злился и не хотел даже видеть мальчика, а она его оберегала и всячески расхваливала, стараясь убедить Акима Евсеича оставить ребёнка.

— Вот, что я вам говорила? — подбоченилась повариха. — Уговорит девица хозяина, в её интересе. Исподтишка умаслит, убедит.

Кормилицу и доктора дождалась только к утру. Прибыли враз, будто на крыльце друг друга дожидались. Для доктора — младенец новый пациент, это если Аким Евсеич оставит подкидыша у себя, в доме малютки доктору никого резона он не представлял. Молоко у Маняши что твои сливки и хоть залейся, так что не особенно затруднительно выкормить. "Где один, там и два прокормятся", — кивнула соглашаясь. Получалось, заработок прямо сам к ней в руки свалился.

Доктор, осмотрев малыша, удовлетворённо кивнул, и тут же озадаченно нахмурился.

— Э... при первичном осмотре установлено: младенец... мужского пола... — и замолчал.

— Это мы ещё ночью... заметили, — не выдержал Аким Евсеич.

— И рождён, не далее как вчера в седьмом часу вечера... э...

Аким Евсеич внимательно посмотрел на доктора, который вдруг цветом лица стал напоминать варёного рака.

— Есть новейшая научная метода, позволяющая определять... э... — мямлил доктор.

— Очень даже замечательно, что в нашем городке столь просвещённый доктор, — прекратил его мучения Аким Евсеич. И тут же поверг в ещё большее смущение:

— А не скажите ли мне, нет ли такой методы, или вашего наблюдения за местными роженицами, чтобы определить его матушку?

— Э... наука, пока что... э... да и я... э...

— Значит, нет. — И протянул доктору приятную купюру. — Да и вы доктор, вчера в седьмом часу вечера дома за чаем время проводили. Не так ли?

Красный как рак доктор, на глазах стал приобретать свой обычный цвет лица, и, спрятав в карман приятную купюру, подтвердил, что никаких вызовов к пациентам у него не было. И значит, ребёнок, скорее всего, привезён из какого-нибудь ближайшего помещичьего имения. И желая поскорее убраться восвояси, подтвердил, что мальчик здоров и всё с ним в порядке. Но, увидев предостерегающий жест Акима Евсеича, вместо того, чтобы поспешить к выходу, неловко засуетился и сел в кресло. В этот момент Аким Евсеич приоткрыл до этого плотно затворённую дверь, и, убедившись, что Федотка и Дуняша толкуются у дверей, то есть явно подслушивают, громким голосом начал разговор:

— Вот, это вам за визит, — протянул ещё одну купюру Аким Евсеич. — Значит, говорите, самолично видели странную карету, приехавшую в наш город?

— Э... — пожевал губами доктор, — днём видел-с. В нашем городе подобной не наблюдалось. Вот, значит на ней и привезли подкидыша.

— Во-о-т! А это значит, что малец знатных кровей! Так доктор? — всё также громко говорил Аким Евсеич, явно стараясь быть якобы подслушанным слугами. Ведь тогда они разнесут по всему Бирючинску всё услышанное, как самое что ни на есть подлинное объяснение этому случаю.

— Да, да! Судя по карете, жаль я не успел разглядеть в подробности. Но... богатая карета, да, да!

— И советуете мне не отдавать младенца в приют, потому как благородная порода у него с рождения на лице прописана.

— И не сомневайтесь! Вот сами посмотрите: лоб, нос, опять же уши... — Говоря всё это, доктор отчего-то показывал не на младенца, а на Акима Евсеича.

— Благодарю, доктор. Не буду долее задерживать, вас другие пациенты, вероятно, заждались уже.

— К... к... конечно, — был готов подтвердить всё что угодно, никогда ранее не заикающийся доктор. — С...судьба частнопрактикующего доктора, — он вздохнул, покачал головой, вытер вспотевшие шею и лоб белым батистовым платком, — не легка. Крутишься, крутишься... кхм, кхм, как белка в колесе.

— Ежели хорошенько покрутиться, то и на хорошенький домик можно накоромчить. — Улыбнулся Аким Евсеич, провожая доктора в прихожую. Однако только за доктором закрылась дверь, лицо Акима Евсеича приобрело тревожное выражение. Призрак Кузьмы Федотыча, дамокловым мечом висел над ним и грозил ужасающей бедой. Запомнить такую угрозу ни смог бы ни один человек. А из угрозы следовало, что на руках у Акима Евсеича в муках умрёт его сын! Поэтому перво-наперво, следовало съехать из дома Кузьмы

Федотыча в свой. И Аким Евсеч назначил переезд назавтра. Для чего отрядил Федота купить люльку и преобразовать комнату Натали в детскую.

— Батюшка, Аким Евсеич, я уж и не знаю, с какого бока за такое дело братья? — развёл руки в стороны Федот. И Акиму Евсеичу ничего другого не оставалось, как поехать к Марье Алексеевне с просьбой отпустить на некоторое время Настасью, ввиду невозможности обойтись своими силами. Ведь кроме всего прочего он завершал ремонт дворца супруга Марьи Алексеевны, графа Сташено-Дагомышского. И тут как раз подходило время проверить качество работ по реставрации паркетных полов и навеску входных ворот. Тех самых ворот, которые навязал городской голова. Поскольку покупка ворот не была оговорена, Аким Евсеич пару месяцев назад уведомил о ней Кирилла Романовича, не забыв приписать, что прежние ворота ржа поела, которая приключилась с ними от того, что не было соответственного ухода: петли не смазанные, сами ворота не крашенные. В нынешнем состоянии ворота могут упасть и придавить кого-либо из хозяев или гостей, проезжающих в них.

Ведя разговор с доктором, Аким Евсеич был убеждён, что ребёнка родила Марья Алексеевна и значит это его сын. Да и Настасья успела шепнуть, что это так. Но со всей этой суетой он как-то выпустил из вида, что же теперь сама Марья Алексеевна? Как полагает выпутаться из всей этой истории? Как будет объясняться перед супругом? Для этих мыслей у Акима Евсеича ни сил, ни времени не оставалось. Как-то толпились они на заднем плане и не очень волновали его. Зато странное чувство, будто помолодел на десяток лет, посещало каждый раз, когда он на цыпочках подходил к младенцу, чтобы всего лишь посмотреть на его личико.

Могилка под грушей

Пролётка остановилась у ворот дома Марьи Алексеевны. Аким Евсеич, запланировав другие неотложные дела, спешил вверх по ступеням, чтобы испросить Настасью в помощь Федоту, когда входные двери отварились и Марья Алексеевна, грузно опираясь о руку своей горничной, вышла ему на встречу. Было очевидно, что она находится на последних месяцах беременности.

— Марья Алексеевна! — Раскланялся Аким Евсеич. — Простите Христа ради, не стабы тревожить вас в вашем нынешнем положении... — тут глаза Акима Евсеича округлились, растерянность была столь велика, что оступившись, он чуть было не рухнул ей под ноги.

— Ах, врач ввиду моего плохого самочувствия, прописал дышать свежим воздухом. Вот, направляюсь на бульвар. Не будите ли столь любезны, проводить меня?

— Конечно, конечно. Принепременно! — И подал ей руку. — Я как раз на пролётке, велю Федотке ехать аккуратно, не тряско! — И только спустившись с лестницы, вспомнил, зачем приехал к ней. Сбивчиво изложив свою просьбу и причину, ещё раз глянул на округлившуюся фигуру Марьи Алексеевны и почувствовал, как волоса у него на голове становятся дыбом. Ему вдруг на мгновение почудилось, что это всё сон, проделки проклятого вампира. Но Марья Алексеевна на удивление быстро и правильно поняла его сбивчивую речь.

— Я сама ожидаю в скором времени прибавления в нашем семействе, и даже письмо дорогому супругу написала, что поскольку моё самочувствие вызывает у врача тревогу, то ему стоит поторопиться и вернуться раньше обещанного срока. Но... на день другой так и быть отпущу Настасью помочь вам с обустройством нужной комнаты.

Когда пролётка подъехала к аллее, Аким Евсеич помог ей спуститься, раскланялся и сел обратно, но был настолько растерян и озабочен, что просто не мог должным образом сосредоточиться на своих делах. Это что же, ребёнок не его? Но как же Настасьины слова? Неужели злобный призрак Кузьмы Федотыча так его крутит? И никакая Настасья ночью ему не шептала, что это его сын. Ему померещилось. Опять же доктор... Он мог просто поддакивать любым его словам, получив столь щедрое вознаграждение. Да и не сказал доктор ничего определённого. Но как тогда поступить с этим ребёнком? Однако дела не ждали. И отпустив пролётку за Настасьей, волей неволей погрузился в заботы доходных домов.

На следующий день суеты было столько, что Аким Евсеич, хоть и не мог забыть ни на минуту, о том, чей же это ребёнок, всё-таки и принять решение отдавать ли младенца в приют, тоже почему-то не мог. Объяснения такому своему состоянию, он не находил. За прошедшие сутки ему понравилось думать, что род его приумножается, что этот младенец его плоть от плоти, кровь от крови! И, грешным делом, он уже придумал, как скрыть факт его появления. Ведь если усыновить ребёнка тут, а потом приехать в Питер, то знать будут только близкие люди: Натали, её муж и его дядюшка. Так от них и так не скроешь.

Но, вопрос не требовал срочного решения и Аким Евсеич пока отложил его. И думать ему об этом почему-то не хотелось. И Аким Евсеич уехал проверять, как во дворце подобраны и уложены паркетные вставки в местах требующих ремонта, и новые ворота

навешаны. Но обернуться за короткое время не получилось. Тем более что вскорости ожидался приезд самого Кирилла Романовича. И вместо недели, на которую рассчитывал, Аким Евсеич пробыл более месяца.

Вечерами, в пустом дворце, где и слуг-то найти мудрено, Аким Евсеич сидел в библиотеке. Это была небольшая комната, за окнами которой виднелись деревья старого парка. Стены в этой комнате Аким Евсеич распорядился окрасить в кремовые тона, что очень подходило к простому сосновому полу в ней, в отличие от остальных паркетных полов дворца. И теперь эта атмосфера навевала на Акима Евсеича чувство задумчивого покоя. Похоже, комната оставалась в первозданном виде не один десяток лет. На стенах всего три картины небольшого формата и два старинных портрета. В старинных шкафах красного дерева за стеклами таинственно поблескивают золотом корешки старых книг. Иногда Аким Евсеич брал одну из них и начинал читать. За окном шумел ветер, поскрипывали полы и фигура Жан-Жака Руссо искусно выполненная из папье-маше, дань модному когда-то увлечению, совсем как живая сидела в кресле напротив Акима Евсеича. Может из-за этой фигуры он и приходил сюда? Первые дни ему было не по себе видеть странный манекен, но потом от скуки и одиночества долгими вечерами он даже стал разговаривать с ним. А днём, сколько не пытался выяснить: в каком месте скрипят полы, так и не смог. Качества они были отменного.

— Что только ночью ни почудится! — качал он головой.

В один из вечеров, разговаривая с манекеном французского философа, Аким Евсеич окончательно пришёл к выводу, что ребёнок, подкинутый ему — неизвестно чей. Ведь если Марья Алексевна по-прежнему носит ребёнка, то значит, он пока что не родился. И этот подкидыш совсем чужой. Ну и поскольку известное дело, с глаз долой из сердца вон, стал Аким Евсеич себя укорять за глупость и излишнюю сентиментальность. Всех брошенных детей не приютишь, тем более ещё неизвестно, как оно обернётся, когда Марья Алексевна своего родит! Да теперь бы уж пора.

— И каково ваше мнение на этот счёт? — от невозможности долее молча рассуждать сам с собой, Аким Евсеич обратился к манекену. — Понимаю, по воле создателя вашего, вы немые. Но здесь, на книжных полках, есть ваши труды. И я ими воспользуюсь.

Аким Евсеич взял книгу с золочёным корешком и наугад открыл страницу. Ткнув пальцем, прочёл: "Человек, перестань искать виновника зла; этот виновник ты сам".

Аким Евсеич с удивлением и растерянностью, переходящий в суеверный страх, аккуратно положил книгу:

— И что бы это значило? В чём тут моя вина? Ну... да. Грех прелюбодеяния должен быть наказан, — прошептал Аким Евсеич, и посмотрел на манекен. И вдруг ему показалось, что эта кукла, величиной в человеческий рост, чуть повернула голову и с укоризной глянула на него. Холодок, лёгким дуновением просквозил по шее Акима Евсеича. Неподдельный страх сжал его сердце. На онемевших ногах он сделал шаг, другой и уже протянул руку, чтоб открыть дверь, как за его спиной раздался резкий скрипучий звук! От испуга рука Акима Евсеича промахнулась и, вместо дверной ручки, он ухватился за воздух. Резко повернувшись, вжался спиной в дверь. Фигура Жан Жака оставалась по-прежнему в кресле, всё также неподвижно. И только прежде закрытая форточка в оконном переплёте, была распахнута, и ветер трепал шторы.

— Господи, это всё нервы! В этом старом пустом дворце, в его тёмных многочисленных комнатах, не мудрено с ума сойти. Хотя, когда сюда вернутся хозяева, то все залы засияют

светом и наполнятся суетой. Но меня здесь уже не будет. И, Слава Богу! — всё это Аким Евсеич, ещё не совсем успокоившись, высказал вслух, будто этот манекен мог его услышать. Однако прочитанная фраза запомнилась. Ещё не раз припомнит её Аким Евсеич.

Поезд прибыл в Бирючинск рано утром. Как и прежде встречал Акима Евсеича Федот. Пролётка как игрушечка, кожаный верх начищен, даже дутики ваксой чернёны. Лошадь сытая, ухоженная, так и лоснится.

В доме полный порядок. Пахнет пирогами. Тишь да гладь, Божья благодать. И только одно тревожило Акима Евсеича: надо было отправить младенца в приют. И так задержался в его доме. Считай спас от смерти в первые дни его жизни.

— Дуняша! Давай-ка собирай мальчика, да вези в приют. Не те у меня годы, чтобы брать чужого мальчика на воспитание, — сам не зная почему, оправдывался Аким Евсеич. И, чтобы не видеть, как ребёнка увозят, надолго скрылся в кабинете.

"Вот тебе и возьми, с чего бы так прикипел к чужому мальцу, что сердце свербит, и душа мается?" — думал, перебирая бумаги, Аким Евсеич, а в мыслях всё к тому младенцу обращался, будто прощения просил. За что?

До полночи не мог уснуть. С чего-то вздумалось глянуть: детскую люльку увезли в приют, или нет? Теперь-то в доме она к чему? И он пошёл в комнату.

Ставни в комнате не закрыли, и луна освещала небольшое уютное пространство. Пахло молочком и ещё чем-то неуловимо сладостным, щемящим сердце. Пустая люлька чуть покачивалась, так, будто заботливая рука няни баюкала дитя.

— Завтра велю произвести всё в прежний вид. — И направился назад.

Более недели жил, Аким Евсеич ежедневно вспоминая, отданного в приют мальчишку. А в этот вечер в дом заехал врач, чтобы осмотреть младенца. Вид он имел томный и говорил немного рассеяно. При этом постоянно потирал пальцами лоб, будто закрываясь то ли от страшного видения, то ли от чужих взглядов. Узнав, что младенца отвезли в приют, растеряно и сокрушенно покачал головой:

— Жаль, жаль. За месяц он заметно окреп. И... и думается мне, что кровей он, действительно благородных. — При этом врач имел такой вид, будто хотел что-то добавить, но не решался.

— Вы будто что-то ещё хотели сказать? — Аким Евсеич пригласил его сесть в кресло.

— Да, последние двое суток очень меня утомили. Марья Алексеевна родила... мёртвого младенца, — говоря это, доктор имел до крайности смущённый вид.

— Что-о-о? — ужаснулся Аким Евсеич.

— Роды начались преждевременно и были очень тяжёлы, — не громко и не очень разборчиво произнёс доктор.

Но сам вид доктора и несвойственная ему манера говорить, заставляли думать, что всё сказанное сплошное лукавство. С одной стороны, уезжая, Аким Евсеич видел Марью Алексеевну на сносках. Это значило, что подкинутый ребёнок не его, поскольку к тому времени ещё не родился. С другой стороны, если принимать в расчёт, что Марья Алексеевна носит его ребёнка, то ему давно пора родиться. Акиму Евсеичу одновременно стало холодно и жарко. Что же тогда получалось? Нет, ничего не получалось! Никакие сроки и даты не складывались в его голове. — Аким Евсеич еле удерживал на своём лице маску спокойствия. Наконец, сглотнув тугой ком, не своим голосом спросил:

— Отпевание младенца когда?

— У Марьи Алексевны началась родовая горячка, и чтобы не травмировать её ещё сильнее, я распорядился похоронить младенца. Всё необходимоё батюшка уже совершил.

— Где... похоронили?

— В саду за домом. — Врач в упор посмотрел на Акима Евсеича. — Вы так близк принимаете к сердцу горе Марьи Алексевны. Человеческое сочувствие — это очень похвально!

И уже собираясь выходить, опять повернулся к Акиму Евсеичу:

— А мальчика, что вы отдали в приют, я бы на вашем месте оставил.

— Так его родители распорядились. Я сделал для него что мог. Он находился в моём доме более месяца.

— Да, да. Его родители распорядились, конечно, конечно. Кто ж ещё? — Доктор какое-то время стоял в нерешительности, потом повернулся к Акиму Евсеичу:

— Поскольку мои визиты к младенцу вами оплачены заранее, навещу кА я его в приюте! — и вышел вон.

К вечеру Акиму Евсеичу стало окончательно не по себе. Решил было откровенно переговорить с Марьей Алексевной, но доктор сказал, что у неё родовая горячка. Эта болезнь унесла жизнь матери Натали. И Аким Евсеич знал, что в таком состоянии говорить никак нельзя. Но сидеть в бездействии тоже невтерпёж. И он решился! Ближе к вечеру, закутавшись в старый просторный чёрный плащ, стараясь оставаться незамеченным, вышел из дома. Как тать крался тёмными закоулками, прижимался к заборам! Возле ворот Марьи Алексевны остановился, благо к этому времени темень окончательно спустилась на улицы. Оглянувшись, торопливо отомкнул своим ключом калитку, и шмыгнул в сад, где, по словам доктора, похоронили младенца.

Луна ещё не взошла и в саду стояла сплошная темень. Лишь слабый свет из окон спальни Марьи Алексевны бросал желтоватые пятна на голые ветви и чёрную сырую землю. Аким Евсеич зажёл фонарь и осмотрелся. Где-то здесь должна быть могилка. Значит, земля будет рыхлая, да крест и бугорок должны быть. Он нашёл то, что искал под раскидистыми ветвями старой груши. Поставил фонарь и стал рыть ещё не слежавшуюся землю руками и небольшой лопаткой, которую прихватил у себя дома на кухне. Оказалось не так это и трудно. Комья земли просто выгребал чуть в сторону. Вот показался небольшой деревянный ящик. Не помня себя, Аким Евсеич вынул его из ямы. За спиной хрустнула ветка. Аким Евсеич оглянулся, но сидя на корточках, в темноте мог различить только неясный чёрный силуэт.

— Не пугайтесь, Аким Евсеич. Это я, Акинфий. Пойдёмте со мной к нам во флигель. Не к чему вам тут находиться. Увидит, не дай Бог, кто.

Аким Евсеич сел на землю.

— Нет, мне надобно знать... — еле выговорил пересохшим горлом. — Я должен видеть...

— Да нечего там видеть. — Акинфий потянул его за пальто, но Аким Евсеич так ухватился за гробик, будто нашёл сокровища.

— Говорю же вам, пустое дело.

— Доктор мне рассказал...

— Пойдёмте во флигель, — настаивал Акинфий. — Наталья вам обскажет всё в подлинности. А я тут порядок произведу. А то вона что... нарыли.

Но Аким Евсеич только мотал головой в темноте.

— Тогда ждите туточки, я сей момент выдергу принесу, чтоб крышку открыть.

Акима Евсеича била нервная дрожь. И казалось, Акинфий бесконечно долго ходил за этой выдергой.

В ночной тишине жутко проскрежетали выдираемые гвозди. Аким Евсеич затаил дыхание, и сам не замечая как, начал читать молитву "Отче наш". Акинфий откинул крышку и, в неверном свете взошедшей луны, стали видны контуры ребёнка, укрытого тонкой белой простынкой.

— Вот... — глухо проговорил Акинфий.

В это мгновение у Акима Евсеича мелькнула мысль: "Значит действительно, всё правда, Марья Алексеевна родила мёртвого ребёнка, и в приют я отдал чужого. Но призрак говорил, что мой сын умрёт у меня на руках", — и чуть коснулся простынки. Тут со вздохом наклонился Акинфий, и ничуть не церемонясь, схватил огромной пятернёй эту простынку вместе с тем, что было под ней.

— Не смей! — задохнулся от горя и сердечной боли Аким Евсеич.

— Да вот же гляньте, — Акинфий откинул простынку. Аким Евсеич зажмурился. — Я же говорил...

Какое-то время Аким Евсеич не решался открыть глаза, когда же решился, то увидел, как болтаются тоненькие ножки, и ночной ветерок отдувает простынку.

— Кукла это. Старая тряпичная кукла! — и Акинфий вернул её в гроб.

— Погоди. — Аким Евсеич медленно приходил в себя. Он поднес фонарь к нарисованному лицу, потом перевёл взгляд на Акинфия.

— А дитё?

— Так Настасья его вам отдала более месяца назад. — В голосе Акинфия слышалось недоумение. — А это, — он кивнул на гробик, — оправдание пред законным супругом Марьи Алексеевны.

Только теперь Аким Евсеич понял все хитросплетения этой истории.

— Я домой... — Аким Евсеич похлопал себя по карманам, но денег с собой не оказалось.

— Оплачено всё сторицей и отдельно за молчание и мне, и Настасьи, и врачу. Только Настасья вылезла с языком, шепнула вам, что дитё ваше. Сильно мальчика жалела, хотела у нас оставить, нам — то пока Бог не даёт, да Марья Алексеевна сказала, что дитё ваше. Всё, мол давно решено.

Аким Евсеич плёлся домой как побитая собака. Было горько, больно, стыдно... что ещё? Ещё он ненавидел женщину, которую прежде так любил.

— Она меня не принуждала, не скрывала, что замужем. Моя вина не мене её. Господи, прости меня, грешного! Сын мой в сиротском приюте м...м...м. — Невыносимо жгло за грудиной. А ещё подумалось: " Каково-то придётся Натали, если вся эта история выплывет на белый свет? Докатится до её супруга. Не дай Бог повредит его репутации и скажется на карьере. А уж что ждёт Марью Алексеевну, а ведь у неё ещё двое деток... м...м...м! — Тут Аким Евсеич как огромная птица встрепенулся, размахнув полами огромного чёрного пальто: " Чего крылья опустил? Утречком в приют и забирай скорее", — распорядился сам себе. И заключил вслух:

— Что Марья Алексеевна сделала плохо, что верно, что не верно, грех наш общий,

теперь мне худшего не наворотить!

Дома сбросил пальто, велел нагреть воды, мол, запнулся на улице, упал. Надо себя в порядок привести. Но так до утра и не уснул. А утром, взяв с собой Дуняшу, велел Федоту рысью мчать их в приют.

— Чего барабаните ни свет ни заря? — На крыльцо вышла дородная женщина в белом больничном халате.

— Тут к вам младенца подкидыша на прошлой неделе привезли, так мы забрать его обратно приехали.

— Нельзя к нам, заразительная болезнь у нас. Ждите управляющего.

— Да это я младенца-то привезла, — била себя в грудь Дуняша. — Отдайте и вся недолга.

— Что ж это, господа хорошие, по-вашему, котёнок или щенок, то вышвырнули, то назад приняли?

Аким Евсеич вытащил из кармана купюру:

— Полагаю, мы с управляющим полюбовно сойдёмся. А ребёнка отвезли по ошибки.

— Вашего врач надесь осматривал, вроде как ничего был. А седни в ночь... — и махнула рукой.

— Федот, рысью за врачом! Рысью!

— Меня-то пропустите! Я вам в помощь! — кинулась к дверям Дуняша.

— Ну... ладно, проходите в кабинет управляющего, прямо по коридору... там увидите.

Вскорости Федот привёз и доктора и управляющего. И вроде бы всё решилось быстро, поскольку документы на подкидыша ещё не оформили, то вроде, как и не привозили.

— У него ещё и имени, у болезного, нет, — вздохнула нянечка.

— Вот ужо крестить будем, — вздохнула Дуняша, — батюшка определит.

— Евсей он. Поехали, что ли? — И помог Дуняше сесть в пролётку.

Вторые сутки младенец горел. И доктор, безвылазно находящийся при нём, только руками разводил.

Аким Евсеич сидел в кабинете, обхватив руками голову.

— Аким Евсеич? — В дверь тихонько заглянула Настасья: — Позвольте?

Он поднял голову:

— Входи.

— Позвольте, полечу его.

Аким Евсеич кивнул.

Через недолгое время она вернулась.

— Ну?

— Худо, совсем худо. — И не спросив позволения, села на стул. — Похоже родовое проклятие на нем. Ежели только Кузьма Федотыч лютует? Более некому.

— Как быть-то теперь? — Аким Евсеич даже спорить не стал, вспомнив обещание призрака, о том, что его сын умрёт на его руках.

— Знаю, един случай, когда спасли младенца тем, что внесли его в церкви в царские врата. Там его нечесть не достанет. И это только на три дня. Ежели за это время никакого выхода не найти, потом всё одно, как свечка тихонько догорит.

— Но хоть три дня у нас есть! Может найдём выход! — Посмотрел на Настасью и поджал губы.

— Так, говоришь, спасли младенца? Значит, за три дня нашли выход?

— Нашли. Родитель его во искупление своих грехов уж точно не знаю, но жертву больно сурьёзную принёс.

— Значит так, езжайте за батюшкой... — И кинулся на улицу полуодетый.

— Батюшка, Аким Евсеич, куда вы? — Настасья, было, кинулась следом, но Аким Евсеич бежал по улице так ходко, что ей было не догнать. Она вернулась домой:

— Федот, беги следом за хозяином. Не знаю что, но что-то недоброе задумал! В сторону вампирского дома побежал, а сам нараспашку и масляная лампа в руке!

Когда Федот подбежал к дому, тот пылал с трёх сторон.

— Сгори! Изыди! Провались! — кричал и прыгал с обезумевшим видом вдоль улицы Аким Евсеич. Расслышать, что вопит сам не свой Аким Евсеич не было никакой возможности. "Сгорит! Сгорит! Сгорит!" — слышалось Федоту. Да и не до того в такую минуту стало. Тушить надобно, а не прыгать! Дом-то не на пустыре стоит, другие недалече. Из соседних дворов повыскакивали соседи. Приехала пожарная упряжка. К утру залили остатки некогда крепкого дома. Соседи крестились, что их Бог миловал.

Уставшие и измученные Аким Евсеич и Федот вернулись домой. А там война: батюшка с врачом только что в рукопашную не вступают. Батюшка при поддержке Настасьи утверждает, что младенца надобно срочно в церковь нести, а врач грудью дверь загораживает, утверждает, что ребёнок корью заразился в сиротском приюте. Эпидемия там. И сейчас у него кризис!

На улице ещё только забрезжил рассвет, когда батюшка, зевая и крестясь, стал собираться домой. Доктор отдавал наставления:

— Ежели кашель сильно будет донимать... о-хо-хо... мал он ещё, кашлять-то не умеет, так вот, кашлять он будет особенно ночью. Следите, чтоб не задохнулся. Переверните, пошевелите. Будет нужда, так и потрясите и по спинке слегка похлопайте. Давайте из соски обильное питьё, прикладывайте к шее теплые губки. Комнату держите умеренно тёплой, проветривайте чаще. Дышать ему тяжело. Горло и рот обметало сильно. Сами тонкой тряпицей лицо прикрывайте, а не то... — посмотрел на батюшку, — никакие царские врата не помогут. Корь у взрослых тяжело проходит, можно и в других вратах оказаться.

— Питьё-то на каких травах? — деловито интересовалась Настасья, которая на этот случай оставалась при ребёнке.

— Голубику, оксамит, семя дикой репы... понемногу. Мал он ещё... для такой болячки.

— Вы то доктор, как бы не заболели... — озаботилась Дуняша.

— Я заговоренный, — и оглянувшись на насторожившегося батюшку, добавил: — было дело, болел в ранней юности, теперь эта зараза ко мне не пристаёт. — Посмотрел на грязного и чёрного от сажи Акима Евсеича:

— В таком виде не то, что младенца, самого рогатого господина испугать можно. Помылись бы... — и, махнув рукой, уехал отдыхать.

Болел Евсей тяжело и долго. Но уход был — лучше некуда. И он потихоньку стал выкарабкиваться. Чтобы облегчить его состояние Дуняша, а по вечерам Аким Евсеич носили младенца на руках. Так ему легче дышалось, отёк меньше закрывал горло. Из домашних

никто корью не заболел. Батюшка утверждал, что его молитвами, а доктор пожал плечами:

— Кто в детстве корью не болел? Второй раз эта зараза не пристаёт.

А по городу Бирючинску поползли слухи, что злостный вампир вздумал дома жечь. Соседи самолично видели, как метался возле дома несчастный Аким Евсеич, да где уж было потушить, ежели адское пламя со всех сторон пожирало прижизненное пристанище злостного вампира!

Слушая прихожан, батюшка пояснял, что есть только один путь избежать напасти, чтобы вампир не взялся другие дома жечь, надо место то, на котором его дом стоял, да потом вампир его сжёт, пожаловать под сиротский приют или больницу для людей обездоленных. Что Аким Евсеич и сделал в тот день, когда доктор сказал, что опасность миновала, и Евсей пошёл на поправку. А вскорости горожане стали собирать деньги на строительство больницы, наибольший взнос пришёлся от Марьи Алексеевны. И горожане это понимали: ребёнок в родах помер. Слухи ходили: чуть сама богу душу не отдала, вот и благодарит Всевышнего за своё спасение взносами в богоугодные дела.

В этот вечер, заранее прислав визитку, к Акиму Евсеичу пожаловали визитёры: граф Кирилл Романович Сташено-Догомышский со своей супругой графиней Марьей Алексеевной, которая к возвращению мужа уже оправилась от болезни, хоть и была ещё слаба.

Граф был удручён и всё так же еле жив. И Аким Евсеич, глядя на его мокрый от испарены лоб, и бледность щёк, удивлялся: как при такой слабости здоровья граф выдерживает дальние поездки? Слушал его и думал: "Скрипучее дерево скрипит, да живёт. Похоже, и Кирилл Романович ещё многие лета скрипеть будет". А граф тем временем заявил:

— Супруга моя очень тяжело перенесла потерю ребёнка. Врач пояснил мне, что дитя унаследовал от меня болезненное состояние, отчего и помер. Жена написала мне с просьбой вернуться поскорее, я сразу же отправился в путь, хоть и не окончил курс лечения. Теперь же стараюсь всячески поддерживать её, опасаясь повторения приступов родовой горячки. — И он стал промокать большим белым платком вспотевший лоб.

— Я полагаю, теперь уже опасаться нечего, поскольку... э...

"И кто меня за язык тянет?" — подумал Аким Евсеич и умолк на полуслове.

— Однако я намерен всячески ограждать Марью Алексеевну от излишнего волнения и исполнять её пожелания, — чуть коснулся локтя жены граф Кирилл Романович.

— Полагаю, вы правы. Марья Алексеевна столько пережила...

— И теперь она желает стать крёстной матерью вашему... м... подки...

Аким Евсеич вежливо улыбнулся и закончил за графа фразу:

— Евсею?

А через неделю Аким Евсеич получил письмо от Натали, в котором она сообщала, что получив от батюшки весточку, очень обеспокоилась каково-то ему одному с такими бедами и заботами? Писала, что удивлена появлением маленького Евсея, но и обрадована. Потому что пока ей Бог дитя не посылает, и остаётся только ждать, когда снизойдёт на их семью Божье благословенье. Что дом Кузьмы Федотыча сгорел — так пусть батюшка об этом не заботится, супруг её Михаил Михайлович просил никогда впредь об этом человеке не упоминать, а жену свою он сам содержать в состоянии.

Последние строки письма были приписаны двумя другими подчерками. И Аким Евсеич разволновался так, что пропустив часть письма Натали, стал читать эти строки. Сначала писал Михаил Михайлович, что всё бы хорошо, но Натали очень скучает о своём батюшке и, как бы ни пыталась скрыть сей факт, он это чувствует и понимает свою жену. До их отъезда ещё остаётся время и было бы хорошо, если бы Аким Евсеич принял их предложение переехать жить в Питер.

Следующие строки принадлежали Михаилу Николаевичу, который в сугубо деловом стиле пояснял, что зарабатывает Аким Евсеич в своем провинциальном городке меньше, чем они тут теряют на нерадивом управлении имуществом, поскольку сами заняты делами государственными. А чужие нанятые люди совсем другое отношение имеют. После отъезда племянника и вовсе свой глаз крайне необходим будет. А где его сыщешь? Ещё писал, что коли отношение Акима Евсеича к дитю столь серьёзно, что он его именем своего отца нарёк, то есть Евсеем, то пусть напишет прошение об усыновлении, с указанием, что ребёнок прижит без прелюбодеяния, и пошлёт ему, Михаилу Николаевичу. А он сможет ускорить решение этого вопроса. Но подчёркивал, что если только Аким Евсеич абсолютно уверен и твёрд в своём убеждении, поскольку, так или иначе, дитё это будет через Натали и для них не постороннее. Если же есть сомнения, то можно просто воспитанником оставить.

На что Аким Евсеич в тот же день ответил: "Каюсь, грешен. Но мать его назвать не могу, потому как теперь её статус изменился, а когда он был зачат, она была свободна от брака". — Хитрил Аким Евсеич, но ведь во благо своего сына и его матери! Не он законы пишет, в коих запрещено усыновлять деток, родители которых согрешили прелюбодейством. А дети выходит, без вины виноватые! И составив по всем правилам прошение, написав его со всей возможной аккуратностью, отправил оба письма Михаилу Николаевичу.

Следующее письмо написал Натали, что предложение её супруга принимает. Однако ему необходимо завершить многие дела, распорядиться и обустроить решение некоторых вопросов, а самое главное, чтобы Евсей окреп после болезни. Вот тогда он сможет двинуться с места.

После крестин Марья Алексеевна дом свой продала, при этом муж её, граф Сташено-Догомышский, настоял на непременном условии, чтобы за могилкой под старой грушей догляд и уход был самый почтительный. Стоя возле аккуратно холмика, он грустно вздыхал:

— Сыночек мой, истинный граф Сташено-Догомышский здесь покоится. Как же могу без пригляда бросить?

Настасья с Акинфием переселились в дом Акима Евсеича, где им были выделены комнаты, поскольку сам Аким Евсеич, большую часть своей жизни проживший в Бирючинске, опасался не прижиться на новом месте, так чтобы при желании было куда вернуться. Настасья должна была следить за домом, а на Акинфия ложилось управление комнатами и квартирами в доходных домах, той их частью, что принадлежала Акиму Евсеичу, да отправлять ему полученную прибыль вместе с отчётами.

Аким Евсеич уезжал из Бирючинска, когда морозы уже спали, а весенняя распутица ещё не превратила дороги в непролазные топи. Уезжал целым обозом на перекладных. Впервых, дитё малое с нянькой Дуняшей, Федот и сам Аким Евсеич, уже четыре души, да имущества необходимого набралось немалое количество. Вот и получилось два возка и подвода.

Впереди их ждала новая жизнь. Кто его знает — какая?

Больше книг на сайте - Knigoed.net

*отваживаться — устаревшая форма в значении приводить в чувство, производная от водиться, синоним нянчиться по отношению ко взрослому человеку

**бурнус — короткая верхняя женская одежда

***синих и ***зелёных вагонов — в синий цвет тогда красили вагоны второго класса, в зелёный — третьего

****эркер — выступающая из плоскости фасада часть помещения, обычно остеклённая, чтобы улучшить внутреннюю освещённость

*****картуш — украшение в виде щита или не до конца развернутого свитка, на котором помещается герб, эмблема или надпись